

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. АКМУЛЛЫ»

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Хрестоматия

Уфа – 2018

УДК 323.28
ББК 66.041.33
И 66

Подготовлено в рамках реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2017-2020 гг., утвержденного Распоряжением Правительства Российской Федерации №2452-р от 18 ноября 2016 года

Инновационные технологии профилактики экстремизма [Текст] / сост. Д.М. Абдрахманов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2018. – 170 с.

Хрестоматия адресуется бакалаврам, аспирантам и преподавателям гуманитарных вузов и колледжей, учителям, слушателям системы повышения квалификации работников образования, практическим работникам, всем интересующимся вопросами культуры, образования и профилактики экстремизма.

Рецензенты:

М.Д.Киекбаев, академик-секретарь отделения социально-гуманитарных наук Академии наук Республики Башкортостан, д.соц.н., профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан;
А.С.Дранный, заведующий отделом по координации антитеррористической деятельности и профилактики чрезвычайных ситуаций Межведомственного Совета общественной безопасности Республики Башкортостан, секретарь Антитеррористической комиссии Республики Башкортостан.

© Изд-во БГПУ, 2018
© Абдрахманов Д.М., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Абдрахманов Д.М. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА: ОПЫТ БАШКОРТОСТАНА.....	6
Л. А. Апанасюк ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА И КСЕНОФОБИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	23
Буткевич С.А. ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА ГЛАЗАМИ КРЫМСКИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЕЙ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)	35
Галковский А.А. ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОДГОТОВКЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ КАДРОВ В СФЕРЕ АНТИТЕРРОРА.....	47
Заливанский Б.В. ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ	53
Кондракова Э.Д. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИННОВАЦИОННОГО ВУЗА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА	61
Лебедев С.Я., Буткевич С.А. ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	69
Мамытов Т.Б. ИСЛАМСКАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА, ЭКСТРЕМИЗМА И РАДИКАЛЬНОГО РЕЛИГИОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА.....	82
Мкртумова И., Досанова А., Карабулатова И., Нифонтов В. КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИКО-РЕЛИГИОЗНОМУ ТЕРРОРИЗМУ КАК ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ДЕВИАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННО-ЭЛЕКТРОННОМ ОБЩЕСТВЕ	89

Мозговой В.Э.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ИННОВАЦИОННАЯ
ДЕВИАЦИЯ СОЦИУМА НАЧАЛА XXI ВЕКА 103

Мустафаева А.Р.

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И НРАВСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО
ПРОЦЕССА УЧАЩИХСЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ ИДЕОЛОГИИ
ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОЙ
СРЕДЫ 113

Сафин Р.Ш.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАНСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ
РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ С УГЛУБЛЕННЫМ
ЗНАНИЕМ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ИСЛАМА 120

Сингач А.Н.

ПРОФИЛАКТИКА МОЛОДЁЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА ПРОЕКТНЫМИ
ТЕХНОЛОГИЯМИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ... 130

Сюкияйнен Л.Р.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА, ДУХОВНЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ 143

Турский И.И., Лысяков О.А.

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОРГАНАМИ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ТЕРРОРИЗМА
И ЭКСТРЕМИЗМА 153

Чекалина А.А.

ПРЕВЕНЦИЯ ЭКСТРЕМИЗМА МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ 159

ВВЕДЕНИЕ

В хрестоматии представлены научные материалы, посвященные актуальной проблеме использования современных технологий в профилактике экстремизма и терроризма.

Современный экстремизм, развиваясь в сложных трансформациях турбулентного социума, несет новые риски и угрозы, приобретая зачастую новые виды и выражения. Соответственно, формы и технологии противодействия ему также должны меняться, учитывая, в том числе национальные, географические, социокультурные и, безусловно, психолого-педагогические особенности объектов воздействия.

Социальная профилактика как важная технология преодоления социальных дисфункций должна постоянно наполняться новыми смыслами, идеями и проектами, дополняя усилия правоохранительных и надзорных органов.

В хрестоматии мы постарались собрать наиболее интересные и полезные на наш взгляд материалы, подготовленные за последние пять лет. Материалы при всей их разноплановости объединяет понимание сложности и многоаспектности феномена экстремизма, необходимости противодействия ему на федеральном, региональном и муниципальном уровнях новыми технологиями на основе постоянно совершенствующегося научного знания.

Также в хрестоматии мы постарались отразить опыт работы по данному направлению вузов-участников реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама из Пятигорска, Казани и Уфы. Наряду с этим в сборнике представлено понимание проблемы экстремизма с точки зрения исламской правовой культуры.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА: ОПЫТ БАШКОРТОСТАНА¹

Глобальное общество начала XXI в. представляет собой человеческую общность, прошедшую через катастрофические уроки истории, на горьком опыте научившуюся тому, что самое ценное – не политические идеи, не технологические достижения, не утопические проекты вселенского счастья, а простое выживание и безопасное существование человечества.

Экстремизм в условиях глобализации и информатизации социума изменяет формы своего проявления, все чаще принимая виртуальный характер, зарождаясь и развиваясь в глобальной компьютерной сети, трансформируется в явления объективной реальности посредством социально-групповой самоорганизации молодежи. Возникающий тип коммуникации «виртуальная реальность – объективная реальность» позволяет молодежному экстремизму, первоначально развиваясь в Интернете, на последующих стадиях выходить за пределы виртуальной реальности и превращаться в различные формы соответствующего девиантного поведения молодежи (в политической, религиозной, информационной и других сферах). При этом как виртуальные, так и реальные молодежные группы посредством групповой коммуникации интенсифицируют процесс генезиса и развития молодежного экстремизма².

На территории Республики Башкортостан в настоящее время установлены следующие террористические и экстремистские организации, участники и приверженцы которых способны совершить преступления и правонарушения экстремистского и террористического характера:

---

¹ Абдрахманов Д.М. Актуальные проекты по профилактике молодежного экстремизма: опыт Башкортостана // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Молодежный экстремизм: современное состояние и методы противодействия». Уфа: Мир печати, 2018. С. 50-60.

² Кубякин Е.О. К вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи // Власть. 2010. № 9.

«Исламское государство», «Джебхат ан-Нусра», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Таблиги джамаат», «Нурджулар» (организации запрещены на территории Российской Федерации). Участники данных организаций выявлены в городах Уфа, Стерлитамак, Нефтекамск, Баймак, Сибай, Туймазы, Октябрьский и других городах и районах, что свидетельствует об обширной географии их противоправной деятельности.

В 2017 году на территории Республики Башкортостан зарегистрировано 17, раскрыто 11 преступлений указанной категории. Кроме того, в 2017 году на территории республики зарегистрировано 43 преступления террористического характера. Раскрыто 18 преступлений данной категории. В результате осуществления профилактической деятельности в 2017 году органами прокуратуры Республики Башкортостан вынесено 20 предостережений о недопустимости осуществления экстремистской деятельности. По 20 материалам органами прокуратуры Республики Башкортостан и органами предварительного следствия (СУ СК России по Республике Башкортостан и ГСУ МВД по Республике Башкортостан) вынесены представления об устранении нарушений действующего законодательства в сфере экстремизма. Органами Роскомнадзора ограничен доступ к 182 информационным материалам, включенным в Федеральный список экстремистских материалов. В органы исполнительной власти направлено 13 предложений по предупреждению экстремистской деятельности, снижению межнациональной и межконфессиональной напряженности. По материалам МВД по Республике Башкортостан к административной ответственности привлечено 52 лица по ч. 4 ст. 5.26 КоАП РФ (нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных организациях), ст. 20.2 КоАП РФ (нарушения установленного порядка проведения публичных мероприятий), ст. 20.3 (пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики), ч. 1 ст. 20.28 (организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о

приостановлении его деятельности) и ст. 20.29 КоАП РФ (производство и распространение экстремистских материалов).

Учитывая, что по большей части неопиты принимают не различные формы «этнического» ислама, например, т.н. «татарский» суфийский ислам, а т.н. «чистый» ислам, т.е. салафизм, на котором зиждется исламизм как политическая идеология, это облегчает процесс окончательной радикализации и вступления в ряды исламистов¹.

Обобщая сказанное выше, становится совершенно очевидным, что жизнедеятельность современного человека проходит в крайне небезопасных условиях. И мы считаем необходимым говорить об обеспечении духовной безопасности современного общества.

Духовно-нравственная безопасность – это система условий, позволяющая обществу сохранять свои жизненно важные параметры (прежде всего культурного, этического и интеллектуального характера), в пределах исторически сложившейся нормы. Их выход за рамки нормы ведет к распаду общества как целостной системы в связи с разрушением структурирующих его духовно-нравственных оснований.

Национальные интересы России в области духовной жизни, культуры и науки заключаются в духовном обновлении общества, сохранении его нравственных ценностей, утверждении в обществе идеалов высокой нравственности, патриотизма и гуманизма, развитии многовековых духовных традиций Отечества.

Обеспечение духовной безопасности является неременным условием сохранения национальной безопасности. Основными компонентами духовной жизни общества является наука и образование. Особая роль в духовной жизни общества принадлежит религии. Религия является одной из древнейших форм культуры. Это наиболее устойчивый общественный институт.

---

¹ «Исламское государство». Пропаганда группировки и механизмы ее распространения. Аналитический доклад / Автор А.Крупнов. М.: Центр изучения новых коммуникаций, 2017. С. 9.

Радикализация может иметь различный облик, к ней могут вести разные пути, да и распространяться она может с разной скоростью. Уровень образования, судя по всему, не может служить надежным показателем уязвимости к радикализации, однако выявлены социально-экономические, психологические и институциональные факторы, которые ведут к насильственному экстремизму. Специалисты разделяют эти факторы на две основные категории:¹

- ▶ «Подталкивающие факторы», которые подвигают людей к насильственному экстремизму, например: маргинальное положение, неравенство, дискриминация, гонения, реальные или вымышленные; ограниченный доступ к высококачественному актуальному образованию; лишение прав и гражданских свобод; другие экологические, исторические и социально-экономические невзгоды.

- ▶ «Притягивающие факторы», которые придают насильственному экстремизму привлекательный облик, например: существование хорошо организованных групп сторонников насильственного экстремизма с их убедительными призывами и эффектными программами, обеспечивающими получение услуг, дохода и/или занятости в обмен на членство в них. Такие группы также могут привлекать новых членов, предоставляя им возможность выразить свое недовольство и обещая интересную и свободную жизнь. Кроме того, кажется, что такие группы способны предоставить душевный комфорт, возможность «быть своим», благоприятную социальную среду.

Наконец, существуют контекстуальные факторы, обеспечивающие плодородную почву для появления групп сторонников насильственного экстремизма, такие как нестабильные государства, отсутствие верховенства закона, коррупция и преступность.

---

¹ Методическое пособие по предотвращению насильственного экстремизма (A Teacher's Guide on the Prevention of Violent Extremism). Опубликовано в 2016 г. Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. С. 12.

Безусловно, одним из основных направлений профилактики экстремизма является образовательное. Как справедливо замечает В.В.Плотников, «нарушение функциональности в сфере религии приводит к повышению общей нагрузки на институт образования»¹. В то же время следует иметь ввиду результаты исследований, которые свидетельствуют о неоднозначном влиянии образования на уровень экстремистских проявлений. «В целом наши данные показывают, что вероятность примыкания к экстремистским группировкам не понижается, а повышается с повышением уровня образования, причем для специальностей с высоким уровнем требований к профессиональным знаниям эта вероятность еще выше. Это первое системное подтверждение того, что ядро исламского экстремизма составляют потенциальные элиты, а не бедные и обездоленные»².

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы уже почти десять лет реализует План мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации. Для этих целей создан научно-исследовательский институт духовной безопасности и развития религиозного образования, который активно сотрудничает с Советом по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан, Центральным духовным управлением мусульман России, Духовным управлением мусульман Республики Башкортостан, а также другими российскими вузами-участниками проекта (МГУ им. М. Ломоносова, СПбГУ, Казанским (Приволжским) Федеральным Университетом, Пятигорским государственным университетом). В январе 2017 года подписано соглашение о сотрудничестве между БГПУ им. М. Акмуллы и

---

¹ Плотников В.В., Бабенков В.А. Феноменология института религии: социальная функция и дисфункция в системе государства // Теория и практика общественного развития. 2015. №3. С. 39.

² Gambetta D., Hertog St. Engineers of Jihad: The Curious Connection between Violent Extremism and Education. Princeton University Press, 2016.

Духовным управлением мусульман Дальнего Востока в рамках реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама на территории Дальнего Востока, включая территории регионов Российской Федерации: Амурская область, Еврейская автономная область, Камчатский край, Магаданская область, Приморский край, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Хабаровский край и Чукотский автономный округ.

НИИ курирует научно-методическое сопровождение деятельности исламских образовательных учреждений (прежде всего РИУ ЦДУМ России медресе ЦДУМ России и ДУМ Республики Башкортостан), повышение квалификации преподавателей, подготовку учебно-методических пособий, внедрение в учебный процесс современных информационных технологий.

За годы работы проекта курсы повышения квалификации прошли более 2000 слушателей, работников духовных управлений и преподавателей религиозных образовательных учреждений по программам:

«Педагогика в системе исламского образования»;

«Основы управления мусульманской религиозной организацией»;

«Специалист по государственно-конфессиональным отношениям».

С 2017 г. реализуется программа профессиональной переподготовки «Духовная безопасность и профилактика экстремизма».

Будучи, по сути, психопатологической реакцией фрустрируемой личности, экстремизм объективно выступает в качестве социального вызова, требующего комплексной реакции и совместных усилий граждан и общества¹.

Социальный портрет участника экстремистских групп в большинстве случаев можно представить следующим образом:

- возраст 14-19 лет,

---

¹ Профилактика экстремистского поведения молодежи в интернет-пространстве: традиционные и инновационные формы: учебное пособие / авт.-сост.: А.Г.Большаков, А.М.Межведилов, Е.А.Терешина и др. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 5.

- старшеклассник либо уже окончивший школу, но не поступивший в среднее специальное или высшее образовательное учреждение,
- из семьи со средним достатком.

События последних лет показали необходимость работы со всем населением, в том числе нерелигиозным. Осуществляется работа с группами риска, идет процесс создания волонтерских школ и школ лидерства для студентов духовных образовательных организаций. Уже пятый год реализуется проект выездных лекторских групп по городам и районам Республики Башкортостан по профилактике религиозного экстремизма и радикализма.

Основополагающим в деятельности БГПУ им. М. Акмуллы по реализации проекта развития мусульманского образования стала работа с молодым поколением. Основной целью является системная реализация инновационных проектов по развитию молодежных инициатив и противодействию экстремистскому влиянию. Исследования по региону показывают, что все больше молодежи интересуются религией и идут в ислам. Поэтому мы совместно с государственными органами республики и муфтиятами усилили работу с молодёжью, в которой акцент делается на просвещение, образование, работу с неформальными лидерами. В республике ежегодно проводятся образовательные, спортивные и культурные мероприятия для мусульманской молодежи.

Важной составляющей по выполнению данной программы является работа со СМИ, она была сосредоточена не просто на акцентировании внимания журналистов на освещении религиозных праздников и обрядов, а на их обучении с помощью дискуссионных площадок, круглых столов, семинаров, мастер-классов грамотному бережному подходу к религиозной тематике. Также БГПУ им. М. Акмуллы активно развивает собственные информационные ресурсы.

Значительным эффектом реализации проекта в Уфе стало то, что его признанный высокий уровень явился источником трансляции ценностей

ислама, традиционного для народов России, на Евразийское пространство. Так, муфтий Республики Кыргызстан выступил с инициативой открытия в Бишкеке филиала вуза-партнера БГПУ им. М. Акмуллы по реализации плана мероприятий по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама – Российского исламского университета ЦДУМ России. Реализация данного проекта позволит осуществлять распространение идей и ценностей российского ислама, культуры и языка далеко за пределы России, снимет потенциальные риски и угрозы. С 2017 г. реализуются образовательные программы для Кыргызской Республики.

С 2016 г. организована просветительская работа с чиновниками муниципального и регионального уровня, проведены курсы повышения квалификации более 100 председателей и секретарей комиссий по государственно-конфессиональным отношениям при главах муниципальных образований по 72-часовой программе дополнительного профессионального образования. Значимым достижением НИИ ДБ и РРО им. М. Акмуллы является разработка и поддержка нормативно-правового обеспечения образовательного процесса в духовных образовательных организациях, формирование и внедрение соответствующих локальных нормативных правовых актов. Важной составляющей по выполнению федеральной программы является работа со СМИ по освещению религиозных праздников и обрядов. Ежегодно разрабатывается около 20 учебно-теоретических, учебно-методических и учебно-практических пособий для подготовки бакалавров и магистров с углубленным изучением истории и культуры ислама, в том числе в духовных образовательных учреждениях.

Одним из важнейших направлений деятельности Института является организация выездных практических семинаров в городах и районах Республики Башкортостан по профилактике религиозного экстремизма. Информационно-просветительские группы, состоящие из представителей БГПУ, РИУ ЦДУМ России, ДУМ РБ, ежегодно выступают в 25 муниципальных образованиях республики. Наиболее интересные лекции и

доклады информационно-просветительских групп издаются в печатном виде. В них раскрывается гуманистическая сущность ислама и разоблачаются характерные для радикальных исламских течений суждения, являющиеся идеологической основой религиозного экстремизма. Слушателями семинаров стали сотрудники администраций муниципальных образований, члены комиссий по государственно-конфессиональным отношениям, учителя и старшеклассники общеобразовательных школ, студенты вузов и ссузов, работники правоохранительных органов, средств массовой информации, культуры и искусства, руководители молодежных общественных объединений, деятели религиозных конфессий. В целом, лекции прослушали более 6000 человек.

Информация о деятельности выездных лекторских групп регулярно появляется на страницах республиканской и местной печати, на телевидении, в Интернете. В целом, за последние шесть лет выездными лекторскими группами по профилактике религиозного экстремизма были охвачены практически все города и районы Республики Башкортостан. В некоторых районах просветительские группы БГПУ им. М. Акмуллы побывали по два-три раза.

Для использования в практической деятельности по профилактике религиозного экстремизма БГПУ им. М. Акмуллы был издан сборник тиражом 500 экз. к межрегиональной научно-практической конференции «Общественная безопасность: новые идеи и вызовы времени», проведенной 17 мая 2016 года в г. Мелеуз БГПУ им. М. Акмуллы при поддержке Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан, собравшей около 500 участников.

К данной конференции подготовлено и издано большим тиражом информационно-справочное пособие «Экстремизм. 100 ответов на насущные вопросы об экстремизме и терроризме».

НИИ ДР и РРО БГПУ им. М. Акмуллы ведет информационный ресурс «Ислам-эксперт» (*expert.bspu.ru*), на котором в режиме он-лайн специалисты

Центра отвечают на актуальные вопросы по культуре ислама и развитию мусульманского образования.

Результаты научных исследований сотрудников Института публикуются в печатных изданиях и размещаются на сайте (bspu.ru/unit/22 или mnicrmo.ru). С 2017 г. издается собственный научный журнал «Образование и духовная безопасность».

В конце марта 2017 г. завершился очный этап разработанной Институтом 72-часовой дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Гражданское население в противодействии распространению идеологии терроризма», проводимой в соответствии с Протоколом совместного заседания Антитеррористической комиссии Башкортостана и оперативного штаба в РБ.

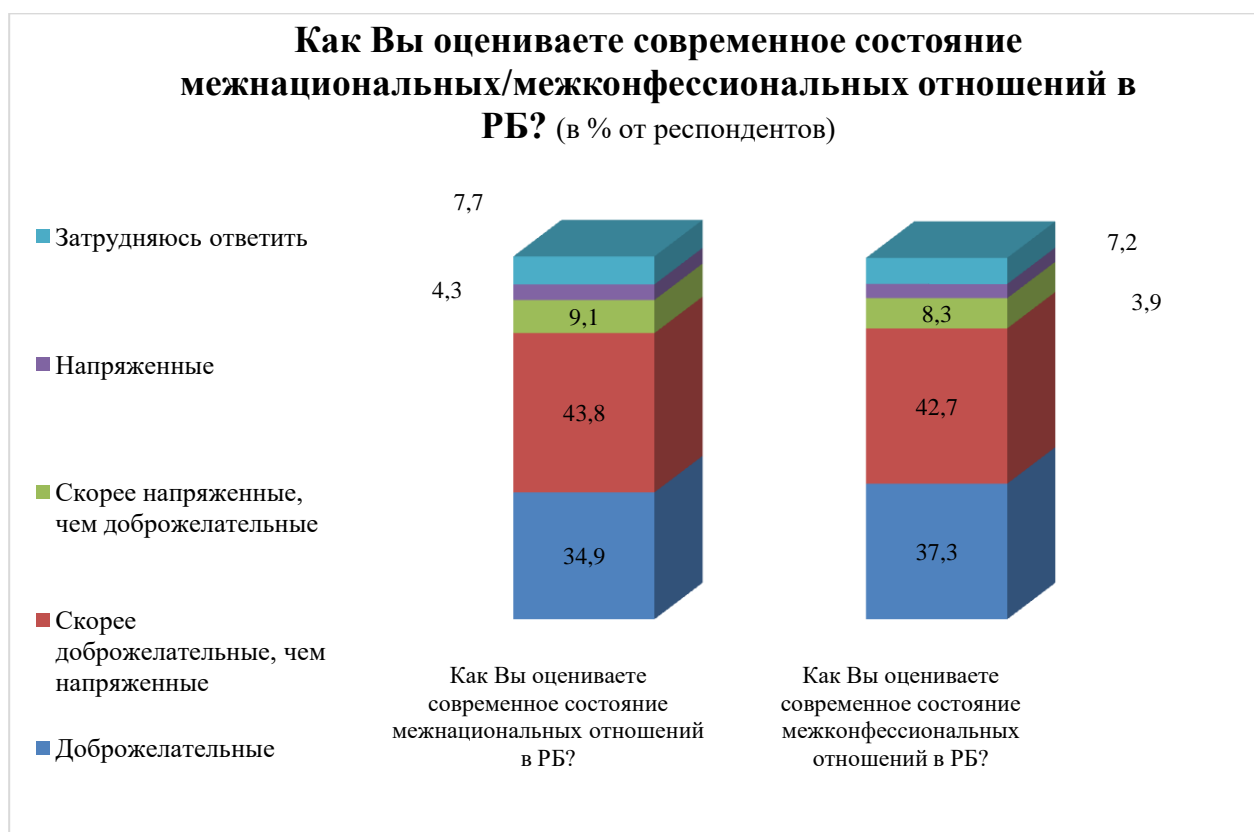
В июле-октябре 2016 г. Межведомственным научно-исследовательским центром развития мусульманского образования БГПУ им. М.Акмуллы проведено комплексное социологическое исследование (социологический опрос, фокус-группы, экспертные интервью) «Конфессиональные отношения и религиозное образование в Республике Башкортостан». В ходе социологического исследования было опрошено 900 респондентов. Тип выборки – квотная, многоступенчатая. Выборка репрезентирует население РБ в возрасте 16 лет и старше по полу, возрасту, образованию, типу населенного пункта. Метод опроса – личные формализованные интервью по месту жительства респондента.

В данной публикации представим материалы о состоянии межконфессиональных и межконфессиональных отношений и угрозах распространения экстремизма.

Текущее состояние межнациональных отношений в Башкортостане можно охарактеризовать как в целом доброжелательные (78,7 %), что является нормой для многонациональной республики, где взаимоотношения между представителями разных этносов выстраивались в течение многих столетий. Многонациональный состав населения республики оказывает

позитивное влияние на межконфессиональные отношения, которые характеризуются респондентами как спокойные и скорее спокойные (80 %).

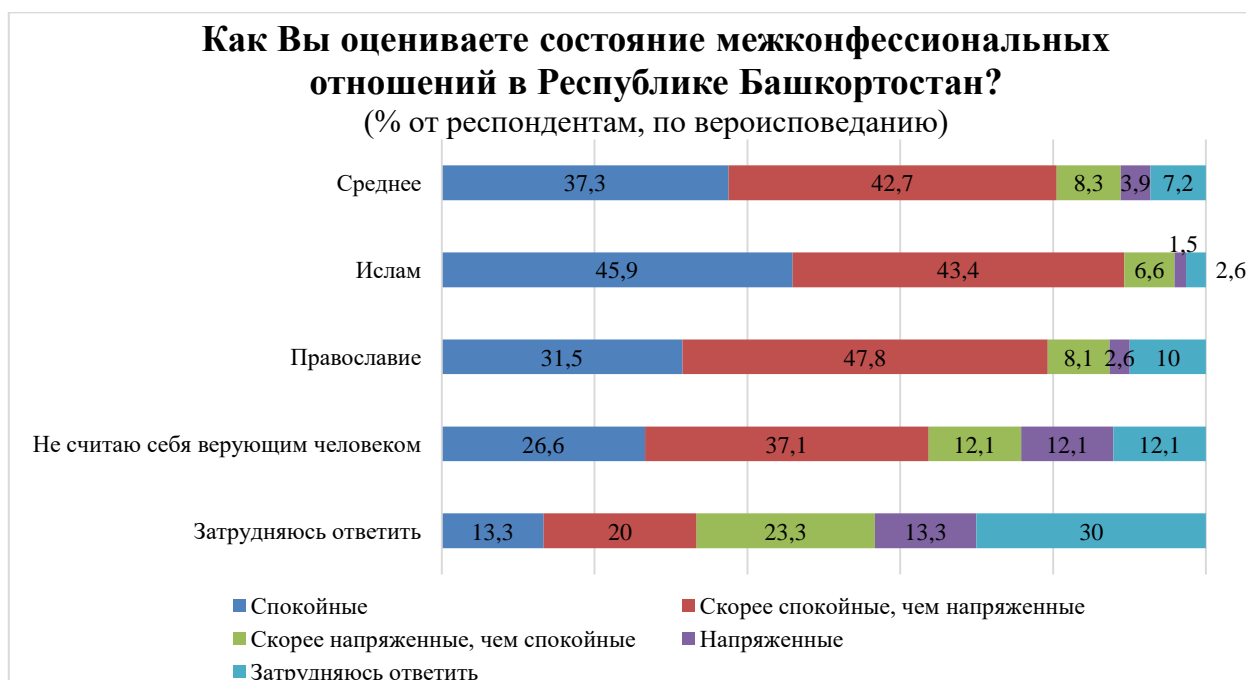
Рисунок 1

В религиозном срезе фиксируются определенные отличия в оценке межконфессиональных отношений. Спокойными и скорее спокойными отношения между представителями различных конфессий считают 89,3 % мусульман и 76,3 % православных христиан. Также среди христиан больше респондентов (10,7 %), считающих, что межконфессиональные отношения в республике носят напряженный характер, чем среди мусульман (8,1 %).

Рисунок 2

Мусульмане более оптимистичны в оценках межнациональных отношений. 43,8 % мусульман считают, что отношения в республике доброжелательные. Среди христиан доля «позитивистов» несколько меньше – 28,1 %.

Рисунок 3

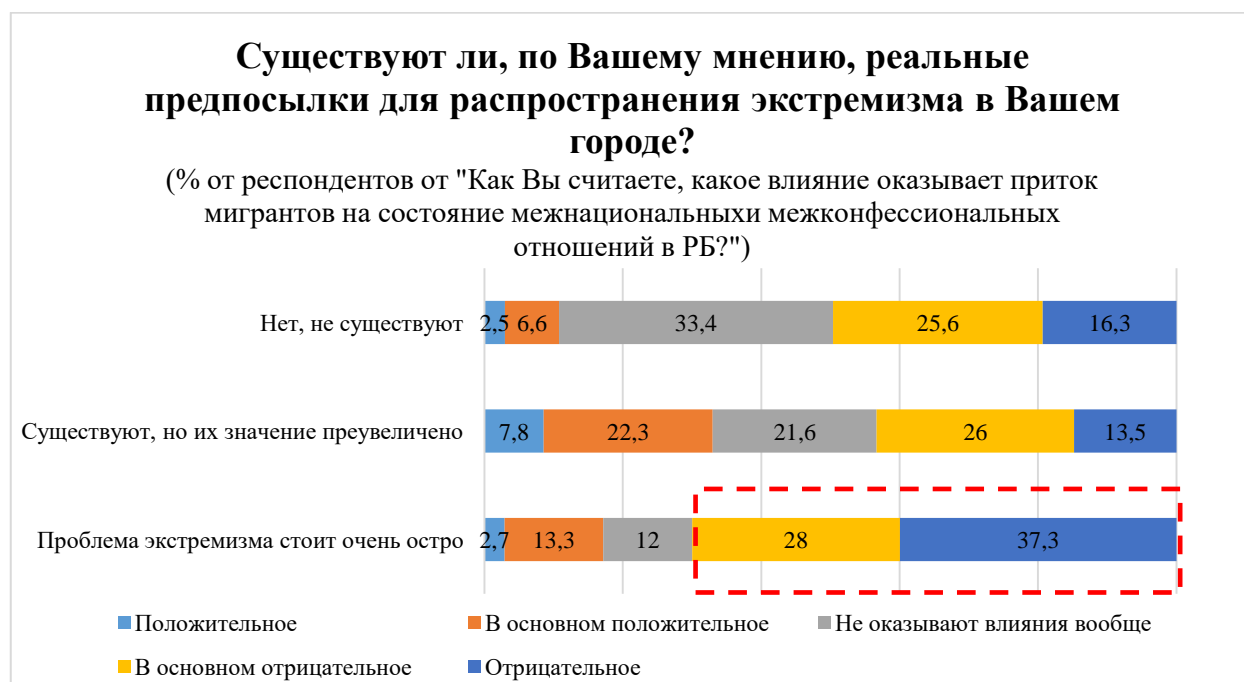
Обращает на себя внимание то, что среди представителей двух основных конфессий Башкортостана незначительно число алармистов, склонных негативно оценивать состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в республике.

Анализ данных исследования позволяет говорить об устойчивом характере доброжелательных отношений в республике. По мнению 35,6 % респондентов, предпосылки для распространения экстремизма отсутствуют, порядка 32,9 % опрошенных отмечают их наличие, но считают, это маловероятно. Лишь 8,3 % участников опроса считают, что проблема экстремизма в республике стоит очень остро.

Рисунок 4

Фиксируется связь между трудовой миграцией и угрозой экстремизма в представлениях респондентов. 63,3 % участников исследования, считающих, что проблема экстремизма в республике стоит очень остро, отрицательно оценили влияние трудовой миграции на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Башкортостан.

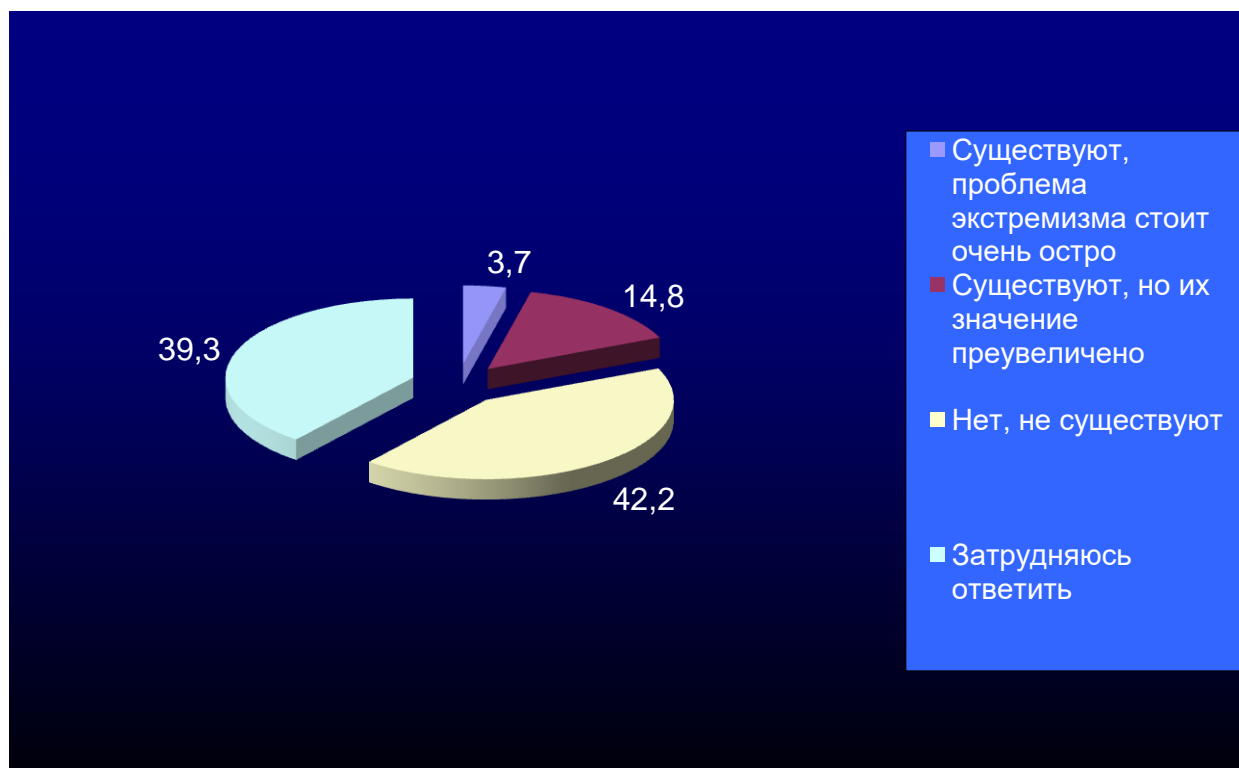
Таким образом, по мнению значительной части участников исследования, трудовая миграция представляет один из каналов распространения экстремизма в Республике Башкортостан.

Исследование, проведенное в 2017 г., состояло из социологического опроса, проведенного среди представителей мусульманского духовенства, и экспертного опроса, направленных на выявление проблем межконфессиональных отношений и состояния мусульманского религиозного образования в Республике Башкортостан. В ходе социологического исследования было опрошено 210 имамов, а также 30 экспертов. Тип выборки – квотная, многоступенчатая. Выборка репрезентирует представителей мусульманского духовенства по возрасту, образованию, типу населенного пункта. Для данной выборки максимальный размер ошибки не превышает 2,5%. Метод опроса – социологическое исследование методом интервьюирования. Продолжительность каждого интервью составила 35-40 минут, в ходе которых респондентам задавалось 30 вопросов – опрос имамов, 27 вопросов – опрос экспертов. Помимо

ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

Большую актуальность представляет вопрос о реальных предпосылках распространения экстремизма в населённых пунктах, в которых проживают опрошенные имамы. Относительное большинство полагает (42,2%), что проблемы экстремизма в их населенном пункте не существует. Высокую актуальность проблемы подтвердили лишь 3,7% опрошенных, ещё 14,8% считают, что проблема есть, но сильно преувеличена. При этом, следует отметить, что 39,3% опрошенных имамов затруднились с ответом. Это очень высокий процент для вопроса, ответ на который представляется достаточно однозначным. Возможно, речь идёт о нежелании имамов общаться с интервьюером на острую тему.

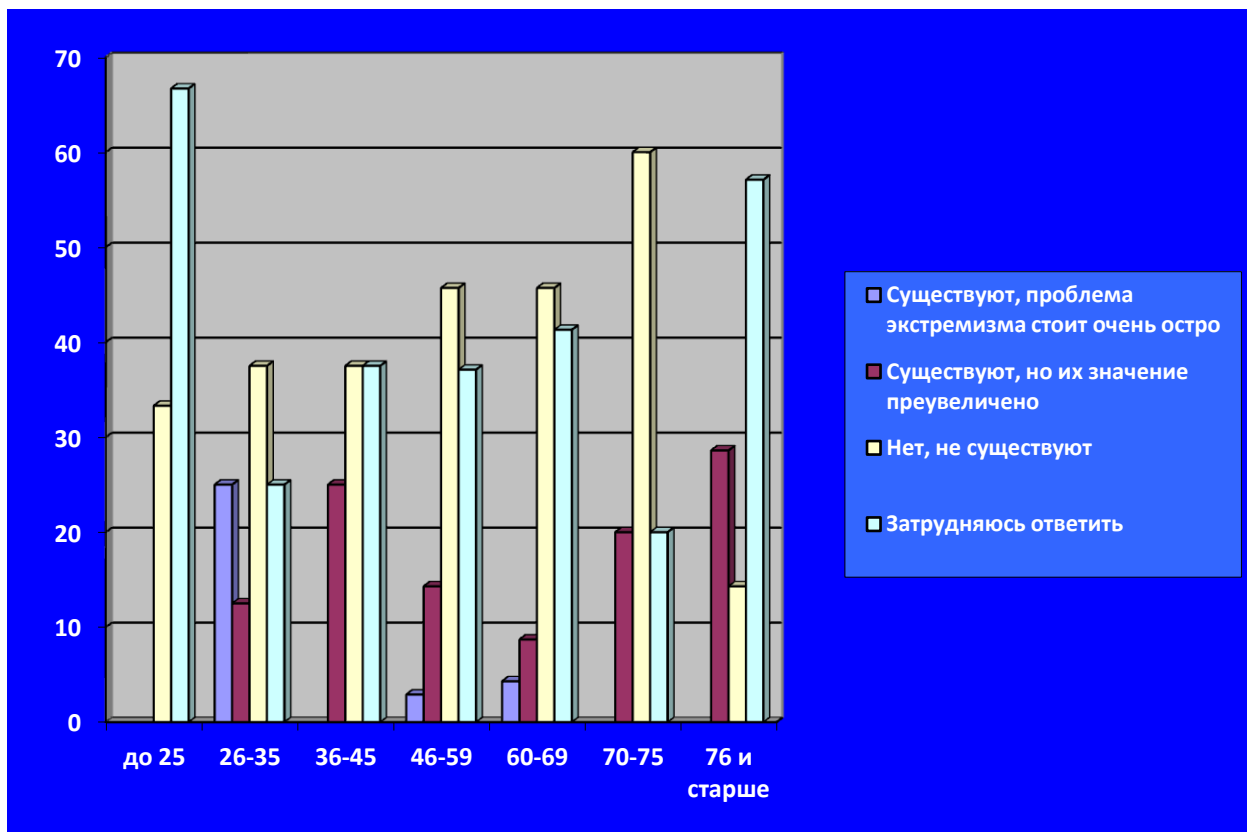
На вопрос «Существуют ли, по Вашему мнению, реальные предпосылки для распространения экстремизма в Вашем городе (районе)?», получены следующие ответы.

Однако проблема раскрывается с новой стороны, если проанализировать возраст отвечающих на вопрос имамов. Вскрывается, что среди имамов в возрасте 26-35 лет, признали, что проблема

распространения экстремизма стоит очень остро 25% опрошенных, что является статистически значимой цифрой. Одновременно, среди имамов в возрасте до 25 лет две трети (66,7%) затруднились с ответом, что можно расценивать, как фактический уход от вопроса. Таким образом, можно сделать вывод о том, что имамы молодого возраста чаще сталкиваются с проблемой распространения экстремизма. Вероятно, речь необходимо вести о более высокой степени распространения экстремизма именно в молодёжной среде, с которой более молодые имамы, в силу объективных причин, более тесно соприкасаются.

На вопрос «Существуют ли, по Вашему мнению, реальные предпосылки для распространения экстремизма в Вашем городе (районе)?» респонденты ответили следующим образом.

Мы уверены, что в основе организации системы профилактической работы, особенно с группами лиц, пребывающими в кризисном возрасте, должна лежать идея управляемой социализации, когда социально-психологические процессы, происходящие с подростком, профессионально

сопровождаются соответствующими специалистами.

Необходимо избегать давления, скучных наставлений и морализаторства, агрессивных попыток убеждения. Экстремистская идеология строится на «черно-белом» понимании мира, возвышении одних ценностей и принижении других. Чем проще идеи в основе экстремистской пропаганды, тем она эффективнее, так как в моменты угроз (мнимых или реальных) людям свойственно думать упрощенно. Поэтому преподаватели должны обращать внимание учеников не только на идеологические нестыковки в экстремистской пропаганде, но и на раскрытие логики мышления экстремиста. Это позволяет снизить риски радикализации, так как учащиеся начинают критически воспринимать экстремистские материалы, понимать реальные причины и манипулятивные технологии¹.

Парадоксальная диалектика духовной жизни может, таким образом, быть выражена в следующей форме: подлинная духовная безопасность личности, т.е. возможность раскрытия подлинного существования «я», обретения им стойкости перед угрозами духовного зла и осуществления сотериологической потенции (если продолжать эту мысль в теологической перспективе), возможна лишь через экзистенциальные потрясения и «деструкцию» обыденного сознания².

Профилактическая работы, особенно ее психолого-педагогическая составляющая, в чем традиционно силен Педуниверситет, должна учитывать, что сначала идет общая радикализация индивида, и лишь затем осуществляется конкретная индоктринация. Понимание этого, которое зачастую отсутствует у субъектов профилактической работы, способно существенно повысить эффективность проводимой профилактической

---

¹ Мухаметзарипов И.А. Европейские программы дерадикализации сторонников экстремистских и террористических организаций. Учебное пособие. Казань: Изд-во АН РТ, 2017. С. 40.

² Чудинов С.И. Духовная безопасность и турбулентное общество в философской рефлексии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 199.

работы, а исследователям и разработчикам технологий профилактики следует обращать больше внимания на конкретные личностные особенности профилактируемых.

Л. А. АПАНАСЮК

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ
ЭКСТРЕМИЗМА И КСЕНОФОБИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ¹**

Считается, что программы преодоления ксенофобии становятся наиболее актуальными для регионов, в которых произошли межэтнические или межконфессиональные конфликты. В частности, к таким регионам относят республики Дагестан и Карелию, Воронежскую область. Не менее актуальны подобные программы для Москвы и Санкт-Петербурга.

Но все же экспертами делается вывод о том, что в указанных регионах недостаточно уделяется внимание проблематике преодоления ксенофобии и нетерпимости. Кроме того, аналитики отмечают, что предусмотренные разработанными программами мероприятия не отличаются новизной, оригинальностью, креативным подходом. Достаточно традиционными и даже рутинными представляются уроки дружбы, фестивали национальных культур, мероприятия, пропагандирующие патриотизм. Деятельность по профилактике ксенофобии в молодежной среде строилась в соответствии с традиционными направлениями культурно-досуговой работы с молодежью и не предполагала разработку и реализацию инновационных программ и проектов. Традиционные технологии социально-культурной деятельности с молодежью предусматривали циклы мероприятий по патриотическому воспитанию, противодействию молодежному экстремизму, воспитанию толерантности в молодежной среде. Среди традиционных мероприятий были

---

¹ Апанасюк Л.А. Традиции и инновации в профилактике экстремизма и ксенофобии в молодежной среде: социокультурный аспект // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 6 (52). С. 199-204.

научно-практические конференции, организация межнациональных молодежных лагерей, фестивалей национальных культур, форумов национальных культур, образовательно-воспитательных программ, направленных на профилактику ксенофобии и экстремизма среди молодежи. Особое направление – воспитательная работа среди лидеров молодежных общественных объединений. В качестве площадки подобной деятельности рассматривается ежегодно проводимый форум молодежи на Селигере, где регулярно презентуются и защищаются молодежные социальные и социально-культурные проекты, направленные на преодоление ксенофобии. В частности, проблемам толерантности была посвящена первая смена форума «Селигер – 2009».

Эти инновации реализуются в рамках проекта «Россия для всех», направленного на создание имиджа России как открытой страны для привлечения талантливых людей со всего мира и гармонизации межнациональных отношений среди народов, проживающих на территории России [3]. В рамках проекта «Россия для всех» были выделены следующие содержательные направления:

- образовательные мероприятия (уроки дружбы, дни национальных культур, дискуссионные клубы и т. д.);
- поддержка традиционной культуры (фольклорные коллективы, клубы реконструкторов, этнографические проекты – экспедиции, исследования и т. п., межнациональные карнавалы);
- творчество (конкурсы социальной рекламы и дизайна, фотовыставки, сообщества молодых дизайнеров, художников, актеров и т. д.);
- работа в информационной сфере (создание сайтов, молодежные СМИ);
- законотворчество и социология (проекты по ликвидации правовой неграмотности, изучение и работа с миграционным законодательством, изучение общественного мнения, мониторинг СМИ).

Среди экспертов данного проекта выступили А.Г. Асмолов (доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии личности МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАО, главный редактор журнала «Век толерантности»), Г.У. Солдатова (доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, директор центра толерантности и гуманитарных технологий «Гратис»).

Проекты, представленные на Селигере, посвящены проблемам формирования межкультурной толерантности через работу экстремальных и спортивных клубов, клубов исторической реконструкции [4]. Однако эксперты сделали вывод о зачастую поверхностном характере этих проектов и отсутствии в них профильной направленности на разрешение реальных проблем ксенофобии.

Проект «Россия для всех» реализовывался в ряде регионов России в 2009-2011 гг., при этом одним из направлений работы являлось развитие гражданственности, толерантности и патриотизма в молодежной среде. Однако реализация проекта «Россия для всех» в рамках Года молодежи не достигла поставленных целей и задач, поскольку не предусматривала адресных инновационных подходов к разрешению проблем ксенофобии в молодежной среде. Ошибка организаторов состояла в том, что предложенные программы лишь повторяли старые методы без анализа реальных проблем и не предполагали системного подхода к преодолению ксенофобии.

В качестве оптимальных направлений решения проблем преодоления экстремизма и ксенофобии в молодежной среде выдвигались: разработка актуальных для молодежи образовательных программ; размещение соответствующей информации в Интернете; координирование деятельности государственных и общественных организаций, всех заинтересованных субъектов социально-культурной деятельности, федеральных, региональных и муниципальных структур; опора на инициативную социально-культурную проектную деятельность.

Проблему распространения экстремизма и ксенофобии в молодежной среде эксперты объясняют особой восприимчивостью этой социальной страты к радикально-националистическим и ксенофобским идеям и настроениям. Молодежь также некритически относится к публикациям средств массовой коммуникации, где подчас неприкрыто выражены националистические взгляды, которые объективно преобразуются в бытовую ксенофобию, проявления агрессии и расизма. При разработке программ, направленных на преодоление экстремизма и ксенофобии, важно использовать позитивный и негативный опыт стран Западной Европы, которые также столкнулись с проблемами расизма и нетерпимости в молодежной среде.

Специальным направлением работы по преодолению экстремизма и ксенофобии должна стать работа с молодежными общественными организациями, любительскими объединениями, национальными диаспорами, национальными меньшинствами и землячествами.

В связи с усиливающимся миграционным потоком в столичных мегаполисах и регионах следует реализовывать специальные программы поддержки и интеграции молодежи из семей мигрантов. Необходимо реализовывать программы дополнительного образования, связанные с изучением русского языка, интеграцией в общественную жизнь российского социума, осуществлять на федеральном и региональном уровнях специальные меры социально-культурной поддержки молодых мигрантов.

Очень важным направлением работы по преодолению экстремизма и ксенофобии является информационно-просветительная работа, основанная на материале, связанном с культурой и этническими особенностями тех этносов, которые чаще других становятся объектом ксенофобии (молодежь Чечни, Ингушетии, других республик российского Кавказа, а также цыганская молодежь).

Такие познавательные программы позволят молодежи больше узнать о культуре этносов, сформировать ценностное к ней отношение, а также

активно развивать межкультурное взаимодействие. Подобные мероприятия должны всегда иметь адресную направленность. Необходимо особенно внимательно вести работу с той категорией молодежи, которая склонна к совершению преступлений ненависти. Также надо вести работу по пропаганде культуры мира и навыков бесконфликтного общения в молодежной среде.

Целенаправленная работа должна осуществляться с представителями молодежных субкультур, особенно разделяющих расистские взгляды (наци-скинхеды, околофутбол, наци-стрейтэйджеры и др.), а также с представителями неагрессивных молодежных субкультур (панки, готы, эмо, ролевики, реконструкторы и др.).

В противовес подобным группировкам следует создавать молодежные добровольческие объединения, ведущим направлением деятельности которых станет борьба с ксенофобией, профилактика проявлений ксенофобии, поликультурная интеграция молодежи. Целесообразно также поддерживать разработку и внедрение специальных программ по адаптации и интеграции иностранных студентов и студентов-мигрантов, по развитию механизмов их социальной защиты и социально-культурной поддержки.

Технологии интернационального воспитания молодежи, сложившиеся в Советском Союзе (формирование ценностей дружбы народов, интернациональной солидарности) оказались неприемлемы в современном российском обществе, где данная риторика оказалась серьезно дискредитирована межэтническими конфликтами на Кавказе. Необходимо существенно пересмотреть сложившиеся педагогические подходы и разработку новых технологий и программ, направленных на профилактику и преодоление ксенофобии, адекватных реальным проблемам и вызовам.

Целенаправленная социально-культурная деятельность должна быть адресована этническим, религиозным и другим меньшинствам, мигрантам, беженцам и вынужденным переселенцам. Крайне целесообразной

рассматривается пропаганда мирного сосуществования народов, культуры мира.

Необходима разработка и принятие концепции этнокультурного и социально-культурного воспитания молодежи, учитывающей многонациональность и многоконфессиональность населения Российской Федерации.

Профилактика экстремизма, ксенофобии и нетерпимости в молодежной среде должна стать приоритетом молодежной политики и социально-культурной деятельности с молодежью. При этом должно быть подготовлено соответствующее ресурсное, методическое, информационное и экспертное обеспечение. Необходимо стимулировать поиск и разработку инновационных технологий социально-культурной деятельности, предполагающих противостояние ксенофобии и нетерпимости в молодежной среде, а также социально-культурную адаптацию молодежи с учетом лучших достижений в этой сфере в отечественном и международном опыте.

Для реализации этого направления социально-культурной деятельности необходима профильная подготовка специалистов в области социально-культурной профилактики ксенофобии в молодежной среде.

Необходим также постоянный мониторинг социально-культурных проблем профилактики-экстремизма и ксенофобии в молодежной среде, способствующий нивелированию активности радикально-националистических групп. Полученные в ходе мониторинга данные следует учитывать при прогнозировании, проектировании и планировании деятельности, разработке соответствующего комплекса программ и мероприятий. Необходима ресурсная, методическая, информационная и экспертная поддержка социально-культурных инициатив и проектов, направленных на противостояние ксенофобии в молодежной среде.

В социально-культурных проектах и культурно-досуговых программах, направленных на противодействие экстремизма и ксенофобии, следует содействовать диалогу и совместным действиям различных этнических,

религиозных и культурных общностей, в том числе неагрессивных молодежных субкультур.

В содержании культурно-досуговых программ должна быть отражена тематика истории холокоста, противостояния расовой и национальной дискриминации (антисемитизму, геноциду в разных странах мира, апартеиду и другими сходным темам). Должны проводиться мероприятия по пропаганде культуры мира и формированию навыков бесконфликтного общения, поддержки и интеграции молодежи из таких исключенных групп, как мигранты, цыгане и др. Данная работа должна быть направлена на расширение их участия в общественной жизни.

В отечественных педагогических исследованиях и проектах проблематика профилактики ксенофобии и экстремизма часто рассматривается в контексте патриотического воспитания, хотя каждое из указанных направлений воспитательной работы имеет специфические особенности.

Преодоление ксенофобии рассматривается как создание условий для интеграции молодежи в жизнь поликультурного общества и как профилактика экстремизма в молодежной среде.

Несколько иначе трактуют профилактику ксенофобии эксперты аналитического центра «СОВА». Они связывают данную деятельность с противодействием радикальному национализму, продвижением толерантности и идеи «дружбы народов» [5].

Тем самым традиционно противодействие ксенофобии исследователи связывают с выявлением, профилактикой и предупреждением экстремистской деятельности как общественных и религиозных объединений, иных организаций, так и физических лиц.

Особое внимание подобной деятельности было уделено в 2009 г., объявленном Годом молодежи. В частности, предполагалась «организация региональных правовых школ по профилактике молодежного экстремизма и

совершенствованию правового реагирования для лидеров молодежных общественных объединений».

Факторы, связанные со сложным и неоднозначным положением молодежи в современном российском обществе, а также бескомпромиссность, максимализм и пассионарность, свойственные данной возрастной группе, порождают ксенофобию и экстремизм в молодежной среде [2]. Наиболее опасными при этом представляются национализм, этническая и религиозная нетерпимость молодого поколения. Противостоять этому способна новая «Государственная молодежная политика – 2020», предполагающая целенаправленную социальную, педагогическую и социально-культурную поддержку молодежи со стороны государства и общества, разработку и реализацию целевой программы формирования установок толерантного сознания, гражданской ответственности, позитивного информационного настроения и профилактики экстремизма в молодежной среде.

Существенной особенностью организации работы по преодолению экстремизма и ксенофобии в молодежной среде является то, что в качестве соисполнителей, соорганизаторов этих мероприятий привлекаются молодежные общественные организации, органы студенческого самоуправления вузов, профессиональные сообщества, национальные и религиозные диаспоры, общины, землячества, молодежные парламенты и молодежное правительства муниципального образования.

Заслуживают внимания рекомендации, принятые по результатам работы круглого стола «Экстремизм в молодежной среде. Как ему противостоять?» (Москва, 2009 г.). В частности, было предложено ввести в государственные образовательные стандарты высших и средних профессиональных учебных заведений в качестве обязательного компонента предметы «Культура народов России» и «Культура народов мира», инициировать создание на телевизионных каналах программ, посвященных народам России, активизировать деятельность национально-культурных

автономий и организаций диаспор для лучшей адаптации приезжих в социум, рекомендовать государственным структурам и средствам массовой информации жестче оценивать проявления ксенофобии и экстремизма [1].

Анализ программ преодоления ксенофобии и экстремизма, реализуемых субъектами РФ, позволил выявить наиболее актуальные направления деятельности. К ним, в частности, отнесены:

- пропаганда толерантности, «дружбы народов» и межнационального / межконфессионального мира (в республиках Башкортостан, Бурятия, Карелия, в Белгородской, Владимирской, Воронежской, Кировской, Курской, Ростовской, Рязанской, Самарской областях, в Москве, Санкт-Петербурге);

- участие молодежи в обеспечении правопорядка через создание добровольческих отрядов по охране (в Воронежской, Пензенской, Ростовской областях);

- целенаправленная интеграция и создание системы социальной поддержки и адаптации мигрантов и иностранных студентов (во Владимирской, Воронежской, Курской, Ростовской, Рязанской областях, республике Карелия, в Москве, Санкт-Петербурге).

Вместе с тем экспертами отмечается, что специальной программы по профилактике экстремизма в молодежной среде, гармонизации межнациональных отношений в регионе, поддержке национальных меньшинств в среде молодежи в настоящее время не осуществляется.

Указание на содержание мероприятий не предусматривает конкретных форм, средств и методов воздействия на молодежную аудиторию, в том числе с использованием технологий социально-культурной деятельности.

Особую важность также приобретает решение проблемы информационно-методического обеспечения программ поликультурного воспитания, в том числе программ по преодолению ксенофобии.

Особую значимость приобретает использование интерактивных форм (тренинги, семинары и т. п.) осуществления социально-культурной деятельности в молодежной среде. Заслуживает внимания интерактивный

характер большинства культурно-досуговых мероприятий, связанный с проведением тренингов, мастер-классов, круглых столов для молодежи.

Достаточно оригинальным направлением программы является реализация целевых программ по профилактике экстремизма и развитию толерантности в вузах и колледжах. Также важным направлением является организация работы студенческих землячеств, проведение встреч студентов, прибывших с Северного Кавказа, с представителями диаспор и местной организацией мусульман.

Следует отметить, что наряду с использованием традиционных форм и подходов используются инновационные подходы. К таким подходам можно отнести массовые мероприятия (фестиваль, съезд, социально-правовой марафон), формирование молодежных досуговых общностей, активное привлечение иностранных студентов к участию в социально-культурных мероприятиях, осуществление интеграции молодежи в массовые культурно-творческие программы (фестивали, слеты, форумы, профильные лагеря). Кроме того, в социально-культурных программах широко используются активные методы обучения и проектные технологии. Важным направлением становится интеграция мигрантов в единое социально-культурное пространство мегаполиса.

Специфика программ по преодолению экстремизма и ксенофобии часто связана с проведением массовых праздников и фестивалей, а также освоением традиционных ремесел различных народов, поэтому в этих программах активно используются культуротворческие технологии социально-культурной деятельности.

Есть программы, основанные на средовом подходе, который предлагает формирование особой социально-культурной среды города. Такие программы также предусматривают широкое использование социального проектирования. К достаточно оригинальным организационно-педагогическим решениям можно отнести проведение конкурса проектов молодежных организаций.

Кроме того программы предусматривают систематический мониторинг межкультурного взаимодействия и этноконтактной ситуации, содействие сохранению межконфессионального мира и согласия в мегаполисе. Для этого в качестве средства поликультурного воспитания и профилактики ксенофобии активно используются спортивно-оздоровительные мероприятия.

На международном семинаре «Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде сквозь призму транснациональных исследований» в 2007 г. Э.Шафранская (Москва) отметила амбивалентность содержания понятий «патриотизм» и «ксенофобия», тонкую грань между ними и их способность перетекать друг в друга. Исследователи Н.Белецкая и Т.Барчунова (Новосибирск) отмечали опасность возникновения националистических настроений в молодежных организациях, имеющих военизированную структуру.

Таким образом, можно констатировать социально-культурную направленность многих законов и программ субъектов Федерации. Многие программы имеют социокультурную направленность, хотя и не указывают прямо на проведение каких либо досуговых мероприятий.

Для реализации программ преодоления экстремизма и ксенофобии в молодежной среде крайне необходима интеграция деятельности государственных структур, институтов гражданского общества и культурно-досуговых учреждений в профилактику ксенофобии.

Необходима реализация федеральных, региональных и муниципальных программ, направленных на интеграцию и адаптацию мигрантов, выявление эффективных механизмов развития гражданской идентичности с обеспечением прав на этнокультурное развитие.

Приоритетными технологиями преодоления экстремизма и ксенофобии в молодежной среде являются технологии формирования этнической и конфессиональной толерантности, формирования благоприятного климата межэтнического взаимодействия на локальном, региональном и федеральном уровнях.

Необходимы специальные интегрированные социально-культурные технологии, предполагающие наличие информационных и образовательных программ, тренингов этнической толерантности, выполнение проектной деятельности, связанной с межкультурным взаимодействием, формирование терпимости, устойчивости к различиям, межкультурной компетентности.

Средствами культурно-досуговой деятельности необходимо влиять на формирование общественного мнения, в котором закреплены нормы, ценности и установки этнической и конфессиональной толерантности.

Необходим комплекс культурно-досуговых мероприятий, обеспечивающих эффективное снижение социально-психологической напряженности в молодежной среде, внедрение в практику досуговой деятельности молодежи норм и стандартов толерантного поведения.

Статья выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ по проекту «Теоретические основы социально-культурной профилактики проявлений терроризма и экстремизма в современной России» № 6.2666.2011.

Литература

1. Боргоякова Т.В. Деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества Российской Федерации по предотвращению проявлений политического и религиозного экстремизма в деятельности молодежных организаций // Государственная молодежная политика в Российской Федерации: Основные направления: мат-лы к «Правительственному часу» 250-го заседания Совета Федерации Федерального Собрания РФ) // Аналитический вестник Совета Федерации. 2009. № 9 (376). URL: <http://www.budgetrf.ru>.
2. Корчмарь Н. Профилактика экстремизма в работе с молодежью. Центр изучения молодежи «Поко-ления.net». URL: <http://www.regioncentre.ru>
3. URL: <http://news.seliger2009.ru>
4. URL: <http://project.godmol.ru>
5. URL: <http://xeno.sova-center.ru>

**ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА И
ЭКСТРЕМИЗМА ГЛАЗАМИ КРЫМСКИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЕЙ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)¹**

Очевидно, что в XXI в. распространение модифицирующихся террористических и экстремистских угроз приобрела пандемический характер и имманентна для всех без исключения сфер жизнедеятельности общества и государства. Поэтому вопросы обеспечения коллективной и национальной безопасности от этих общественно опасных явлений планетарного масштаба не теряют своей актуальности и значимости для международного сообщества.

Республика Крым и город федерального значения Севастополь – самые молодые из субъектов Российской Федерации, которые присоединились к общегосударственной системе антитеррористической и контрэкстремистской безопасности и активно включились в данную работу. Научный интерес к инновационному развитию системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности в контексте социологического исследования связан не только с указанными обстоятельствами, но и с геополитическими, социально-экономическими, этнорелигиозными, национально-культурными особенностями региона и спецификой его развития до воссоединения с Россией.

С целью изучения мнения сотрудников крымских правоохранительных органов об инновациях в системе предупреждения терроризма и экстремизма в первом полугодии 2017 г. был проведен социологический опрос среди 405 сотрудников МВД по Республике Крым, УМВД России по г. Севастополю, Крымского линейного управления МВД России на транспорте, управлений федеральной службы войск национальной гвардии России по Республике

---

¹ Буткевич С.А. Инновации в системе предупреждения терроризма и экстремизма глазами крымских правоохранителей (по результатам социологического опроса) // Общество и право. 2017. № 4 (62). С. 87-92.

Крым и г. Севастополю. Данные категории респондентов проходили обучение в Крымском филиале Краснодарского университета МВД России по программам высшего образования на заочной форме обучения (выпускные курсы), профессиональной подготовки (освоили более 90% программы) и дополнительного профессионального образования.

Прежде всего отметим, что, оценивая эффективность национальной инновационной системы, 41,0% опрошенных отнесли Россию к инновационным лидерам, 24,7% – к странам– умеренным инноваторам, 22,7% – инновационным последователям и только 11,6% – догоняющим странам. Вместе с тем задекларированный лидером нации и правительством стратегический курс на развитие страны как инновационной современной державы, опирающейся на использование человеческого потенциала, более эффективное применение знаний и умений людей для постоянного улучшения технологий, экономических результатов, жизни общества в целом и т.п., не является гарантией его реализации всеми уполномоченными органами и ответственными лицами, автоматически не превращает органы государственной власти и бизнес-структуры в субъекты инновационной деятельности. Поэтому считаем необходимым осуществление мониторинга за своевременным и надлежащим выполнением планов мероприятий по реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, функционированием инновационных центров (технополисов, науко-градов, технопарков), учебно-опытных полигонов, экспериментальных площадок и реализацией других инновационных проектов. На вопрос «Какие виды инноваций по области применения оказывают большее влияние на общественные процессы?» мнения участников анкетирования распределились следующим образом: технологические – 28,9%; организационно-управленческие – 23,7%; экономические – 16,8%; информационные – 14,6%; социальные – 11,6%; маркетинговые – 4,4%. Полагаем, что полученные данные свидетельствуют о том, что: во-первых, опрошенные правоохранители осознают, с одной стороны, необходимость

предупреждения актуальных вызовов национальной безопасности, фактический уход криминала в киберпространство, а с другой – несовершенство форм и содержания имеющихся контрмер и технических средств предупреждения таких вызовов; во-вторых, очевидны анахронизмы в системе управления правоохранными органами, в том числе в кризисных ситуациях, неадекватность их задач, функций и полномочий внешним и внутренним угрозам криминологической безопасности, изобретательности и наукоемкому потенциалу транстерриториальных преступных сообществ. В то же время уровень инновационной активности и связанной с ней деятельности в органах правопорядка, по мнению опрошенных, характеризуется следующим образом: высокий– 12,3%; выше среднего– 17,8%; средний – 42,2%; ниже среднего – 18,5%; низкий – 9,2%. Иначе говоря, в целом оценка новшеств в исследуемой сфере выглядит достаточно позитивно. При этом далее отмечено, что усовершенствованию правоохранительной деятельности способствуют: улучшение финансово-экономического обеспечения (27,9%); дальнейшее реформирование системы правоохранительных органов (15,3%); совершенствование нормативного правового регулирования (9,6%); использование современных достижений науки и техники (8,2%); оптимизация системы ведомственного образования (4,2%), а также целесообразность применения перечисленных мероприятий (в комплексе указал каждый третий респондент – 34,8%). Ни в коем случае не снижая значимость финансово-экономической составляющей инновационной активности, как и материально-технического обеспечения механизма внедрения и использования последних достижений научно-технического прогресса, подчеркнем важность инновационного развития методики, тактики и стратегии обеспечения общественной безопасности, системы подготовки личного состава для органов правопорядка, включая формирование инновационной культуры и мышления по раннему прогнозированию и оперативному устранению причин и условий потенциальных угроз общественной безопасности.

К основным предпосылкам появления инноваций в правоохранительных органах участники исследования отнесли: объективную необходимость реформирования соответствующего направления деятельности (60,3%); внутреннюю логику развития знаний, умений и навыков (25,9%); творческую и познавательную инициативу (7,4%); случайный выбор (4,2%); компиляцию блоков знаний (2,2%). Итак, 6 из 10 респондентов отнесли к определяющим условиям появления инноваций в органах правопорядка объективную потребность реформирования соответствующего направления деятельности, каждый 4-й – внутреннюю логику развития знаний, умений и навыков. Впрочем, каждый 10-й опрошенный не готов к кардинальным метаморфозам, их абсолютное большинство (71,1%) полагает, что процедуры использования нововведений должны быть гибкими и градиционными, а их внедрение (возможно, в связи с инертностью и апатией некоторых руководителей на местах) – осуществляться именно на федеральном уровне (52,6%). Как негативный аспект отметим, что 18,0% участников опроса затруднились ответить на вопрос о роли и значимости инноваций для правоохранительных органов. По нашему убеждению, последнее является индикатором недостаточной эрудированности отдельных сотрудников о значении и ценности нововведений для предупреждения преступности и обеспечения общественной безопасности.

Также лакмусом для дальнейшей оптимизации исследуемой области и проведения научных исследований выступает мнение респондентов о необходимости инновационного развития в правоохранительных органах: информационного и материально-технического обеспечения (19,0%); форм и методов обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности (12,3%); стратегии и тактики деятельности (11,6%); организационно-штатной структуры и кадрового обеспечения (11,1%); нормативно-правового обеспечения (8,2%); системы управления (5,9%). При

этом практически каждый третий интервьюируемый (31,9%) обоснованно полагает, что такое обновление должно осуществляться в комплексе.

Что касается модернизации правоохранительной деятельности, то по итогам социологического опроса к препятствиям для развития правоохранительной сферы отнесены: просчеты государственной поддержки инновационной деятельности, недостаточность ее финансирования (26,2%); несовершенство организационного и правового обеспечения механизма реагирования и нейтрализации угроз национальной безопасности (23,2%); недостатки взаимодействия с другими уполномоченными субъектами (11,9%); высокотехнологический и наукоемкий потенциал и креативность преступного мира (8,1%); уязвимость киберпространства, объектов стратегического назначения и транспортной инфраструктуры (7,7%). На всех перечисленных вариантах остановились 22,9% опрошенных.

По нашему мнению, приведенные результаты свидетельствуют о недостаточной информированности правоохранителей о внешних и внутренних вызовах национальной безопасности в киберпространстве (де-факто – о переходе преступности в виртуальное измерение), более чем оперативном реагировании криминала на современные достижения научно-технического прогресса и их активном использовании, а также пренебрежении реальными и потенциальными угрозами для объектов стратегического назначения и транспортной инфраструктуры в регионе. Последняя индифферентность наиболее удивительна для нас в связи с вариативными попытками блокад Крымского полуострова, перманентной диверсионно-террористической и разведывательной деятельностью украинских воинских формирований и специальных служб на территории Республики Крым и на государственной границе с Российской Федерацией, экстремистской активностью так называемых «добровольческих батальонов» и ультраправых националистов в отношении крымчан, эскалацией напряженности во время строительства моста через Керченский пролив и т.п.

Субъективное восприятие опрошенными результативности инноваций в своей практической деятельности в целом оказалось релевантным нашим ожиданиям. Так, по их мнению, при оценке эффективности использования инноваций в правоохранительной деятельности необходимо учитывать: значимость и актуальность для правоохранительной сферы (26,2%); адекватность криминологической обстановке на федеральном и региональном уровнях (15,3%); соответствие стратегии развития органов безопасности и правопорядка(14,1%); финансово-экономическую обоснованность и социальную эффективность (10,6%); конкурентоспособность и реализуемость создаваемых инноваций (3,7%). Всеми перечисленными критериями предложили руководствоваться 3 из 10 респондентов (или 30,1%).

Далее рассмотрим ранжирование участниками опроса террористических и экстремистских угроз национальной безопасности по степени тяжести.

Финансовая и иная поддержка международного терроризма со стороны отдельных государств (26,7%). Полагаем, ее отнесение к наибольшим рискам не случайно, а связано с идеологическим, материальным и методическим содействием некоторых государств и их альянсов деятельности международных террористических организаций (в Сирии, Ираке, Афганистане, на Северном Кавказе и др.), незаконных вооруженных формирований и государственному терроризму на Украине. Одно из приоритетных направлений такой деятельности – финансирование «умеренной» оппозиции на Ближнем Востоке и экспорт демократии в страны с«диктаторскими» режимами.

«Гибридный» терроризм (24,2%), связанный с атипичными или комбинированными формами и методами осуществления террористической деятельности(информационная война в отношении России и ее граждан, пропаганда русофобии, дискредитация русского мира в целом; финансирование диверсионно-террористической деятельности,

осуществляемой под видом национально-освободительного движения, прикрытием миротворческих миссий и псевдогуманитарных организаций; создание зон замороженных конфликтов, блокада и деструкция систем жизнеобеспечения населения; ущемление основных прав и свобод физических лиц, законных интересов юридических лиц в отдельных регионах; применение транспортных средств в качестве орудий осуществления террористических актов; активизация террористов-одиночек, впитавших экстремистские идеи, пропагандируемые интернет-имамами; использование технологий «цветных революций» для совершения государственных переворотов; поддержка модусов неонацизма и ультранационализма в странах Восточной Европы и Прибалтики).

Кибертерроризм (17,5%), получивший наибольшее распространение в последние годы (масштабные кибератаки на правительственные, банковские и новостные сайты; вирусы-вымогатели WannaCry, Petya и Misha; шпионские программы MiniDuke, Regin, FruitFly; доведение до суицида подростков, создание «групп смерти» и вербовка неофилов благодаря экспансии деструктивной идеологии в информационно-телекоммуникационной среде). Тем не менее, с сожалением констатируем, что сегодня достижением считается лишь оперативная нейтрализация (минимизация) последствий этих киберинцидентов, а не установление и привлечение к ответственности виновных лиц, организаций либо государств.

Культивация и стимуляция религиозного и этнонационального факторов (12,8%), рецидивы которых систематически фиксируются в республиках Северного Кавказа и Крыму (по нашему мнению, с тенденцией к уменьшению).

Интенсификация экстремистских проявлений в молодежной среде (12,8%), зафиксированных в регионе в 2013-2014 гг., в свете общей дестабилизации социально-политической обстановки на Украине. Основная причина – отсутствие продуктивного взаимодействия семьи и школы на фоне девальвации традиционных семейных ценностей, апории гражданско-

патриотического и духовно-нравственного воспитания подростков, превенции у них социальных девиаций (исключения негативного влияния на формируемую личность как улицы, так и вредного и опасного контента в сети Интернет).

Неконтролируемость и масштабность миграционных процессов (6,0%). В 2014 г. данная проблема была актуальной для региона ввиду вооруженного конфликта на юго-востоке Украины. Считаем, что сейчас миграция не является терророгенным фактором для Республики Крым и г. Севастополя.

Соответственно, к приоритетам инновационного развития системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности опрошенные отнесли: совершенствование правовых, организационных и тактических основ предупреждения преступности (24,9%); использование информационно-телекоммуникационных технологий (17,5%); применение интерактивных форм и методов предупреждения преступлений (8,6%). Все указанные варианты выбрал практически каждый второй сотрудник ОВД и Росгвардии (49,0%).

Для определения наиболее уязвимых мест, пробелов и изъянов, а также приоритетных направлений криминологической превенции различных проявлений терроризма и экстремизма нами был задан вопрос: «С чем связано инновационное развитие системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности?». Участники опроса связали такое совершенствование с эффективной реализацией государственной политики в этой сфере (20,7%); укомплектованностью и технической оснащенностью правоохранительных органов (19,8%); своевременной переподготовкой и повышением квалификации личного состава (14,1%); формированием культуры противодействия преступности и обеспечения безопасности личного состава (5,4%); повышением роли институтов гражданского общества, образовательных учреждений и семьи в данной области (2,5%). И на всех

перечисленных вариантах остановились 37,5% опрошенных правоохранителей.

Указанные выше результаты можно объяснить: во-первых, комплексностью и системностью действующего антитеррористического и контрэкстремистского законодательства, последовательностью реализации его норм на федеральном и региональном уровнях; во-вторых, достаточным уровнем материально-технического, кадрового и морально-психологического обеспечения органов правопорядка, включая профессиональное обучение их личного состава; в-третьих, недостаточным вниманием к участию семьи, общественных, образовательных и религиозных организаций, средств массовой информации и т.п. в превентивных мероприятиях в отношении исследуемых деструктивных явлений. Последнее, как уже подчеркивалось, является ошибочным и вредным заблуждением.

Относительно модернизации системы противодействия терроризму и экстремизму мнения крымских правоохранителей разделились: с одной стороны, ее связывают с необходимостью использования потенциала образовательных и научных учреждений (13,6%), обобщения и применения соответствующего положительного опыта регионов (11,4%), изучения зарубежного законодательства и правоприменительной практики (7,7%), а с другой – ужесточения мер уголовной ответственности (11,8%) и увеличения дискреционных полномочий органов безопасности и правопорядка (10,1%). Несмотря на то, что уверенность в коэффициенте полезного действия предупредительных мер не нашла отражения в ответах участников опроса (1,2%), большинство из них посчитало, что указанные выше мероприятия должны быть сопряженными, целостными и последовательными (44,2%).

Таким образом, сторонников купирования террористических и экстремистских угроз на научно-методической основе, с учетом положительного зарубежного опыта и передовых отечественных практик больше, чем приверженцев решения проблем силовыми методами либо санкционными мерами. Многие респонденты отмечают, что в этой и других

сферах правоохранительной деятельности наука должна быть тесно связана с практикой.

Распределяя роли уполномоченных органов в исследуемой области, преимущественное большинство респондентов отдало предпочтение Федеральной службе безопасности (63,2%), а уже затем – МВД (23,0%), Федеральной службе войск национальной гвардии (6,9%), Министерству обороны (6,7%) и Федеральной службе охраны (0,2%). По нашему мнению, преференция в отношении органов ФСБ в первую очередь связана с широким спектром выполняемых ею задач в сфере борьбы с терроризмом, в том числе ведущей ролью при организации и проведении контртеррористических операций. Выбор Росгвардии считаем субъективным ввиду наличия среди респондентов ее сотрудников, желающих акцентировать значимость задач этой недавно образованной государственной военной организации. А участие ее подразделений в противодействии терроризму больше связано с боевыми действиями, режимными, охранными, изоляционно-ограничительными и разведывательно-поисковыми мерами, а не превентивными мероприятиями. Что касается Министерства обороны, то правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил РФ в борьбе с терроризмом полагаем, что речь шла о именно о них) установлены ст. 6-10, ч. 3 ст. 15 Федерального закона «О противодействии терроризму» [1]. Кроме того, на выбор респондентов, бесспорно, повлияло успешное применение Вооруженных Сил РФ для пресечения международной террористической деятельности за пределами территории России (с сентября 2015 г. в Сирии). Поэтому для характеристики такой антитеррористической деятельности больше подходит термин «пресечение».

Одновременно с этим отведение МВД второстепенной роли в системе предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности связываем с недостаточной осведомленностью правоохранителей о задачах криминологической превенции и результатах профилактической деятельности ОВД (в первую

очередь подразделений по противодействию экстремизму), осуществляемой в этой сфере.

Эффективность современной системы предупреждения терроризма и экстремизма на территории Республики Крым и г. Севастополя воспринимается респондентами как средняя (39,5%), выше среднего (34,3%), высокая (22,2%) и незначительным их количеством – ниже среднего и низкая (3,0% и 1,0% соответственно). Следует указать, что при проведении социологического опроса среди населения в 2015 г. были получены полярные результаты. Например, угрозы террористических актов беспокоили почти треть опрошенных, а возникновение межэтнических, межнациональных конфликтов – каждого пятого; деятельность националистических организаций, попытки дестабилизации ситуации в России со стороны иностранных спецслужб, международных экстремистских и террористических организаций вызывали обеспокоенность 4 из 10 респондентов, а каждый третий боялся стать жертвой экстремистских молодежных группировок [2]. Идентичные опасения и тревоги были высказаны крымчанами и при интервьюировании в 2016 г. [3].

Высокую в целом оценку проводимых контрмер сегодня во многом можно объяснить сдерживающим фактором присутствия Вооруженных Сил РФ, наличия новейших образцов вооружения и военной техники в регионе. Кроме того, совместными усилиями правоохранительных и других государственных органов был нивелирован крымскотатарский фактор экстремизма (вытеснение из массового сознания залакированных ярлыков и популистских лозунгов – «историческая память коренного народа», «жертвы депортации», «самое угнетенное национальное меньшинство», «незаслуженно пострадавшие» и т.п.), который активно эксплуатировался украинскими политиками в борьбе с пророссийскими настроениями на полуострове в период его пребывания в составе Украины. Также в 2014 г. крымскими правоохранителями достаточно оперативно были изъяты информационные материалы и литература экстремистского толка из

образовательных и (псевдо) религиозных организаций, приостановлена деятельность общественных объединений, дестабилизирующих ситуацию в регионе, а взаимодействие с главами традиционных конфессий, государственными и общественными деятелями, пользующимися доверием и авторитетом, позволило существенно снизить градус межнациональной и межрелигиозной напряженности, наладить конструктивный диалог власти и общества.

Подытоживая результаты исследования, отметим, что крымские правоохранители: во-первых, знают о проблемах в системе предупреждения преступности и обеспечения криминологической безопасности региона и в пределах компетенции принимают меры по их решению; во-вторых, могут отличить разнообразные проявления терроризма и экстремизма от другой противоправной деятельности, определить уязвимость потенциально опасных и критически важных объектов для угроз террористического и экстремистского характера; в-третьих, согласны с необходимостью инновационного развития системы предупреждения терроризма и экстремизма, основывающейся на эмпирике, анализе передового нормотворчества и правоприменительной практики, прикладных научных разработках и методических рекомендациях.

1. Рос. газ. 2006. №48.
2. Общественное мнение – 2015. Второй этап: аналитический отчет. М., 2015.
3. Коноплева А.А., Никитина Л.Н., Чудина-Шмидт Н.В. Анализ социокультурных и психологических предпосылок развития экстремизма в Крымском федеральном округе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2016. №3 (16).

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОДГОТОВКЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ КАДРОВ В СФЕРЕ АНТИТЕРРОРА¹

В последнее десятилетие среди объектов внимания правоохранителей все больше уделяется противодействию терроризму.

Работу в данном направлении не всегда можно назвать эффективной. Главная причина в недостаточной квалификации кадров. Таким образом, возникает необходимость в повышении их квалификации в данной сфере.

Для этого необходимо разработать комплексную программу. Она должна включать в себя следующую тематику:

- изучение действующей нормативно-правовой базы, регламентирующей прохождение правоохранительной службы и роль сотрудников полиции в противодействии терроризму;

- анализ тенденций развития российского общества в целом и правоохранительной службы в частности;

- основные социальные гарантии для сотрудников полиции, в том числе, получивших ранения и увечья при исполнении должностных обязанностей;

- зависимость повышения денежного содержания правоохранительных служащих от эффективности их работы;

- пропаганда престижи службы в правоохранительных органах;

- возможности улучшения материально-бытовых условий сотрудниками правоохранительных органов;

- рейтинги служебно-личностной компетентности правоохранительного служащего в целях создания условий для мотивации сотрудников к успешному исполнению служебных обязанностей и для продвижения по службе исключительно по результатам служебной

---

¹ Галковский А.А. Инновационные подходы к подготовке правоохранительных кадров в сфере антитеррора // Управление инновациями: теория, методология, практика. 2014. № 9. С. 48-53.

деятельности; – изучение социально-экономических основ терроризма, мотивации боевиков и тактики их деятельности.

Процесс подготовки квалификационных кадров предполагает конкретизацию того, что составляет суть деятельности каждого правоохранительного служащего.

Квалификационные требования к правоохранительным служащим должны носить абсолютный характер и относиться ко всему содержанию служебной деятельности.

В ходе исследований 70 % опрошенных сотрудников кадровых подразделений, посчитали целесообразным нормативное закрепление квалификационных требований к профессиональным знаниям, навыкам и умениям.

Все квалификационные требования, оценка которых происходит в процессе проведения аттестации правоохранительного служащего, должна объединяться в две группы: – общеорганизационные – соответствие уровня образования занимаемой должности, выполнение своих функциональных обязанностей, достигнутые результаты (качество, своевременность, полнота выполнения заданий), личные деловые качества (инициативность, ответственность, системность в работе), умение работать в коллективе, коммуникативные качества; – специальные – определяются в зависимости от вида деятельности: профильные профессиональные знания, умения, навыки правоохранительного служащего применительно к занимаемой должности, опыт работы по специальности, аналитические способности, выполнение поставленных задач.

Качество исполнения должностных обязанностей включает в себя круг основных вопросов по замещаемой должности, в решении которых принимает участие сотрудник, эффективность и добросовестность их исполнения, творческая инициатива, работа с гражданами.

Данный критерий оценивается двумя показателями: «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». Показатель «неудовлетворительно» дает отрицательный результат в баллах.

Следует учитывать, что предложенная методика носит предварительный характер расчетов и не должна напрямую связываться с количеством выполненных действий в объеме служебных обязанностей, так как правоохранительный служащий может направляться в служебные командировки, быть откомандированным в другие правоохранительные органы, находиться в отпуске по болезни и в случаях, когда по иным объективным обстоятельствам сотрудник выполняет свои должностные обязанности в меньшем объеме. В этом случае окончательное решение по определению данного показателя принимается комиссией по служебно-рейтинговой оценке. Другой критерий служебного рейтинга – правовая подготовка. Так, например, служебная подготовка включает в себя:

- содержание законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов МВД России, их реализация в оперативно-служебной деятельности органов (подразделений, учреждений) внутренних дел;

- знание стратегических и программных документов в сфере правоохранительной деятельности;

- опыт работы органов (подразделений, учреждений) внутренних дел Российской Федерации и иностранных государств в борьбе с преступностью и терроризмом, в обеспечении общественного порядка, защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, дипломатических представительств и консульств иностранных государств, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств;

- правовые основы оперативно-служебной деятельности органов (подразделений, учреждений) внутренних дел в чрезвычайных обстоятельствах, а также при применении сотрудниками мер принуждения.

Целесообразно вынести правовую подготовку в отдельный критерий оценки, учитывая юридическое содержание правоохранительной деятельности. Оценка уровня правовой подготовки осуществляется в объеме замещаемой должности, равнозначной должности, вышестоящей должности. Обязательным является объем правовых знаний по замещаемой должности, знания в объеме вышестоящей и равнозначной должности дают повышенный рейтинг. Для руководителя данный показатель оценивается уровнем правовой подготовки подразделения. Если сотрудник стремится к перемещению по должности, он сам должен повышать и контролировать уровень своей правовой подготовки.

Оценку этого критерия целесообразно осуществлять в форме компьютерного тестирования. Слово «тест» английского происхождения и на языке оригинала означает «испытание», «проверка».

Тестирование – метод проверки знаний, использующий стандартизированные вопросы и задачи (тесты), имеющие определенную шкалу значений. Тестирование позволяет с известной вероятностью определить уровень развития у правоохранительного служащего необходимых навыков и знаний. Тестирование в данном случае выступает как форма контроля правовых знаний.

Корректировка количественных показателей правовой подготовки правоохранительного служащего со стороны комиссии по служебно-рейтинговой оценке может быть проведена в случаях допущения им нарушений законодательства.

С учетом того, что сфера правоохранительной деятельности – управленческая, данный критерий является обязательным. Владение современными методиками управления включает в себя методики управления кадрами и их отбора на правоохранительную службу (для руководителей), определения их компетентности, образовательные, коммуникационные, информационные и иные управленческие технологии и механизмы, обеспечивающие результативность профессиональной

служебной деятельности государственных служащих. Применение современных управленческих технологий в правоохранительной деятельности является важным направлением, так как правоохранительный служащий должен знать механизм эффективного выполнения поставленной задачи, уметь находить пути оптимизации служебной деятельности. Напрямую это связано с навыками работы с электронными документами, а именно, создания, обработки, передачи и хранения информации в электронном виде, умением работать в различных информационно-аналитических системах правоохранительного органа.

Уровень владения управленческими методиками и информационными технологиями определяется по замещаемой должности в объеме равнозначной и в объеме вышестоящей должности. Данный показатель определяется как по фактическим навыкам управленческой деятельности, так и по результатам тестирования на знание современных управленческих технологий.

Служебно-боевая подготовка включает в себя следующие разделы: – огневую подготовку; – физическую подготовку; – общегосударственную подготовку и другие виды специальной подготовки по направлению деятельности правоохранительного органа.

Оценка сотрудника по огневой и физической подготовке производится на основании требований соответствующих нормативных правовых актов правоохранительного органа. При этом отличные результаты оцениваются условно в 40 баллов в служебном рейтинге, хорошие – 30 баллов, удовлетворительные – 20 баллов, неудовлетворительные – 0 баллов.

Оценка правоохранительного служащего по общегосударственной подготовке определяется по тестам, в которых должно быть не менее десяти вопросов, в том числе не менее двух-трех вопросов, моделирующих типовые ситуации служебной деятельности. Целесообразно разработать в рамках служебной подготовки задания, связанные с выполнением практических действий, а именно, выполнение заданий, поручений, выработку алгоритмов

действий правоохранительного служащего в различных служебных ситуациях, в том числе с принятием обоснованных управленческих решений.

Критериями индивидуальной оценки по общегосударственной подготовке при тестировании можно считать:

– 100 % положительных ответов – оценка «отлично», условно 40 баллов в служебном рейтинге;

– 90 % положительных ответов – оценка «хорошо», условно 30 баллов;

– 80 % положительных ответов – оценка «удовлетворительно», условно 20 баллов;

– менее 80 % положительных ответов – оценка «неудовлетворительно», условно 0 баллов.

Дополнительной рейтинговой оценкой для руководителя является оценка состояния служебно-боевой подготовки подразделения.

Применительно к указанной категории служебного рейтинга возможно установление условных баллов за поощрение и отрицательные значения баллов при наложении соответствующих дисциплинарных взысканий.

Список литературы:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

2. Кулаков Д.А., Яковлев А.Ю. Вопросы обеспечения безопасности в административно-территориальном образовании // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2008. – № 1.

3. Яковлев А.Ю. В поисках правой квалификации терроризма // Проблемы права. – 2011. – № 5.

4. Яковлев А.Ю. Глобальное и региональное противодействие терроризму (на примере ООН и СААРК) // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 1.

5. Яковлев А.Ю. И вновь о терроризме: еще одна попытка найти его дефиницию // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 4

6. Яковлев А.Ю. Индия. Террор во имя «социальной справедливости» // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 8.

7. Яковлев А.Ю. Индия: религия во имя войны // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 3.

8. Яковлев А.Ю. Ислам и терроризм в Индии и вне // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 1.

9. Яковлев А.Ю. Кашмир, региональная безопасность и индо-пакистанские отношения // *Ars administrandi*. – 2011. – № 4.

10. Яковлев А.Ю. Кашмирский тупик: политика и право // Социальногуманитарные знания. – 2011. – № 4.

11. Яковлев А.Ю. Системные сбои в государственном управлении и их последствия: исследование вопроса на примере Индии // *Ars administrandi*. – 2012. – № 1.

12. Яковлев А.Ю., Яковлев П.Ю. О некоторых особенностях государственного и муниципального управления в Индии: право и традиции // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 12.

ЗАЛИВАНСКИЙ Б.В.

ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ¹

К началу XXI века одной из серьезных проблем социального развития глобального характера стала необходимость организации противодействия экстремизму и терроризму во всех многочисленных формах их проявления. Возрастающие угрозы террористического воздействия на общество, наряду с естественными, в первую очередь, природными и антропогенными факторами возникновения катастроф и чрезвычайных ситуаций, подтверждают тот факт, что современная цивилизация подвержена значительным рискам, способным нести угрозу ее развитию.

В современной России, как и в остальных странах мира, рост террористической угрозы возрастает на фоне распространения различных видов экстремизма (политического, этнического, религиозного), представляющего существенную опасность для интересов, как отдельной личности, так и общества в целом.

---

¹ Заливанский Б.В. Технологии информационного противодействия экстремизму // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/03/32751>

Вследствие формирования и развития информационного общества не только в нашей стране, но и на глобальном уровне всё более динамично развивается крайняя форма экстремизма – терроризм. Значительные темпы внедрения информационно-коммуникационных технологий в различные сферы жизнедеятельности, развитие компьютеризации и информатизации неизбежно ведут к созданию единого мирового информационного пространства, включающего в себя совокупность технологий коммуникационного обмена, а также сбора, накопления, обработки, обмена и хранения информации. В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации [1], утверждённой Президентом 5 октября 2009 года, распространение идей терроризма и экстремизма через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет и средства массовой информации названо одним из основных факторов, способствующих возникновению и распространению терроризма в Российской Федерации. К основным мерам информационного противодействия терроризму относятся информационно-пропагандистские меры. Это меры по выявлению сущности и проведению разъяснительной работы об опасности терроризма, осуществлению воздействия на граждан и их группы с целью формирования у них неприятия насильственной идеологии и привлечения их к участию в противодействии экстремизму и терроризму.

С учетом изложенного одной из важнейших задач органов государственной власти по противодействию экстремизму, наряду с выявлением и устранением причин и условий, способствующих распространению преступлений экстремистского и террористического характера, предупреждением и пресечением действий, экстремистских и террористических действий, является активизация противодействия распространению идеологии терроризма и информационно-пропагандистского обеспечения проведения антитеррористических мероприятий.

Проблема организации эффективного информационного противодействия терроризму и экстремизму находится в центре внимания современных специалистов в сфере национальной безопасности. В частности, общетеоретические аспекты экстремизма и терроризма, их генезис, типы, формы проявления достаточно полно рассмотрены в трудах А.В. Джиева [2], О.Н. Писаренко [3], А.Н. Смертина [4]. Психологические аспекты экстремизма и терроризма исследовались Д.С. Безносовым, Л.Г. Почебут [5].

Большой вклад в осмысление направлений информационного противодействия терроризму и экстремизму внесли российские ученые Ю.Д. Денисов [6], В.А. Диль [7], А.А. Косовец [8], В.В. Котенко [9].

В то же время проблема организации эффективного информационного противодействия терроризму и экстремизму, в особенности, на региональном уровне остается недостаточно изученной.

В последнее время в мире отмечается существенный рост числа межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Россия прочно интегрировалась в мировое сообщество, а, следовательно, российское общество теперь намного восприимчивее как к положительным, так и к негативным общемировым тенденциям, в том числе и к экстремистским настроениям.

По мнению современных исследователей, экстремизм, проявляющийся в различных формах, представляет серьёзную угрозу национальной безопасности России. При этом национальный, политический и религиозный экстремизм создаёт условия для возникновения конфликтов и непосредственно угрожает федеративному устройству страны. В ряде российских регионов отмечены попытки раскола по национальному и конфессиональному признаку, дестабилизации социально-политической ситуации. В этой связи разработка эффективной политики противодействия экстремизму и терроризму на государственном уровне, определение мер

профилактики этих негативных явлений в условиях конкретного субъекта РФ представляется важнейшей задачей.

В современной исследовательской литературе можно встретить различные определения экстремизма:

1) как одной из форм отчуждения, и прежде всего отчуждения от культуры, базовых ценностей, культурных традиций [10];

2) как способа выражения крайних взглядов и совершение насильственных действий [11, с. 229];

3) как характеристики психоэмоциональных структуры человека и состояний индивида [12];

4) как побочного продукта экстремального (природно-стихийного) развития ситуации [13].

Интересен подход современных авторов, трактующих экстремизм как трансграничное состояние между радикализмом и терроризмом. Если экстремизм – крайность, то терроризм – крайность крайности, выступающая, скорее, логическим, но необязательным развитием экстремизма. Таким образом, экстремизм лишь с определенной степенью вероятности способен перерасти в терроризм. В то же время, экстремизм может замкнуться в сфере идеологических абстракций, тогда как терроризм – практическое явление социально-политического характера, имеющее собственную идеологическую основу. Экстремизм может служить почвой (как идеология, социальная база и т.д.) для терроризма. Точно так же, как и другая, более «мягкая», дефиниция – радикализм может потенциально трансформироваться в экстремизм.

Учитывая, что отличительной чертой современного экстремизма и терроризма является способность к быстрому видоизменению и выработке новых форм и путей деятельности, важнейшее значение имеет информационная составляющая противодействия этим негативным явлениям. Экстремисты все чаще используют современные механизмы формирования экстремистских движений – зачастую те группировки,

которые совершают преступления экстремального толка, складываются через Интернет, идет поиск единомышленников в соответствующих блогах [14, с. 141]. В современном мире ни отдельной личности, ни тем более социальной группе практически невозможно отказаться от электронных СМИ как своеобразного социального наркотика [15, с. 88].

Информационное противодействие экстремизму и терроризму представляет собой деятельность по вскрытию сущности и разъяснению опасности экстремизма и терроризма, оказанию воздействия на граждан (группы граждан) с целью воспитания у них неприятия идеологии насилия и привлечения их к участию в противодействии терроризму. Такая деятельность включает в себя и сбор, накопление, систематизацию, анализ, оценку информации об угрозах экстремистских проявлений и террористических актов, обмен ею и выдачу ее потребителям такой информации. Организация борьбы с экстремизмом и терроризмом, как уже отмечалось, должна осуществляться на основе комплексного подхода к анализу причин возникновения и распространения этих негативных явлений, к выявлению субъектов экстремистской и террористической деятельности, и обеспечению субъектов противодействия экстремизму и терроризму информационными ресурсами, включающими современные аппаратно-программные комплексы.

Идеология терроризма и экстремизма – сложный феномен, требующий методологии междисциплинарного исследования и выработки системных практик по противодействию данной идеологии. Ведь идеология терроризма и экстремизма, реализуясь в области массового сознания, предполагает воздействие на определенные социальные группы, активное формирование таких групп. С этой целью используются, в том числе, и массовые коммуникации. Необходимо отметить, что противодействие экстремизму и терроризму исключительно силовыми методами МВД, ФСБ и прокуратуры невозможно. Эта задача требует целого комплекса организационных, правовых, профилактических, воспитательных мероприятий,

совершенствования взаимодействия государственных органов и общественных организаций. Применительно к практикам противодействия экстремизма и терроризма целесообразно организовать системную работу по информированию различных социальных групп о сути этой идеологии, о её негативных следствиях; специальной системной деятельности по социальной профилактике, социальной терапии и социальной реабилитации

Среди проблем, снижающих эффективность информационного противодействия экстремизму и терроризму, можно выделить: недостаточную проработанность механизма мониторинга региональной ситуации; низкую эффективность использования потенциала СМИ и Интернет-каналов информации в процессе профилактики и противодействия экстремистским и террористическим проявлениям; слабую «адресность» мероприятий по информационному противодействию экстремизму и терроризму; пассивность негосударственных структур в процессе обеспечения общественной безопасности.

Комплексный подход к организации противодействия экстремизму на региональном уровне может быть реализован в рамках проекта. Целью проекта является повышение эффективности мероприятий по информационному противодействию терроризму и экстремизму в регионе. В качестве основных направлений реализации проекта можно выделить: диагностику региональной ситуации, определение специфических характеристик экстремизма на уровне субъекта РФ; формирование системы «адресного» противодействия экстремизму; обеспечение эффективного взаимодействия субъектов противодействия экстремизму; организацию эффективного взаимодействия со СМИ; эффективное использование экономических и кадровых ресурсов.

В рамках реализации данных направлений представляется необходимым в целях формирования системы «адресного» противодействия экстремизму и терроризму:

а) организовать проведение ежегодной диагностики региональной специфики проявлений экстремизма и терроризма, включающей установление причин, условий и факторов, стимулирующих развитие экстремизма, динамику его проявлений; определение объектов воздействия экстремистских организаций и лидеров; анализ состава, структуры экстремистских группировок, организаций, лидеров, активистов, их «уличного людского ресурса», способного спровоцировать массовые беспорядки;

б) на основе проведенной диагностики разработать систему мероприятий «адресной» профилактики среди групп, наиболее подверженных негативному влиянию экстремистов, в частности для молодежи необходимо:

- разработать региональную целевую программу, направленную на профилактику экстремистских проявлений в молодежной среде;
- создать тематический Интернет-ресурс, посвященного проблемам профилактики экстремистского поведения.

Реализация проекта позволит:

1) получить объективное представление о причинах, условиях и факторах, стимулирующих развитие экстремизма в регионе; группах выступающих объектом воздействия экстремистских организаций и лидеров; составе, структуре экстремистских группировок, организаций, лидеров, активистов, их «уличном людском ресурсе», способном спровоцировать массовые беспорядки;

2) четко сориентировать мероприятия по информационному противодействию экстремизму и терроризму на конкретные организации, группировки экстремистского толка, а по профилактике – на конкретные социальные группы;

3) перераспределить функции и задачи между службами и подразделениями органов внутренних дел, полицией, как по «вертикали», так и по «горизонтали», с целью устранения дублирования действий,

направленных на противодействие экстремизму; привлечение негосударственных структур к процессу обеспечения общественной безопасности;

4) организовать социальную профилактику проявлений экстремизма с помощью социальной рекламы в СМИ;

5) задействовать инструменты экономического регулирования деятельности по противодействию экстремизму и терроризму (система оценки потерь от терроризма и расходов на борьбу с ним; корректировка моральной и правовой парадигмы защиты населения от терактов и компенсации потерь от них; механизм экспертной оценки эффективности мероприятий по противодействию экстремизму и терроризму);

6) укомплектовать подразделения противодействия терроризму квалифицированными специалистами.

Библиографический список

1. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: Утверждена Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 года // Российская газета. 2009. 20 октября.
2. Джиоев А.В. Экстремизм и терроризм как социальные явления // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. Т. 11. № 1.
3. Писаренко О.Н. Терроризм как крайняя форма выражения экстремизма // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 10.
4. Смертин А.Н. Экстремизм и терроризм: некоторые подходы к определению понятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 1.
5. Безносков Д.С., Почебут Л.Г. Психологические аспекты экстремизма и терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1.
6. Денисов Ю.Д. Противодействие экстремизму в сети Интернет // Законность. 2009. № 06.
7. Диль В.А. Тенденции развития современного экстремизма: молодежный и информационный экстремизм // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 314. № 6.
8. Косовец А.А. Терроризм как объект противодействия в системе обеспечения информационной безопасности: международные и организационно-правовые аспекты // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 3.

9. Котенко В.В. Стратегия оценки эффективности информационного противодействия угрозам терроризма // Информационное противодействие угрозам терроризма. 2010. № 14.
10. Козин Н.Г. Природа русского раскола. URL: <http://waucongress.narod.ru/Kozin.htm> (дата обращения: 12.03.2014).
11. Агутин А.В., Степанов С.Н. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1.
12. Красиков В.И. В экстриме. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов радикального сознания. М., 2006.
13. Совкова И.Ю. Деструктивное поведение личности в кризисных ситуациях служебной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. №1 (19).
14. Епифанцев В.А., Сочнев Д.В. Государственная система противодействия экстремизму в условиях современного российского общества // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. М., 2010.
15. Бабинцев В.П., Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления // Мир России. № 1. 2011.

КОНДРАКОВА Э.Д.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИННОВАЦИОННОГО ВУЗА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА¹

Радикальные изменения, происходящие в начале XXI века практически во всех сферах общественно-политической и государственной жизни России, имеют важнейшее значение для образовательной практики высшей школы. Социальная адаптация молодого поколения к реалиям сегодняшнего дня предполагает развитие таких качеств как гражданственность, патриотизм, социальная ответственность, креативность. С помощью воспитательной системы вуза молодые люди включаются во все формы социальной

---

¹ Кондракова Э.Д. Деятельность инновационного вуза в сфере противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2015. Т. 24. № 10 (174). С. 82-85.

активности, что способствует формированию высокого уровня их социальной компетентности. Они должны проходить через все формы профессиональной и профориентационной активности, интерактивного, практикоориентированного, проектного обучения – без утери его фундаментальности, что обеспечивает высокий уровень их профессиональной компетентности. Воспитательная система вуза содействует включению обучающихся в различные формы межкультурного, межконфессионального, межнационального общения, что является залогом воспитания студенческой молодежи в духе гуманизма, духовности, миротворчества, толерантного и уважительного отношения к различным культурам и религиям, межнациональной дружбы и сотрудничества. Иными словами, университет должен развиваться и совершенствоваться как энергетический гуманитарный и социальный центр, в рамках которого будущий профессионал и активный гражданин осваивает все формы профессиональной и общественной жизнедеятельности не на словах, а на деле, «погружается» в них, включается в творческую работу.

Россия – самая многонациональная держава, в которой сочетаются черты, связанные с традициями и обычаями разных народов. В многонациональном российском государстве всегда уделялось особое внимание воспитанию молодежи в духе уважения к другим культурам и их носителям. Сегодня перед образовательными учреждениями, в числе которых Пятигорский государственный лингвистический университет, стоит задача сформировать у учащейся молодежи систему ценностей, связанных с реальностью модели мира; помочь им овладеть способами и навыками последовательной мыслительной деятельности в интеркультурной коммуникации; сформировать личностные качества, необходимые человеку при его интеграции в иную культуру. Проблема поликультурности и межэтнического взаимодействия приобретает в настоящее время все больший вес во всем мире и является адекватной реакцией на столь радикальные вызовы, как нарастание глобализации, межличностные,

межгрупповые, межэтнические и межконфессиональные конфликты. Сегодня, как никогда ранее, стало важным понимание того, что в разнообразии культурных, исторических, философских и религиозных взглядов и представлений необходимо учиться находить единство и гармонию, без которых все это богатство не только не имеет смысла, но и небезопасно для человека и его будущего [1]. Концепция университета как действующей модели поликультурного гражданского общества и профессионального образовательного сообщества преподавателей и студентов, которая реализуется в Пятигорском государственном лингвистическом университете, опирается на идеи культурологического подхода, который в силу своей фундаментальности и нацеленности в будущее приобретает все большую актуальность и позволяет открывать новые грани, обеспечивающие качественное совершенствование содержательных основ жизнедеятельности вуза. Суть названной концепции в том, что уже в период обучения в университете молодые люди осваивают модели гражданского и профессионального поведения в поликультурной среде, создают и осваивают позитивные социальные практики, которым следуют в своей дальнейшей жизни. Более того, они сами закладывают новые гуманитарные и социальные традиции и технологии, формируются как социально-гуманитарные инноваторы.

Являясь субъектом общей системы общественно-политических, социокультурных отношений, межкультурной, межэтнической коммуникации, ПГЛУ вносит существенный вклад в реализацию государственной социальной политики России на основе соответствующих законов, указов Президента РФ В.В. Путина и современных политических доктрин, среди которых выделяются Указы «О достижении межнационального согласия» от 07.05.2012 и «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19.12.2012, «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» от 28.11.2014. В своей деятельности мы

руководствуемся также постановлением Правительства Ставропольского края «О системе мониторинга и оперативного реагирования на проявления религиозного и этнического экстремизма в Ставропольском крае» от 29.04.2013 с изменениями, решением Совета при губернаторе Ставропольского края по вопросам межэтнических отношений от 20.10.2015, положениями региональных и муниципальных программ «Ставрополье – антитеррор» на 2012-2014 гг., «Безопасный Пятигорск» на 2012-2015 годы и другими документами.

Наш университет включен в систему межрегиональных и международных связей, расширяющих социальные, политические и мировоззренческие горизонты студенчества в сфере прав человека гражданина, прав меньшинств, профилактики «языка вражды», нейтрализации расизма, религиозного экстремизма, этноцентризма. Целостная система, созданная и совершенствуемая в ПГЛУ, направлена на воспитание гражданина России, патриота и человека с активной жизненной позицией, с инновационным мышлением, на формирование личности, способной не только уважать иные культуры, но и противостоять экстремизму и терроризму, нарушениям норм правопорядка.

Концептуальная основа формирования навыков межкультурного взаимодействия и недопущения проявлений экстремизма и терроризма обеспечена в ПГЛУ в результате разработки и реализации комплекса взаимосвязанных концепций: концепция университета как модели поликультурного гражданского общества и профессионального сообщества; концепция университета как центра многоцветья языков и культур; концепция университета как центра миротворчества; концепция университета как площадки государственно-конфессионального и межконфессионального взаимодействия. Успешное воплощение в жизнь данных концептуальных составляющих превращает наш университет в площадку, где не только говорят о межнациональной дружбе и любви к другим культурам, а где действительно дружат и любят [2]. Вовлекая

студентов в единое поле деятельности, ПГЛУ создает уникальное пространство общей культуры, в котором студенты ощущают себя единым коллективом и в то же время получают множество возможностей для национальной самоидентификации и самовыражения. Именно эта дружественная, творческая, объединяющая среда, в которую погружаются студенты начиная с первого дня обучения, нейтрализует конфликтность и создает предпосылки для эффективного взаимодействия.

На базе университета проведено 7 Международных конгрессов в рамках программы «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру», инициированной руководством и учеными Пятигорского государственного лингвистического университета. Достаточно сказать, что VI Международному конгрессу (октябрь 2010 года) был определен более широкий формат: «Россия – Большой Кавказ – Мировое сообщество». Это подтверждает ту огромную роль, которую способна выполнить образовательная и научная общественность, ведомая чувством глубокой ответственности за судьбу страны. Благополучия можно достичь только на пути созидания, но не разрушения. С этих позиций вклад коллектива Пятигорского государственного лингвистического университета в дело практического миротворчества трудно переоценить.

ПГЛУ – это первый и единственный государственный вуз Российской Федерации, в котором осуществляется подготовка экспертов и преподавателей по направлениям «Геология» и «Государственное и муниципальное управление», по уникальному профилю «Государственно-конфессиональные отношения» одновременно с православным и исламским блоками профессиональных дисциплин. Этот инновационный опыт ПГЛУ получил высокую оценку Администрации Президента России. С 1 июня 2011 года при поддержке полномочного представителя Президента в СКФО Александра Хлопонина отделение теологии ПГЛУ преобразовано в Институт государственно-конфессиональных отношений.

Студенческая молодежь нашего вуза самостоятельно иницирует и проводит миротворческие акции, тренинги толерантности, мероприятия, направленные на интеграцию и популяризацию национальных культур, противодействие проявлениям экстремизма и терроризма. Разрабатывая и реализуя подобные проекты, молодежь собственными силами стремится преодолеть стереотипы и создать поле для мирного сосуществования и межэтнического взаимодействия, преобразовывая мир в направлении сотрудничества разных народов, людей разных национальностей. В числе таких проектов отметим:

- Молодежный совет по межэтническим отношениям. Совет является координационным и совещательным органом, обеспечивающим позитивное бесконфликтное взаимодействие разных национальных групп обучающейся молодежи, а также сотрудничество с общественными объединениями для содействия в адаптации приезжих студентов в новой образовательной и бытовой среде.

- Центр Дружбы. Проект призван привлечь иностранных учащихся и представителей разных национальностей для знакомства с историей, культурой и традициями различных народов и стран в период первого года обучения для воспитания привития навыков работы в одной команде с представителями разных культур и народов. Данный проект был включен в число лучших проектов, обсуждаемых на Всероссийском симпозиуме студенческого актива «Новые лидеры новой России» в г. Санкт-Петербург в октябре 2012 г., и вызвал большой интерес среди организаторов и участников форума.

- Миротворчество. Проект направлен на формирование позитивного имиджа Северного Кавказа в России и за рубежом силами общественно активной творческой и талантливой молодежи СКФО, укрепление культурных и общественных связей между субъектами СКФО, регионами России, странами ближнего зарубежья посредством вовлечения молодежи других регионов в инсценировки обрядов, обычаев и традиций народов

Кавказа, а также используя возможности сети Интернет и медиапространства.

- Волонтерский центр ПГЛУ «ПРОФИ-СОЦИ-ЛИНГВА» является самой крупной волонтерской организацией при образовательном учреждении, команда которой привлекается к организации масштабных мероприятий мирового уровня, таких как Олимпийские и Паралимпийские игры, Гран-при России Формулы 1, международные конференции TEDx и многие другие. Деятельность ВЦ ПГЛУ направлена на продвижение волонтерских ценностей в регионе, способствует увеличению социальной активности жителей региона и улучшению уровня жизни, в том числе через сохранение и развитие в положительном ключе межнациональных отношений, противодействие экстремизму. Примером такой работы стала организация и проведение празднования юбилея 2000-летия одного из самых древних городов в мире – Дербента, куда не просто привлекались волонтеры ВЦ, но где они осуществляли руководство волонтерским корпусом «Дербент-2000» (свыше 1000 человек). Празднование прошло на высшем уровне, гости праздника, в том числе из других регионов России и даже стран мира, получили удовольствие от участия в различных мероприятиях, во многом как раз благодаря работе волонтеров.

- Тропой горцев. Проект ориентирует на популяризацию достопримечательных мест Северного Кавказа, его культурного наследия, а также на формирование толерантного отношения в обществе к народам Северо-Кавказского региона, отражая мудрость и величие каждого народа, проживающего на территории СКФО. Среди самых ярких событий проекта: экскурсия на Чегемские водопады с посещением мемориального дома-музея великого балкарского поэта Кайсына Кулиева, поездка в Даргавское ущелье, где находится знаменитый исторический памятник «Город мертвых».

- Фестиваль «Россия – наш общий дом» ко Дню национальностей. В конце учебного года (в апреле) мы проводим региональный фестиваль дружбы «Россия – наш общий дом!» для студентов СКФО. В программу

фестиваля входит: презентация блюд национальной кухни «Пир на весь мир», круглый стол и большая концертная программа. В праздничном хороводе дружбы объединяются ребята и девушки разных национальностей.

- На заседаниях дискуссионно-политического клуба «Глобус» студенты, а также приглашенные эксперты выступают с докладами на тему «Международные методы противодействия терроризму», «Профилактика экстремизма и терроризма»; члены клуба организуют круглые столы с участием студентов, преподавателей и приглашенных гостей по вопросу «Международный терроризм – угроза национальной безопасности Российской Федерации» и др., проводят презентацию для студентов первого курса «Мы против терроризма, терроризм – это угроза миру!».

- Вуз – территория толерантности. В рамках данного проекта стартовала программа «Ясный взгляд»; Музей истории ПГЛУ осуществил проект «Мы – одна семья»; состоялся концерт, посвященный Дню народного единства «Все мы вместе, но мы разные»; проводится тренинг «Сила толерантности», основанный на современных технологиях формирования политической, этнической и религиозной толерантности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гафурова, Н.В. Воспитательный процесс в вузе как система / Н. В. Гафурова, Т. П. Бугаева // Высшее образование в России. – 2009. – № 6. – С. 102–106.
2. Горбунов, А.П. ПРОФИ-СОЦИ-ЛИНГВА 2012-2016. Программа стратегического развития на 2012-2016 годы

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ¹

Инициация предлагаемых к осмыслению научному (главным образом, криминологическому) сообществу авторских размышлений по поводу нового концептуального подхода к развитию системы предупреждения опаснейших по масштабам своих проявлений и равно трагических последствий преступлений, связанных с террористическими и сопутствующими им экстремистскими угрозами, объективно вызвана двумя взаимосвязанными между собой обстоятельствами. Во-первых, современные процессы инновационно-технологической модернизации большинства обыденных сторон жизнедеятельности человека обоснованно заставляют специалистов концентрироваться на развитии аналогичных таким инновациям, опять-таки, инновационных систем социального управления. Во-вторых, закономерное проникновение инновационных технологий в традиционные сферы жизнедеятельности людей, в том числе сопровождаемые негативным, асоциальным и преступным поведением человека, требуют адекватной социально-правовой реакции, нацеленной на их предупреждение и нейтрализацию пагубных последствий. Подобная адекватность, безусловно, вызывает жизненно важную необходимость развития соответствующих инновационно-технологических ресурсов, позволяющих достигать требуемой превентивной эффективности ради обеспечения безопасности людей от каких-либо криминальных угроз.

Современный терроризм и лежащий в его основе экстремизм, несомненно, представляют приоритетную угрозу не только безопасности

---

¹ Лебедев С.Я., Буткевич С.А. Инновационное развитие системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности: постановка проблемы // Общество и право. 2017. № 2 (60). С. 83-89.

обычных людей, но и региональной, национальной и мировой безопасности в целом. Эскалация таких угроз, по сути, становится приоритетным субстанциональным вызовом международной безопасности. В России, равно как и во многих государствах мирового сообщества, их активные проявления имеют свою антиобщественную специфику [1, с. 76-78]. Таковая связана как с отечественными криминологическими закономерностями, так и с последствиями становления и современного демократического развития Российского государства и общества.

На протяжении всего постсоветского периода объектами террористических посягательств, сопровождавшихся масштабным ущербом и огромным числом человеческих жертв, становились государственные и общественные деятели, объекты инфраструктуры, жизнеобеспечения и стратегического назначения. Постепенно в террористической и экстремистской деятельности наметилась устойчивая тенденция использования иностранных агентов влияния и специальных служб зарубежных государств для подрыва общественно-политической и социально-экономической стабильности в Российской Федерации. Терроризм и экстремизм стали средством военной агрессии, неотъемлемого участия инструкторов, наемников и частных военных компаний в боевых действиях на Северном Кавказе. Параллельно силовым террористическим акциям активизировались информационно-пропагандистские технологии влияния на общественное сознание, сознание отдельных граждан и социальных групп, нацеленные на разжигание и обострение межэтнической, межконфессиональной вражды, ненависти, насильственную смену конституционного строя, насильственный захват власти, нарушение территориальной целостности и др. [2]. Все это свидетельствует о процессах модернизации форм и содержания террористической и экстремистской деятельности, создающих устойчивую инновационную платформу будущих, более масштабных криминальных угроз безопасности и их осуществления в Российской Федерации и за ее пределами.

Возникновение и распространение терроризма и экстремизма в России имеют определенные исторические предпосылки и связаны как с внутренними социальными, экономическими, политическими, межнациональными, межконфессиональными, межэтническими противоречиями, так и с внешними, в том числе общими для всего мирового сообщества, детерминантами. Дополнением этих общих источников современных террористических и экстремистских угроз в Российской Федерации выступают проблемы деятельности правоохранительных органов в сфере обеспечения национальной и общественной безопасности, связанные, главным образом, с ресурсными (правовыми, организационными, материально-техническими, финансовыми, кадровыми и др.) дисбалансами правоохранительного контроля над инновационными процессами, происходящими в преступности и наиболее агрессивных ее проявлениях.

Анализ результатов специальных, в том числе криминологических, исследований позволяет определить ряд ключевых негативных тенденций развития террористических и экстремистских угроз в Российской Федерации и детерминирующих их процессов и явлений, каковыми являются:

1) консолидация сторонников националистических и религиозно-экстремистских идеологий;

2) ориентация идеологов терроризма и экстремизма на широкое использование в реализации своих угроз не только традиционных, но, главным образом, инновационно-технологических форматов достижения общественно опасных целей, так называемые гибридные атаки;

3) наличие большого числа потенциально опасных и уязвимых в террористическом плане объектов жизнедеятельности, большей частью по своим ресурсам не рассчитанных на адекватное отражение инновационных террористических атак;

4) неконкретность стратегического нарратива, слабый профессиональный ресурс контртеррористической информационно-пропагандистской работы, в частности по противодействию

распространению материалов террористического и экстремистского содержания в сети Интернет;

5) недостаточный уровень научного и методического сопровождения, а также участия институтов гражданского общества и средств массовой информации в мероприятиях по противодействию терроризму и экстремизму;

б) несовершенство методик выявления каналов и механизмов блокирования источников финансирования террористической и экстремистской деятельности, раскрытия приемов и способов совершения таких операций и др.

К тому же активное участие России в урегулировании длительных вооруженных и «замороженных» конфликтов, решение задач по пресечению международной террористической деятельности за ее пределами предопределяют форсирование милитаризации смежных регионов, увеличение иностранного военного присутствия и размещения ультрасовременных систем вооружения других государств и их военно-политических блоков вблизи российских границ и, как следствие, повышают риски террористических угроз в том или ином субъекте Российской Федерации.

Высокие темпы научно-технического прогресса во всех сферах жизнедеятельности человека делают очевидным тот факт, что для преступных организаций, групп и отдельных лиц появляются новые возможности отхода от «типичной» террористической либо экстремистской деятельности, наращивания в ней инновационных форматов, позволяющих их организаторам и исполнителям вместе с достижением большего социально опасного эффекта становиться менее уязвимыми для традиционного правоохранительного контроля. Это иллюстрируют:

кибертерроризм, осуществляемый на фоне свободного доступа (открытости) информации и глобализации информационного пространства и включающий: кибер-инциденты и масштабные DDoS-атаки на электронные

коммуникации и государственные электронные информационные ресурсы; создание «страниц суицида» с целью пропаганды самоубийств в подростковой среде, константные вербовки новых адептов в социальных сетях и на интернет (веб)- форумах; умышленное искажение в информационном пространстве реальных фактов, исторических событий и другого контента в общей информационной картине мира;

технологии «гибридной» террористической деятельности, в том числе: создание «спящих» ячеек; «консервация» и активация террористов-одиночек; поддержка псевдопатриотических организаций, де факто являющихся незаконными вооруженными формированиями;

культивация и стимуляция религиозного (главным образом исламистского) и этнонационального факторов;

финансовая и иная поддержка международного терроризма со стороны отдельных государств;

интенсификация проявлений фундаментализма, неофашизма, национализма, в первую очередь в подростковой и молодежной среде;

возможности применения террористами ядерного, биологического (бактериологического), химического, психотронного и других видов оружия массового поражения;

эскалация неконтролируемых масштабных миграционных процессов, прежде всего из зон вооруженных конфликтов либо ведения военных действий, в том числе с территории террористической организации «Исламское государство».

С точки зрения криминологической науки, названные явления многоаспектны, противоречивы и в XXI в. приобретают все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Именно поэтому современный терроризм и экстремизм справедливо относят к числу самых опасных и трудно прогнозируемых социальных явлений [3, с. 135-136].

Очевидно, что тенденции модернизации терроризма и экстремизма, изменения их доктринальных и идеологических установок, организационной

структуры, источников финансирования и широкое применение высоких технологий требуют создания адекватной системы криминологической превенции, основанной на результатах соответствующих научных изысканий. При этом с сожалением следует констатировать отсутствие в современной практике криминологических исследований профессиональной специализации проведения таковых в инновационных сферах проявления сегодняшних криминальных угроз.

Если оценивать с криминологических позиций современные антитеррористическую и контрэкстремистскую практики, то нетрудно заметить, что и в них преобладают далекие от совершенства образцы правоохранительной активности. Консервативная структура правоохранительных органов, нередко закостенелое мышление и явно устаревший алгоритм действий личного состава, недостаточное (как уже отмечалось выше) ресурсное обеспечение в этой области не дают им возможности в полном объеме контролировать деятельность идеологов и организаторов террора и нейтрализовать растущие угрозы экстремистской деятельности. Решение правоохранительных задач в этой сфере, как правило, сводит деятельность специальных структурных подразделений правоохранительных органов к реакции на свершившийся факт, т.е. ликвидации уже созданных и функционирующих террористических ячеек и экстремистских групп, минимизации последствий деятельности последних, задержанию реальных террористов, изъятию экстремистских материалов, блокированию конкретных Интернет-ресурсов и фрагментарному удалению запрещенного контента.

В этом случае, как, к сожалению, вообще в большинстве современных отечественных правоохранительных сюжетов, весьма ярко проявляется противоречие между богатым криминологическим знанием о закономерностях преступности и ее предупреждении, нацеливающим государство и общество на приоритет социально-правовой превенции, и традиционными, не имеющими под собой какой-либо научной основы

государственными воззрениями на преступность как объект, требующий всемерного исключительно силового подавления. Тогда как именно криминология, объединяющая в себе научное знание закономерностей развития преступности и ее последствий, комплекса детерминантов, качеств и свойств различных типов личности преступника и жертв преступных посягательств, механизмов преступного поведения и системы предупреждения преступлений, без чего невозможно профессионально воспринимать ни одну из практических сторон правоохранительной деятельности, создает научно обоснованные предпосылки совершенствования всей системы социально-правового контроля над преступностью. Наряду с огромным арсеналом теоретического знания о преступности и ее предупреждении, исключительной прерогативой криминологии выступает постоянно совершенствуемая ею система криминологического прогнозирования, создающая научные основы модернизации будущей правоохранительной деятельности, нацеленной на обеспечение общественной безопасности от преступности. Именно криминологическое прогнозирование лежит в основе программно-целевого планирования предупреждения преступности, фактически оставшегося в тридцатилетнем прошлом ОВД.

Все это имеет прямое отношение к предмету инновационного укрепления системы предупреждения преступлений, связанных с терроризмом и экстремизмом, поскольку, с точки зрения обеспечения безопасности личности, общества и государства, модернизирующимся терроризму и экстремизму необходимо противопоставлять опережающую превентивную деятельность правоохранительных органов, основанную на научном, прежде всего криминологическом, ее обеспечении, постоянном анализе происходящих внутри этих явлений и влияющих на их модернизацию инновационных процессов. Отметим, в этом относительно новом для криминологической науки деле заложен огромный ресурс ее собственного инновационного развития.

Представляется, что актуальность и своевременность предлагаемой авторами к осмыслению новой масштабной научно-исследовательской работы объясняются потребностью в первую очередь теоретического раскрытия сути проявляемых и развивающихся противоречий между, с одной стороны, масштабами террористических и экстремистских угроз, характеризующимися современными инновационными процессами, и потребностями в разработке и реализации пропорциональных и адекватных таким угрозам превентивных инновационных социально-правовых программ и, с другой стороны, недостаточным инновационным обеспечением существующей предупредительной, да и в целом правоохранительной антитеррористической и контрэкстремистской практик, а также существующим разбалансированным по своим потенциальным и реальным ресурсам правоохранительным контролем, формально нацеленным на минимизацию анализируемых криминальных угроз и их общественно опасных последствий, достигаемым, главным образом, силовыми средствами. При этом, конечно, нельзя не признавать, что отчасти антитеррористическая и контрэкстремистская практики не обходятся без соответствующего предупредительного сегмента, однако он весьма далек от требуемого системного оформления, поскольку здесь очевидны пробелы и противоречия, прежде всего, в законодательном регулировании такой целенаправленной превенции и правоприменительном ее воплощении, неструктурированность звеньев правоохранительного механизма, нескоординированность их действий и др.

Бесспорно, познание перечисленных противоречий должно стать предметом самостоятельного научного исследования, нацеленного на получение нового криминологического знания о путях их преодоления. При этом названные проблемы и параномии, отражающиеся на неадекватном правоохранительном противодействии современным инновационно развиваемым форматам терроризма и экстремизма, определяют необходимость их изучения главным образом с позиций криминологической

науки, позволяющей разработать научно обоснованные предпосылки инновационного развития системы предупреждения терроризма и экстремизма.

Изложенные обстоятельства не являются исчерпывающими, однако именно они определяют необходимость научного осмысления и выработки перспектив инновационного развития системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности. Разработка позиционируемой проблематики в рамках криминологической науки даст возможность подготовить научно обоснованные предложения и рекомендации для инновационного развития адекватной характеру современных криминальных угроз и оптимальной по своим требуемым для этого ресурсам системы предупреждения терроризма и экстремизма, чем в целом и обосновывается актуальность темы настоящего исследования.

При этом подразумевается, что инновационное обеспечение системы предупреждения преступности должно развиваться не столько по логике противодействия инновационно-технологическим сюжетам в осуществлении террористической и экстремистской деятельности, сколько, на основании новых научных данных (включая прогностические), – опережения реализации стратегических планов террористических и экстремистских организаций.

При этом важно обеспечивать инновационное развитие предупреждения террористических и экстремистских угроз на междисциплинарной основе, аккумулировать существующие в указанной области идеи и примеры их активной реализации, стремиться к объединению научных и практических сил, обеспечивающих антитеррористическую и контрэкстремистскую безопасность, задействовать в качестве ресурсной основы инновационного развития системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности потенциал соответствующих научных и образовательных учреждений, активно

использовать аналогичный инновационный опыт зарубежных коллег. Разумеется, речь идет не только о внедрении зарубежного передового опыта (законодательного, правоприменительного, информационно-технологического и др.), но и повышении уровня собственной медиакультуры общества, создании социально ответственной информационной среды, применении своих интерактивных форм и методов предупреждения терроризма и экстремизма.

Предметная область криминологического анализа инновационных процессов, сопровождающих современные проявления терроризма и экстремизма, и разработка научных криминологических предпосылок формирования адекватной этим процессам и оптимальной по своим, прежде всего, правоохранным ресурсам системы их предупреждения базируются на существующей теоретической и методологической платформах научного анализа терроризма, экстремизма и предупреждения связанных с ними преступлений, отчасти уже нашедших свое отражение в специальной литературе (см. работы А.И. Алексева, Ю.М. Антоняна, М.М. Бабаева, Г.Ф. Байрака, А.Н. Безрука, Э.А. Биджиевой, С.В. Борисова, Ю.А. Брусницына, В.А. Бурковской, Ю.В. Голика, Н.Н. Гриб, С.Д. Гринько, А.И. Гурова, М.Д. Давитадзе, К.К. Демирова, Ю.Н. Дерюгиной, С.У. Дикаева, А.И. Долговой, С.В. Дьякова, А.Л. Еделева, И.Е. Елизарова, В.П. Емельянова, В.П. Журавель, И.В. Задорожной, Д.И. Ивановой, А.Н. Игнатова, Р.Ю. Казакова, М.П. Киреева, А.В. Ключева, В.С. Комиссарова, Н.С. Кондракова, Д.А. Корецкого, М.Н. Косарева, Н.Ф. Кузнецовой, И.В. Лебедева, Н.Д. Литвинова, В.В. Лунеева, Е.Г. Ляхова, С.В. Максиной, С.Ф. Милюкова, А.И. Моисеенко, Б.А. Мыльникова, А.В. Наумова, Д.А. Некрасова, А.В. Никитина, В.С. Овчинского, А.В. Петрянина, М.С. Пешкова, К.Н. Селимова, Н.В. Степанова, В.В. Устинова, С.Н. Фридинского, А.Г. Хлебушкина и др.). В то же время, учитывая развивающиеся во всех сферах государственной и общественной жизни инновационные процессы, в том числе активно демонстрирующие себя в социально негативных явлениях, угрожающих

национальной безопасности, требующие соответствующих инновационных подходов к организации антитеррористической и контрэкстремистской деятельности, научную составляющую в ней нельзя исчерпывать только опубликованными рекомендациями. Более того, постоянные изменения в федеральном законодательстве и системе научных взглядов на эту проблематику также требуют своего инновационного структурирования и совершенствования [4].

Таким образом, несмотря на весомый вклад ученых, значительный практический интерес к этой проблеме, динамизм социальных и правовых процессов и явлений, связанная с ним инновационная активность, особенно в последнее десятилетие (2005-2016 гг.), вызывают острую потребность в формировании адекватной инновационной, основанной на глубоких научных познаниях, системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности. Предметом самостоятельного научного анализа, по сути, представляющего в своем единстве новую теоретико-прикладную концепцию инновационного развития системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности, должны выступить:

а) закономерности, тенденции и противоречия инноваций в теории и практике предупреждения преступности и преступлений террористического характера и экстремистской направленности;

б) теоретические и методологические основы криминологического познания инновационных процессов развития системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности;

в) криминологическая характеристика преступлений террористического характера и экстремистской направленности, совершаемых с использованием инновационных технологий;

г) криминологические критерии современного состояния и перспектив развития инновационной деятельности в практике предупреждения

преступлений террористического характера и экстремистской направленности;

д) организационно-методические основы и моделирование инновационного обеспечения системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности;

е) перспективы инновационно-технологического обеспечения криминологического прогнозирования развития системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности;

ж) разработка криминологически обоснованных критериев формирования и развития системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности с использованием инновационных технологий.

Предполагается, что решение перечисленных научных задач должно быть направлено, прежде всего, на достижение цели получения нового криминологического знания о состоянии, перспективах развития и предупреждения инновационно-технологического обеспечения террористической и экстремистской деятельности, разработку на основе такого нового научного знания криминологических основ формирования и развития адекватной этим негативным процессам и оптимальной по своим ресурсам системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности с использованием инновационных технологий. В то же время, помимо достижения подобных криминологических результатов, развитие предлагаемой концепции позволит переосмыслить существующие модели системы и типологии предупреждения преступности, критически отнестись к ним, по-новому взглянуть на существующие коллизии и пробелы в сфере инновационного обеспечения системы предупреждения не только преступлений террористического характера и экстремистской направленности, но и преступности в целом.

Не без научной гордости следует заметить, что в иницируемом концептуальном формате авторская идея не имеет аналога в правовой (включая криминологическую) литературе и, безусловно, несет новую научную информацию о качественной обоснованности комплекса проблем в теории и практике предупреждения преступности с учетом новых социально-правовых условий и происходящих в мире и российском обществе инновационно-технологических процессов развития общественных отношений, в том числе в сфере предупреждения преступности.

Теоретическая значимость предполагаемых научных результатов состоит в том, что они призваны, прежде всего, восполнить пробелы в криминологической теории предупреждения преступности в части ее нового наполнения предметной научной информацией об инновационно-технологических потенциях и перспективах развития теории и практики предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности. Предполагается, что такая новая предметная научная информация станет доминирующей в развитии образовательного процесса, нацеленного на подготовку качественно новых профессиональных кадров, которые впоследствии будут задействованы в системе предупреждения терроризма и экстремизма, а также раскрытию национального научного и научно-технического потенциала.

Представляется, что иницируемая авторами новая масштабная научно-исследовательская работа способна вывести криминологию, а вслед за ней постепенно всю правоохранительную практику на новые, весьма продуктивные стратегические перспективы инновационного развития системы предупреждения не только террористических либо экстремистских преступлений, но и в целом всей преступности, так или иначе подверженной современным инновационно-технологическим воздействиям.

1. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Распространение экстремизма в Республике Крым: проблемы противодействия и пути их решения // Вестн. Казанск. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 1(19). С. 76-93.

2. Лебедев С.Я. Криминологическая оценка и перспективы антикриминогенной превенции террористического потенциала киберпространства // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. [Электронный ресурс]. Симферополь, 2015. С. 376-380.

3. Игнатов А.Н., Кашкаров А.А. Тенденции проявлений экстремизма и терроризма в Крымском федеральном округе и пути повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию им // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 2(14). С. 127-137.

4. Дубко Ю.В., Заброда Д.Г. Нормативно-правовое регулирование противодействия терроризму: региональный аспект // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики. Симферополь, 2016. С. 161-175.

МАМЫТОВ Т.Б.

ИСЛАМСКАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА, ЭКСТРЕМИЗМА И РАДИКАЛЬНОГО РЕЛИГИОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА¹

Исламский экстремизм, крайним выражением которого выступает терроризм под лозунгом ислама, с середины 90-х годов прошлого века оказывает заметное влияние на политическую жизнь многих стран и целых регионов современного мира.

Этой проблеме посвящено огромное число публикаций, появившихся в последние годы в мире. Ее обсуждают не только ученые-исламоведы, но и политологи, религиоведы, журналисты, общественные и политические деятели.

Можно выделить три основных направления в изучении обсуждаемой тематики. Первое из них касается анализа причин и факторов, рождающих и

---

¹ Мамытов Т.Б. Исламская правовая культура против терроризма, экстремизма и радикального религиозного фундаментализма // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2016. № 3. С. 138-140.

стимулирующих исламский радикализм. Второе направление раскрывает политические, организационные, финансовые, информационные и иные стороны деятельности соответствующих экстремистских организаций и движений, а также угрозу, которую они представляют для безопасности и национальных интересов различных стран. Третье направление нацелено на изучение идейных аспектов обсуждаемого феномена, непосредственно связанных с исламом.

Что же касается причин исламского радикализма и способствующих ему факторов, то они реже привлекают внимание специалистов. Как правило, отмечается, что эта угроза объясняется комплексом обстоятельств, среди которых выделяет нерешенность острых социально-экономических, политических, национальных и «некоторых иных проблем мусульманского мира, переживающего серьезный кризис» [1].

Различные взгляды высказываются при определении какие политические силы стоят за этой угрозой и какие цели они преследуют. В частности, одни авторы связывают распространение исламского радикализма в той или иной стране преимущественно с внешними факторами, то есть деятельностью зарубежных террористических центров, то другие полагают, что корни данного явления надо искать внутри государства.

Что касается исследования идейной составляющей исламского экстремизма и противодействия ему, то его актуальность трудно переоценить. Ведь в точном смысле данное явление может называться именно исламским, прежде всего потому, что оно базируется на неких исламских догмах. Поэтому нельзя безоговорочно согласиться с часто повторяемым тезисом, будто у терроризма нет ни религии, ни национальности. Такое суждение лишь означает, что экстремизм и терроризм не характерны только для какой-либо одной веры, государственной принадлежности или этнической группы. Однако в целом связь с ними является реальностью.

Можно допустить, что терроризм связан с исламской религией, и то, лишь в том случае, если сводить религию к какой-то догматике и культуре. Но даже на этом уровне заметны лишь некоторые признаки зависимости экстремизма от некоторых исламских догматических постулатов - например от идеи «такфир» – обвинения в неверии. Ислам как система идей и правил поведения в повседневной жизни, имеет отношение к терроризму, только в форме того, что непосредственные руководители и вдохновители исламского экстремизма выдают себя за последователей истинного шариата, борцов за воплощение в жизнь его идеалов, касающихся прежде всего политических и правовых вопросов.

Можно спорить о том, связан ли этот феномен с религией ислама, насколько собственно религиозные постулаты служат его идейной базой. Однако не подлежит сомнению тот факт, что исламские представления составляют стержень идейного обоснования экстремизма. Вывод об ориентации деятельности мусульманских радикалов на исламские идейные постулаты, в частности правовые концепции, трудно опровергнуть, поскольку практически любые проявления радикализма под знаменами ислама вплоть до террористических актов непосредственно опираются на исламские концепции. Более того, из всех составляющих терроризма под исламскими лозунгами непосредственное отношение к исламу как к религии или комплексу определенных учений и догм имеет, собственно говоря, только указанный момент.

Конечно, террористическая деятельность отдельных мусульман или исламских организаций может по-разному быть связанной с идеями ислама, но она практически всегда прямо подчинена исламскому политико-правовому обоснованию. Исламских радикалов мало беспокоит проблема отсутствия подлинной демократии в мусульманских странах, а если и заботит, то только с точки зрения получения дополнительных возможностей распространять свои идеи и свободно вести свою деятельность. Им даже неважно, является ли здесь власть тиранической или нет. Главное для

исламских экстремистов – неисламский, по их мнению, характер этой власти и ее сотрудничество с неисламскими, атеистическими силами за пределами мусульманского мира. Очевидно, для них не очень актуальна нерешенность социально-экономических проблем мусульманских стран, хотя именно она создает благоприятную почву для пополнения рядов террористов. Стратегической целью они все же считают не повышение уровня жизни мусульман, а претворение в жизнь некоего проекта, который имеет, прежде всего, идейное измерение.

Интеллектуальные лидеры мусульманских экстремистов не всегда формулируют в четкой развернутой форме свои стратегические планы глобального масштаба. Но они по крайней мере обращаются к исламским постулатам как для определения общих целей и ближайших мишеней терактов, оправдания используемых при их совершении средств, так и ради мобилизации отрядов экстремистов, привлечения на их сторону новых союзников из числа мусульман.

Современный исламский экстремизм – это в значительной мере идейное явление. Ведь прочность позиций исламского экстремизма заключается в его теоретической базе, ориентирующейся на исламские политико-правовые концепции. Поэтому одной из самых важных сторон борьбы с исламским экстремизмом и терроризмом является идейно-теоретический аспект. Противостоять исламскому экстремизму надо не только силами спецслужб, но и с помощью аргументации, основанной на исламских идейных концепциях.

Хорошо известна такая характерная для ислама черта, как плюрализм взглядов. То, что отличало ислам на протяжении веков, остается его особенностью и сегодня. Если не учитывать некоторые исламские концепции и не противопоставлять их взглядам террористов, то у тех, кто не достаточно разбирается в этой проблеме, невольно складывается вполне определенное, одностороннее и крайне негативное, представление о современном исламе и мусульманах. «Очевидно, по меркам научной объективности такое

положение вещей нельзя считать нормальным. Да и соображения политической целесообразности заставляют уделить повышенное внимание объявлению идейной войны исламскому экстремизму» [2, с. 15].

Если по другим направлениям противодействия этому опасному явлению уже предприняты достаточно эффективные меры – принятие основополагающих документов Совета Оборона и Правительства республики, в том числе при опоре на широкое международное сотрудничество, то идейно-теоретическая сторона явления пока остается вне внимания кыргызских властей – как на уровне ее общего осмысления, так и в плане принятия практических шагов. В итоге сегодня исламские политические и правовые концепции стоят на вооружении не у кыргызского государства, а у сепаратистов, экстремистов и террористов. Поэтому без включения позитивного идейного потенциала ислама в арсенал государственных средств борьбы с терроризмом окончательно подорвать влияние исламских радикалов и фундаменталистов невозможно.

Актуальность этой задачи для нашей страны определяется также тем, что Духовное управление мусульман Кыргызстана и иные исламские центры не проявляют достаточной активности и умения в идейном противоборстве исламскому терроризму, уходят от прямой полемики с исламскими радикалами по ключевым проблемам исламской правовой теории, ограничиваясь общими декларациями. В итоге серьезного спора на почве исламских постулатов с идеологами мусульманских экстремистов не получается. Активисты официальных центров кыргызских мусульман похоже не очень озадачены необходимостью дискредитации идейных программ радикалов. Идеологии экстремизма и терроризма пришло время разработать и принять контридеологию, особенно направленную на дискредитацию тех ее элементов, которые оправдывают насилие, смерть и убийство людей.

Следует также учитывать, что в идейном противостоянии исламскому экстремизму и терроризму нельзя ограничиться поддержкой так называемого

традиционного ислама. Как показывает практика, эти формы исламской мысли пока не готовы предложить действенную, убедительную, конкурентоспособную, основанную на правовой аргументации и главное идейную альтернативу взглядам исламских экстремистов.

Поэтому крайне важно анализировать позиции традиционной исламской юриспруденции и наработки современной исламской правовой и политической мысли, которые прямо противоположны идеологии исламского радикализма и фундаментализма по принципиальным вопросам. При этом надо учитывать, что альтернативные взгляды идеологии экстремизма отстаивают не просто известные и пользующиеся влиянием мусульманские деятели, но также и самые авторитетные институты исламской мысли, коллегиальные центры международного уровня.

Сейчас возникла ситуация, когда необходима дан ответ на вопрос – действительно ли в идейном багаже ислама можно обнаружить лишь оправдание терроризма или там есть и его решительное опровержение. Ответ на данный вопрос зависит от того, кто и в каких целях берется за толкование этого арсенала. Дело в том, что на протяжении веков исламская политическая и правовая мысль накопила огромный набор идей и представлений по всем ключевым вопросам, имеющим прямое отношение к современному терроризму. Они, в частности, касаются трактовки основ власти и права, взаимосвязей государства и индивида, статуса иноверцев и отношений с немусульманскими странами, обоснования допустимых методов политической борьбы.

Неоднозначный подход ислама к этим проблемам наглядно иллюстрирует уже упоминавшуюся примечательную его черту – плюрализм взглядов на важнейшие стороны религиозной и мирской жизни. Это в особой степени характерно для сферы политики, поскольку основные конкретные предписания, призванные ее регулировать, были сформулированы на основе джихада. Под ним исламская правовая мысль понимает рациональный поиск решений по вопросам, не урегулированным в Коране и сунне пророка

Мухаммеда, или толкование внешне взаимоисключающих положений этих источников, которые к тому, допускают неодинаковое понимание.

Немногочисленные имеющиеся в Коране и сунне правила ведения войны или отношения к иноверцам сложились в начальный период становления ислама как религии и государства, его острого соперничества с политическими и идейными противниками. В результате многие из этих норм отражают реалии, оставшиеся в далеком прошлом, но современная исламская мысль не может их игнорировать. Некоторые из них, чаще всего вырванные из исторического контекста своего формирования, в наши дни нередко намеренно используются для оправдания политического экстремизма и терроризма, нетерпимости и жестокости.

В публикациях зарубежных исследователей на тему исламского экстремизма достаточно полно проанализированы основные позиции, которые составляют стержень мировоззрения мусульманских радикалов, в частности, «концепции единобожия (таухид), обвинения в неверии (такфир) и джихада» [3, с. 21-23]. Остается лишь несколько расширить круг аргументов, включаемых в теоретический арсенал террористов, добавив к ним некоторые другие теоретические конструкции, прямо относящиеся к современному терроризму под исламскими лозунгами, – такие, например, как «претворение предписанного Аллахом и пресечение запрещенного им», легитимность государственной власти, отношение к немусульманам, понятие шахида.

Анализ традиционной исламской юриспруденции позволяет сделать вывод, что наряду с постулатами, которые сегодня служат экстремистам, заметное место в ней занимают противоположные начала. Современные мусульманские правоведы относят к ним, в частности, умеренность, поиск компромиссов, лояльность властям, постепенность, избегание крайностей и риска, освобождение человека от чрезмерных тягот, исключение вреда. Этим, отвергающим радикализм, ценностям, большинство из которых не привязано к конкретным историческим ситуациям и носит универсальный характер, в

исламской правовой мысли можно найти убедительное обоснование, нежели экстремистским взглядам.

Не случайно современные мусульманские мыслители умеренного толка уделяют такое пристальное внимание анализу радикальных исламских концепций. Они приходят к выводу, что постулаты, играющие роль идейной базы терроризма под именем ислама, идут вразрез с иной трактовкой шариата, делающей акцент не на слепом следовании его букве, а на постижении его главных целей, сопоставлении урона и пользы, которые может принести практическое претворение конкретных предписаний шариата. Причем авторитетные представители современной исламской мысли делают ставку на опровержение экстремистских взглядов именно исламскими правовыми доводами.

Литература:

1. Васильев А. Исламский экстремизм как выражение кризиса мусульманской цивилизации // Азия и Африка сегодня. № 5. - 2003.
2. Игнатъев А.А. Ислам и политика. - М.: 2004. - С. 15.
3. Игнатъев А.А. Ислам и политика. - М.: 2004. - С. 21-23.

МКРТУМОВА И., ДОСАНОВА А., КАРАБУЛАТОВА И., НИФОНТОВ В.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИКО-РЕЛИГИОЗНОМУ ТЕРРОРИЗМУ КАК ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ДЕВИАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННО-ЭЛЕКТРОННОМ ОБЩЕСТВЕ¹

АННОТАЦИЯ

Религиозная экспансия в мире политики становится важным фактором формирования социально-политической жизни общества, не только придавая

---

¹ Мкртумова И., Досанова А., Карабулатова И., Нифонтов В. Коммуникационные технологии противодействия политико-религиозному терроризму как этносоциальной девиации в современном информационно-электронном обществе // Центральная Азия и Кавказ. Том 19. Выпуск 2. 2016. С. 63-71.

политическим процессам в разных странах религиозное измерение, но и порождая политико-религиозные конфликты и политико-религиозный терроризм. Связь политики с религией заметно усилилась как в тех странах, где позиции религии никогда не ослабевали (например, в странах «исламского мира» или буддизма), так и в тех, в которых положение религии было в той или иной степени подорвано (в первую очередь в постсоциалистических странах, в том числе в России). Религиозный фактор, взаимодействуя с политическим процессом, выступает катализатором как стабилизации политического пространства, так и его дестабилизации. Выявление механизмов и технологий политизации религии с целью выработки мер по обеспечению социальной и государственной безопасности также актуализирует тему исследования. Политико-религиозный экстремизм направлен на ликвидацию или частичное нарушение устойчивости политической власти при содействии этноконфессиональных факторов¹. Это приводит к ослаблению управляющих рычагов, к повсеместной общественной неуправляемости и, как следствие, может привести к деформации политического режима в целом. Органы государственной власти должны не только принимать меры для предотвращения конкретных практик политического экстремизма, но и проводить профилактику появления радикальных оппозиционных группировок в политическом пространстве. Глобализация, развитие информационного общества, появление новых сетевых технологий и совершенствование инновационного потенциала производственной сферы определяют использование политическими экстремистами новых усложненных и изощренных методов и средств в своей

---

¹ См.: Барсуков П.В., Карабулатова И.С., Некрасов С.В., Ахметов И.В., Маметелашвили О.В., Хизбуллин Ф.Ф. Трансформация социального поведения в контексте современных политических кризисов начала XXI века как результат этнополитического дискурса «сетевых войн». В кн.: Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. Т. 3. Москва – Уфа – Ростов-на-Дону, 2015. С. 60-70.

деятельности¹. Отсюда следует, что бороться с этим негативным политическим явлением необходимо средствами, соразмерными с его возможностями и ресурсами. При таком понимании актуализируется проблема современных технологий противодействия политико-религиозному экстремизму. Всплеск экстремистских и террористических проявлений как в мировой политической практике, так и в России не случаен, а вполне исторически закономерен. Поэтому необходимо проследить опыт противодействия данному социально-политическому институту в Российской Федерации и на основе выявленных тенденций предложить рекомендации по использованию технологического потенциала в противодействии политико-религиозному экстремизму в современных условиях и на стратегическую перспективу. Появление неформальных объединений экстремистской направленности и активизация их деятельности представляют угрозу интересам национальной безопасности страны.

Введение

Недостаточно четкая категориальная определенность политико-религиозного экстремизма отражается на теоретической и практической неразрешенности проблемы противодействия политико-религиозному экстремизму, прежде всего детерминации и оценки современных технологий противодействия. Интерес к данной проблеме открывает простор для выбора исследовательской аргументации, но требует максимальной тщательности в отборе и формулировании исходных понятий и практических рекомендаций².

---

¹ См.: Karabulatova I.S., Barsukov P.V., Akhmetov I.V., Mamatelashvili O.V., Khizbullin F.F. «Network Wars» as a New Type of Deviation Processes in the Modern Electronic and Information Society in the Context of Social and Economic Security // Mediterranean Journal of Social Science, 2015, No. 6 (6S3). P. 150-159.

² См.: Osipov G.V., Karabulatova I.S., Shafranov-Kutsev G.F., Kucheryavaya E.R., Galiullina S.D., Sadykova L.R. Problems of Ethno-Confessional Extremism in Russia as a Reflection of Deviation Processes in the Society//Mediterranean Journal of Social Science, 2015, No. 6 (6S3). P. 95-103.

С другой стороны, многоаспектность феномена политико-религиозного экстремизма и разнообразие его категориального осмысления в современной научной литературе отражают недостаточную, на наш взгляд, проработанность в теоретическом и, что более существенно, в практическом плане такой актуальной проблемы, как технологическое обеспечение противодействия политико-религиозному экстремизму¹.

В последнее время появился интерес к политическому экстремизму и у онлайн-средств массовой информации. В этом ключе невозможно не отметить сайты Центра «СОВА» и «Экстремизм.ру», авторы которых организуют круглые столы, интернет-дискуссии, разного уровня опросы и исследования по проблематике экстремизма. В некоторых субъектах Российской Федерации приняты законы, определяющие правовые основы, формы и методы противодействия политическому и религиозному экстремизму, а также принципы ответственности граждан и организаций за политический и религиозный экстремизм. Это, например, Закон Республики Дагестан от 16 сентября 1999 года № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан»; Закон Карачаево-Черкесской Республики от 4 мая 2000 года № 6-РЗ «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории КЧР»; Закон Кабардино-Балкарской Республики от 1 июня 2001 года «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности» и др.

Специфические условия современной России способствуют реализации экстремистского потенциала молодежи. Среди них наиболее значимы социально-политическая незащищенность молодежи в условиях неустойчивости экономики и социальной сферы российского общества и затрудненность вертикальной социальной мобильности, усиливающая

---

¹ См.: Kaplan A.M., Haenlein M. Users of the World, Unite! The Challenges and Opportunities of Social Media // Business Horizons, 2010, No. 53 (1). P. 59-68.

имущественное расслоение¹. Внедрение экстремизма в молодежную среду в настоящее время приобрело очень большие масштабы и имеет опасные последствия для будущего нашей страны, так как подрастающее поколение — это ресурс национальной безопасности, гарант поступательного развития общества и различного рода инноваций².

Методы и материалы

В качестве теоретического базиса исследования используются следующие теории: институциональные, теории информационного общества, политических систем, политического процесса. В основе государственной молодежной политики лежит Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 7 декабря 1965 года № 2037 о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами.

В XXI веке формируется такое новое направление в научных исследованиях, как конфессиональная политология. Она призвана исследовать многообразие способов и форм взаимодействия религии и политики в современном мире на теоретическом и прикладном уровнях³.

В рамках этого направления в ходе исследования был разработан методологический конструкт, позволяющий рассматривать религиозную экспансию в качестве фактора социально-политической жизни общества, а религиозное пространство — как одну из ее форм. В рамках этого методологического конструкта используются такие понятия, как религиозная

---

¹ См.: Gabdrafiqov I.M., Karabulatova I.S., Khusnutdinova L.G., Vildanov Kh.S. Ethnoconfessional Factor in Social Adaptation of Migrant Workers in the Muslim Regions of Russia // *Mediterranean Journal of Social Science*, 2015, No. 6 (3S4). P. 213—223.

² См.: Gladwell M. Small Change: Why the Revolution Will Not Be Tweeted // *The New Yorker*, 4 October 2010 [http://www.newyorker.com/reporting/2010/10/04/101004fa_fact_gladwell?currentPage=all#ixzz1IrihbQzc].

³ См.: Karepova S.G., Karabulatova I.S., Novikov V.S., Klemovitsky S.V., Stratan D.I., Perova A.E. New Approaches to the Development of Methodology of Strategic Community Planning // *Mediterranean Journal of Social Science*, 2015, No. 6 (3S6). P. 357-364.

экспансия, религиозное пространство, политизация религии, политико-религиозные конфликты, политико-религиозный терроризм¹.

В работе применяется аксиологический (ценностный) подход, позволяющий определить основные мотивационные факторы политического экстремизма как набор ценностных ориентиров в борьбе за политическую власть.

Неоинституциональный подход используется при изучении противодействия политическому экстремизму посредством определения практик политического экстремизма и основных институтов борьбы с ним. Без институционального оформления политико-религиозного экстремизма невозможно выявить технологии противодействия ему и определить степень их значимости в процессе борьбы с ним. Материалами послужили публикации в сети Интернет.

Результаты

Религиозная экспансия сопровождается складыванием религиозного пространства как формы социально-политической жизни общества. Религиозное пространство представляет собой порядок взаиморасположения и взаимодействия религиозно ориентированных цивилизаций, государств, регионов (с традиционно существующими системами религиозных норм, правил поведения, ценностей и религиозным культом), границы которых определяются социокультурными, религиозными и политическими факторами.

Ядро религиозного пространства составляет религиозная доминанта, выступающая как регулятор религиозно-политической активности. Акторами данной активности выступают харизматические политические и религиозные лидеры.

---

¹ См.: Osipov G.V., Karabulatova I.S., Shafranov-Kutsev G.F., Kucheryavaya E.R., Galiullina S.D., Sadykova L.R. Op. cit.

Переход религиозной доминанты из одной религиозной модели в другую, детерминированный политическим процессом, вызывает изменения в структуре религиозного пространства. Индивиды являются носителями индивидуальной религиозной доминанты, а этносы обладают коллективной религиозной доминантой, которая служит для сохранения культурного генофонда народа, но экстраполируется в рамках политики.

Важное преимущество в борьбе с манипулятивными воздействиями экстремистской направленности дает пресечение всевозможных контактов представителей экстремистских организаций с потенциальной аудиторией граждан. В этом случае будет остановлено распространение экстремистской идеологии ценностно-мотивированного насилия, которая является мощным фактором существования и распространения экстремистских установок в общественно-политическом пространстве.

Поэтому целевой основой ликвидации контактов экстремистов с внешним миром является использование информационно-коммуникационных технологий, в результате которого происходит полное уничтожение коммуникационных каналов экстремистских организаций (интернет-сайтов, порталов, почтовых ящиков и т.п.).

Помимо информационно-коммуникационных технологий значимы и гражданские технологии. В этом случае велика роль общественных институтов — негосударственных, некоммерческих организаций и иных институциональных образований гражданского общества¹. Общественные институты вводят граждан в политическое пространство для решения проблем противодействия политическому экстремизму и иным деструктивным явлениям. Среди примеров гражданских технологий можно выделить круглые столы по противодействию терроризму и экстремизму в Северо-Кавказском федеральном округе, акцию «Нет экстремизму!» в Челябинской и Тюменской областях, различные конференции, симпозиумы по вопросам противодействия экстремизму (например, постоянно

---

¹ См.: Gabdrafiqov I.M., Karabulatova I.S., Khusnutdinova L.G., Vildanov Kh.S.Op. cit

действующие мероприятия в Оренбургской области), гражданские экспертизы антиэкстремистской тематики и т.д.

Деятельность общественных институтов и использование ими разнообразных технологий как главного фактора в борьбе с негативными практиками политического экстремизма носят положительный характер. Использование гражданских технологий представителями общественности, а самое главное — молодежью оказывается достаточно результативно в противодействии политическому экстремизму: ликвидируются экстремистские организации, закрываются интернет-порталы, распространяющие экстремистские материалы, и т.д.¹ По данным Фонда «Общественное мнение», более половины опрошенных респондентов (56%) считают, что политический экстремизм опасен для страны, и только 8% — что он не опасен. При этом всего 24% опрошенных граждан знают о существовании экстремистских организаций, 38% — что-то слышали о них и 37% ничего не слышали либо затруднились ответить.

В ходе опроса, проведенного в рамках студенческого фестиваля Приволжского федерального округа «Экстремизму – нет» среди студентов Казанского федерального университета, на вопрос «Существует ли реальная угроза совершения террористического акта во дворе вашего дома?» 45% респондентов ответили, что такой угрозы не существует, а 37% опрошенных уверены в том, что она существует, 18% затруднились с ответом. Наконец, на вопрос на сайте «Молодежь за чистый Интернет»: «Что в Интернете наиболее активно распространяется?» — только 4,7% опрошенных ответили «призывы к экстремизму» и 13,5% — «сайты, поддерживающие терроризм».

По результатам опросов можно сделать вывод, что граждане не в полной мере осведомлены о действительно опасном характере экстремистской деятельности. Это приводит к все большему усилению ресурсной базы экстремистов.

---

¹ См.: Zamaletdinov R.R., Karabulatova I.S., Yarmakeev I.E., Ermakova E.N. Linguo-Propaedeutics of Ethnic Conflicts as a Basis for Stability in Complex Polyethnic Regions // Asian Social Science, 2014, No. 10 (20). P. 164-173.

Использование общественными институтами различных не согласованных друг с другом технологий в противодействии политическому экстремизму не воспринимается гражданами как эффективный и действенный механизм в борьбе с негативными факторами политической сферы и приводит к технологической дисфункциональности. Разрозненность в технологическом и организационно-координационном плане вызывает к жизни неформальные институциональные формы противодействия политическому экстремизму, использующие зачастую незаконные технологии киберпространства (различные виды атак, компьютерные вирусы и проч.).

Социокультурный аспект противодействия молодежному политико-религиозному экстремизму предполагает реализацию комплекса мер по просвещению, разъяснению и рекламе позитивных, конструктивных и социально одобряемых образцов поведения.

Столь масштабная задача требует создания объективных социокультурных условий, способствующих формированию молодежной культуры ненасильственного типа в противодействии экстремизму. К их числу относятся:

- 1) широкое утверждение демократических принципов жизнедеятельности в государстве и обществе;
- 2) гармонизация социальной структуры и реализация принципов социальной справедливости;
- 3) эффективное управление процессами социализации личности и социальных групп, формирование культуры нравственно-правового применения силы внутри государства и в межгосударственных отношениях.

Обсуждение

В современном обществе существуют различные точки зрения на проблему взаимодействия религии и политики. Так, Дж. Стаут считает, что

граждане имеют право на свободное выражение религиозных убеждений в политических дискуссиях, поскольку именно здесь правители и представители элит более всего склонны применять ограничения. Поэтому религия имеет право участвовать в современном демократическом политическом процессе, а ее аргументы должны приниматься политиками¹. Иной точки зрения придерживается Р. Рорти, который полагает, что религия относится к частной жизни человека, а политика – к публичной сфере, в силу чего эти две разные сферы жизни человека не должны смешиваться². Компромиссную позицию в этом вопросе занимает Ю. Хабермас, полагающий, что в открытом «мультикультурном Мир-Обществе» возможно сосуществование политики и религии³. С точки зрения российских исследователей, религия не только имеет право влиять на политический процесс, но при определенных обстоятельствах (усиление кризисных явлений) религиозно-политические движения, например в России, могут стать доминирующим компонентом в политическом процессе⁴.

Особую актуальность в современной литературе приобретает вопрос о влиянии ислама на политические процессы в странах Западной Европы. При этом некоторые исследователи, в частности Дж. Клэюзен, подчеркивают, что прежняя концепция религиозной экспансии как конфликта цивилизаций в современных условиях оказывается неэффективной и, скорее всего, иллюзорной. Это подтверждается, по ее мнению, тем, что только 5% опрошенных считают, что в Западной Европе может иметь место халифат⁵.

В последнее время в политических кампаниях стали активно использоваться популярные социальные сети. Политтехнологи

---

¹ Стаут Дж. Демократия и традиция. М.: Издательский дом «Традиция будущего», 2009. С. 95.

² Rorty R. Religion as a Conversation-Stopper. Philosophy and Social Hope. London: Penguin Books, 1999.

³ См.: Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном Мир-Обществе // Полис, 2010, № 2. С. 17

⁴ См.: Митрофанова А.В. Политизация «православного мира». М.: Наука, 2004

⁵ См.: Klausen J. Islamic Challenge: Politics and Religion in Western Europe. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 40.

целенаправленно подталкивают молодежь к участию в голосовании и в политических дискуссиях. О роли персональных сетевых связей в интернет-технологиях современных социальных медиа на примере теории общественных движений рассуждает М. Гладвелл. Анализируя результаты исследований в области общественных движений и сетевых связей, сосредоточенных на изучении текущего высокого уровня политического активизма, он связывает его с широким распространением сетевых социальных медиа. При этом он ссылается на выводы значительного числа исследователей (Д. Макадама, А. Морриса, М. Грановетера и др.), полагающих, что Facebook, Twitter и другие социальные медиа могут привести революционные изменения в организацию политической активности. Большинство авторов связывают современную политическую активность в мире с новыми формами мобилизации. Гладвелл же не вполне с ними согласен. Он стремится доказать, что механизмы политической мобилизации общества используют скорее сильные персональные сетевые связи, нежели слабые, образуемые благодаря сервисам социальных сетей. То есть, как правило, только сильные персональные сетевые связи (коммуникация с близкими знакомыми, с которыми человек контактирует достаточно часто) могут подтолкнуть пользователя к реальным политическим действиям¹.

С точки зрения исследования коммуникативных стратегий политической власти в Интернете интересны наблюдения Гладвелла относительно слабых персональных сетевых связей (т.е. коммуникаций пользователя с удаленными контактами, с которыми он редко тесно взаимодействует). Исследователь отмечает, что «платформы социальных медиа строятся на основе слабых персональных сетевых связей. Twitter, например, — это способ поддерживать связь с теми людьми, с которыми вы могли бы никогда и не встретиться. Facebook — это инструмент для эффективного управления своими знакомствами и для поддержания связей с

---

¹ См.: Gladwell M. Op. cit.

теми людьми, с которыми вы иначе не были бы способны оставаться в контакте. Именно поэтому вы можете иметь тысячи «друзей» в Facebook – столько, сколько у вас бы никогда не было в реальной жизни». Так, Х. Фаррелл и Д.В. Дрезнер анализируют влияние блогеров и блогосферы на политику США. Обращая внимание на специфику сетевой структуры блогосферы, они предлагают рассматривать последнюю, сосредотачиваясь на двух взаимосвязанных аспектах: неравномерном распределении читателей во всей совокупности блогов, а также все возрастающем взаимодействии между блогами и основными средствами массовой информации¹.

Возрастающие популярность и информационная влиятельность блогов и социальных сетей в Интернете, организованных по принципам Веб 2.0, позволили говорить о возникновении социальных медиа как новом этапе в развитии интернет-технологий и информационного общества. Социальные медиа представляют собой концепт, призванный объяснить коммуникативный потенциал таких интернет-технологий, как блоги и социальные сети. А. Каплан и М. Хайнлэйн определяют социальные медиа, как «группу интернет-приложений, построенных на идейной и технической основе Веб 2.0, которые позволяют осуществлять обмен генерируемым пользователями контентом»².

Важным элементом в рамках концепции Веб 2.0 является понятие «пользовательского контента», посредством которого исследователи связывают развитие интернет-технологий с изменениями в стратегиях политической коммуникации. Понятие пользовательского контента вписывается в более широкие рамки концепта «Участвующей Сети» («Participative Web»). Под этим понимаются сервисы, подталкивающие пользователей к участию в создании, дополнении, развитии, оценке, систематизации и персонализации сетевых приложений интернет-контента.

---

¹ См.: Farrell H., Drezner D.W. The Power and Politics of Blogs // Public Choice, 2007, No. 134. Springer Science+Business Media, BV. P. 19

² См.: Kaplan A.M., Haenlein M.Op. cit.

Возможность трансляции различных функциональных приложений в купе с обращением к пользовательскому контенту породили еще одну особенность интернет-технологий Веб 2.0 – «смешение» («mash-up»). Речь идет об интеграции сервисов на том или ином отдельном сайте, что позволяет значительно совершенствовать их коммуникативные возможности¹.

В обществе, где политические демократические институты менее развиты (восточный мир), государство всегда было более слабым институтом, чем такие социальные институты, как религия и семья. В таком обществе религия оказывает существенное влияние на политику.

Заключение

Следует констатировать, что существующая сегодня в Российской Федерации система государственного противодействия экстремизму, по сути говоря, направлена лишь на нейтрализацию его наиболее общественно опасных последствий. Государство не ведет системной деятельности по устранению таких фундаментальных причин молодежного экстремизма, как социальная незащищенность молодежи, отсутствие социальной мобильности, имущественное расслоение, не борется с новыми организационными формами и технологиями экстремистской деятельности, которые в настоящее время активно практикуются молодежными группировками экстремистской направленности РФ и представляют непосредственную угрозу национальной безопасности. К технологиям подобного рода относятся

— опосредованное медийное воздействие, формирующее у молодежи ценностные установки, способствующие принятию экстремистских идей;

— интернет-технологии, направленные на широкую пропаганду экстремистских воззрений;

---

¹ См.: Markoff J. Entrepreneurs See a Web Guided by Common Sense // The New York Times, 12 November 2006 [http://www.nytimes.com/2006/11/12/business/12web.html?_r=1].

— флэшмоб-технологии, практически не подпадающие под действие законодательства Российской Федерации.

В целом, экстремистские проявления современной российской молодежи обусловлены искажением моделей ее самоидентификации, в рамках которых и происходит институционализация экстремистских течений. В РФ, среди моделей самоидентификации, наиболее распространены

- Модель «потерянного поколения», провоцирующая бытовой экстремизм;
- Модель имущественной идентификации, выступающая базой социально-протестного экстремизма, зачастую принимающего сильно политизированные формы;
- Модель политической самоидентификации активно стимулирующая политический экстремизм молодежи;
- Национально-этническая и религиозная модели самоидентификации, в рамках которой происходит распространение религиозного и этнического экстремизма.

В современных условиях феномен экстремизма получил в российском законодательстве определенную правовую оценку, при этом можно констатировать постепенное формирование в стране соответствующего комплексного законодательства в виде совокупности норм противодействия преступлениям экстремистского характера. Пока общественная ситуация в России не благоприятствует реальной имплементации подобных законов: отсутствуют ценностные ориентиры, которые не позволяют даже профессиональным юристам определиться с тем, можно ли подвести то или иное деяние под разжигание национальной розни.

Наконец, в российском законодательстве не находит пока должного отражения важность работы, направленной на профилактику экстремизма в молодежной среде. Это должна быть целостная, организуемая в рамках единой государственной программы система мер, которая имеет свое

содержание, этапность и динамику развития, определенный конечный результат, последовательно реализуемая государственными и общественными структурами. И здесь видится немалый потенциал развития системы противодействия экстремизму.

МОЗГОВОЙ В.Э.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ДЕВИАЦИЯ СОЦИУМА НАЧАЛА XXI ВЕКА¹

Со времени возникновения социологии в середине XIX в. учеными описано множество форм и разновидностей девиантного поведения. Механизм образования девиаций стал понятен классикам социологического анализа (Э. Дюркгейм, Р. Мертон и др.) еще в конце XIX – первой половине XX в. Основной проблемой, лежащей в основе продуцирования девиантного поведения стало функционирование духовной культуры социума, которая является своего рода «маркером» девиации, классифицируя различные социальные действия, явления, процессы как девиантные, либо не девиантные.

Однако, во второй половине XX – начале XXI в. развитие компьютерных, телекоммуникационных, оптоволоконных технологий создало предпосылки для формирования принципиально нового миропорядка – глобального информационного общества, находящегося на постиндустриальной стадии развития. Вместе с тем, общество столкнулось с новыми, ранее не известными угрозами, вызовами, рисками, в том числе – генезисом инновационных форм девиации. Именно кризис эвристической и гносеологической парадигм в социологии начала XXI в. актуализирует проблему информационного экстремизма.

---

¹ Мозговой В.Э. Информационный экстремизм как инновационная девиация социума начала XXI века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 61-65.

В современном обществе новый облик коммуникационной системы, рост социальной значимости информации и коммуникации (осуществляющейся на основе информации) приводит к различным социальным последствиям. К числу позитивных можно отнести появление новых рынков и отраслей занятости, что открывает широкие возможности для людей, растет потенциал самообразования и поиска любой интересующей информации. Общество трансформируется и в нем находят место новые стороны реализации научного потенциала. Современный человек получил возможность для самоидентификации, самовыражения посредством информационно-коммуникационной среды. Вместе с тем, имеет место и ряд негативных последствий, к числу которых целесообразно отнести угрозы информационной безопасности национального государства, участвовавшие случаи использования дезинформации, манипулирования сознанием, информационного терроризма и экстремизма.

В настоящее время негативные информационно-коммуникационные эффекты в настоящее время проявляются более зримо, чем положительные. Объясняется это общественным резонансом и повышенным вниманием к таким событиям, явлениям, процессам. Вместе с тем, если «удалить» эмоциональную составляющую вопроса и посмотреть на ситуацию максимально объективно и беспристрастно, то, все равно, опасные последствия для развития общества, его духовной, экономической, политической сфер, культуры будут весьма существенными. Основная проблема состоит в том, что дисфункциональность коммуникационной системы общества (индикаторами чего выступают интенсификация процессов манипулирования, дезинформирования и т.д.) неизбежно приводит к нарастающей дисфункциональности общества в целом. Причина сложившейся ситуации в том, что посредством коммуникационной системы осуществляется обозрение окружающего мира, передача социального опыта и культурного наследия, осуществляются торгово-экономические операции, происходит социализация и воспитание подрастающих поколений. Поэтому

сбои в коммуникационной системе с неизбежностью приводят к существенным дисфункциям социума, его основных социальных институтов и подсистем. В результате наблюдается рост числа девиаций, «экстремизация» сознания и поведения людей, особенно подрастающего поколения, лишённого стабильно функционирующего социализационного и инкультурационного процесса. Следовательно, проблема информационного экстремизма носит диалектический характер: с одной стороны, информационный экстремизм представляет собой угрозу обществу, его стабильности, с другой стороны, дисфункции и дезорганизация в социуме (в том числе – в коммуникационной системе) создают благоприятные условия для генезиса и развития информационного экстремизма. Таким образом, мы имеем дело с многоаспектной социальной проблемой, носящей системный, диверсифицированный характер.

Как известно, одним из качественных признаков экстремизма является то, что он способен «впитывать» специфику социального контекста своего бытования, адаптироваться к нему. В этой связи исследователи справедливо обращают внимание на то, что «явление экстремизма весьма динамично и с каждым днём приобретает всё новые черты и характеристики. В современном информационном обществе экстремистские организации всё активнее используют достижения коммуникационных технологий, внедряя в свою деятельность, прежде всего, те из них, которые достаточно эффективно воздействуют на массовое общественное сознание» [1. С.41.].

Также необходимо учитывать тот факт, что коммуникационная система общества начала XXI в. пребывает в состоянии глубокого кризиса. Причины сложившейся ситуации кроются в возникшем инновационном риске вследствие дисбаланса традиционных и инновационных медиа систем. Вхождение в социальную жизнь Интернета и сверхсовременных информационно-коммуникационных технологий создало ситуацию «искусственного противопоставления» электронных и печатных СМИ, с одной стороны, и интернет ресурсов неформальной коммуникации, с другой

(социальные сети, блоги, форумы). Коммуникативные акторы последних, присвоив себе вещательную инициативу, способствовали росту непроверенных, провокационных, дезинформационных сообщений в системе, ее перегрузке вследствие роста трансляции незначимых сообщений и другим негативным тенденциям.

В условиях социума начала XXI в. возникают условия для массового копирования и распространения вредной, антисоциальной информации. В этой связи стоит согласиться с мнением о том, что «информационно-телекоммуникационные сети общего пользования (в частности, Интернет) являются наиболее перспективными средствами пропаганды экстремистских материалов ввиду оперативности предоставляемых сведений, относительной дешевизны технологии создания и распространения информации, сложности, а в большинстве случаев невозможности привлечения к ответственности лиц, размещающих такие материалы, в силу отсутствия системы международных соглашений и законодательства, регулирующих вопросы борьбы с распространением экстремистских материалов на сайтах зарубежных государств» [2, с.13.].

Растущая эффективность информационных и телекоммуникационных средств воздействия на аудиторию создают социально опасную ситуацию, заключающуюся в создании условий для отрицательного воздействия на сознание и поведение людей, с использованием современных аудио-визуальных средств и технологий. Как справедливо отмечают в этой связи исследователи, «нынешний этап развития информационных отношений характеризуется возможностью информационного воздействия на индивидуальное и общественное сознание, вплоть до угрозы информационных войн, в результате чего неизбежным противовесом свободы информации становится проблема информационной безопасности» [3, с.53].

Именно трансформация облика «классического» экстремизма приводит к возникновению в начале XXI в. такой его разновидности, как

информационный экстремизм. С точки зрения О.С. Жуковой, «информационный экстремизм – это деятельность, связанная с: а) созданием, хранением и (или) распространением информации, содержащей предусмотренные законом признаки экстремистской деятельности; б) использованием информации, обрабатываемой компьютером, компьютерной системы и (или) компьютерной сети, осуществляемым в целях воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, сопряженным с различными формами психического или опосредованного физического насилия (кибертерроризм); в) использованием информации, оказывающей деструктивное воздействие на психику людей, не осознаваемое ими» [2, с.12.]. По мнению современных исследователей, наибольший социологический контингент информационного экстремизма – это молодежь. А потому, молодежь, как наиболее уязвимая социальная группа нуждается в защите от экстремистских тенденций.

Как отмечает Р.В. Упорников, «информационный экстремизм – это деятельность, осуществляемая с использованием информационных технологий, сопряженная с формами социально-психического и опосредованного физического деструктивного влияния, результатом которого является достижение публично нелегитимных и противоправных целей. Признаком информационного экстремизма является нанесение законным интересам, правам и свободам граждан физического, материального, морального и иного ущерба» [4, с.11-13].

По мнению исследователей, «информационный экстремизм характеризуется следующими общими и специфическими параметрами: 1) радикальностью (экстраординарностью) действий в достижении каких-либо целей, реализации интересов; 2) антисоциальностью, поскольку нарушает исторически сложившиеся (типичные), позитивные формы и модели социально-правового взаимодействия, подрывает существующий баланс интересов, создавая между ними конфликтогенное пространство

взаимодействия; 3) аморальностью, так как всегда идет вразрез с духовно-нравственными нормами, направлен на их нивелировку и разрушение, поскольку кризис духовно-нравственного пространства, фрагментарность его функционирования открывает простор для интенсивного развития экстремистской деятельности; 4) институциональностью – он «вызревает» и институционализируется в пограничных условиях и маргинальных пространствах; 5) искажением политико-правового мышления, поскольку субъект экстремистской деятельности обладает чаще всего деформированным сознанием, что обуславливает его отчуждение от социально-культурных и политико-правовых норм и ценностей; 6) противоправностью результатов, поскольку функционирование информационного экстремизма в ряде случаев соответствует закону, но реализует предоставленные возможности в противоположных целях» [4, с.7-9].

Как отмечает Д.С. Глухарев, «экстремисты используют Интернет для информационного обеспечения своей деятельности. Некоторые экстремистские и террористические организации ведут полномасштабную информационную подрывную войну против государств. В настоящее время активно используются различные психологические приемы воздействия, публикуются наводящие ужас видеоролики казни заложников, нападений на автоколонны, акции смертников и т.п. Сторонники «цветных революций» активно используют Интернет для подрыва легитимности власти, часто используя для этого дезинформацию или провокационные фальшивые видеоматериалы» [5, с.137].

По мнению Н.Р. Димлевич, «сегодня контент основных интернет ресурсов по продвижению идеологии насилия (террористической, экстремистской, националистической и другой направленности) носит наступательный, агрессивный характер, отличается хорошей теоретической базой, продуманным спектром методов управляемого информационно-психологического воздействия на пользователей. Наибольшую опасность для

российского общества представляют русскоязычные интернет-ресурсы, вовлекающие молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность, в том числе популяризирующие образ террориста-героя» [6].

А.Х. Валеев указывает: «сеть Интернет представляет собой удобное поле для экстремистской деятельности, а также возможность распространения среди большого круга пользователей материалов экстремистского содержания. В сети Интернет информация доступна не только в виде статических веб-страниц – идет интенсивный интерактивный обмен ею в чатах, блогах и форумах, через которые все желающие могут общаться с экстремистами по всему миру. Одной из основных проблем борьбы с проявлениями экстремизма в сети Интернет, на наш взгляд, являются проблема отсутствия законодательного регулирования отношений, возникающих в связи с использованием сети Интернет» [7, с.125]. По мнению В.В. Плотникова, данное явление происходит за счет дисфункции и деструкции социального института науки [8, с.38-41].

Стоит отметить, что ключевую роль в формировании экстремистского дискурса выполняют форумы и чаты сети Интернет, как воплощение неформальной стороны коммуникации. Именно здесь часто разворачиваются «жаркие» дискуссии, в которых экстремисты и им сочувствующие индивиды, используют особый стиль для пропаганды своих идей, оказания влияния на интернет-пользователей.

Информационные экстремисты, используя особенности постиндустриального общества, активно объединяются (например, всемирно известная хакерская группа «Анонимус», угрожающая даже государствам), что позволяет достигать определенных негативных эффектов. Например, И.Л.Морозов обращает внимание на то, что «формирование информационного господства на международном уровне, дискредитация правящего режима идёт не столько перед собственным населением, сколько перед «мировым сообществом», что создаёт основу для последующего принятия решения о военном вмешательстве внешнеполитических акторов

во внутренние дела страны» [9, с.97-107.]. Информационные экстремисты также активно используют знания о социальной архитектуре общества начала XXI в., понимая, что его основой является коммуникационная система и обмен информацией между отдельными индивидами, группами, стратами, подсистемами и социальными институтами. Как справедливо подчеркивает В.А.Диль, основным оружием этого вида экстремизма является нарушение коммуникаций с целью возникновения хаоса в сегодняшнем информационном обществе.

Сложность борьбы с информационным экстремизмом во многом обусловлена тем, что он обладает значительным научно-техническим потенциалом. Было бы серьезным заблуждением считать информационными экстремистами разрозненные группы молодых хакеров, неких компьютерных энтузиастов. На самом деле информационный экстремизм отличается неплохой организацией и конспирацией, многие противоправные деяния в информационной сфере тщательно подготавливаются. Ситуацию, в частности, осложняет использование информационными экстремистами хостингов ряда государств, не отличающихся позитивным отношением к России. В этом случае российские правоохранительные органы испытывают затруднения в поиске информационных экстремистов и пресечении их противоправной деятельности. Второй осложняющий аспект связан с тем, что экстремизм проявляется как системное явление, на что указывают современные исследователи, а его динамика напрямую влияет на процесс системного нарушения социокультурного равновесия.

Таким образом, в обществе начала XXI в. информация становится основным ресурсом, активом, главной движущей силой социальных процессов. Именно поэтому новое общество исследователи часто называют «информационным». Вместе с тем, ускоренная информатизация социума приводит к общему снижению качества информации, информационной перегрузке, общей «захламленности» информацией (своего рода аналогу спам-воздействия в Интернете). При этом последствия глобализации и

глобальной информатизации, далеко не всегда несут положительный контекст [10, с.32-35]. Это происходит вследствие нарастания общей численности сообщений, с которыми вынуждено работать сознание современного человека (реклама, агитация, промоакции, социальные сети Интернета и т.п.). В результате общество сталкивается с негативными социальными явлениями и процессами, тесно связанными с информационной средой – манипуляцией сознанием, недобросовестной рекламой, пропагандой, распространением слухов и сплетен, информационным терроризмом. Одним из таких явлений стал и информационный экстремизм. Показательно, что информационный экстремизм тесно сочетается даже с такими стабильными областями социума как семья или религия.

Прогресс информационных технологий меняет характер и направленность многих социальных явлений, процессов современного общества. Именно так произошло с экстремизмом. Расширившиеся возможности приема-передачи информации привлекли внимание лидеров экстремистских движений и групп. Они заинтересованы в пропаганде своих идей, в том числе, с помощью псевдо дискуссий, обмена мнениям в чатах, на форумах и пр. интернет-ресурсах. В инспирированную ими дискуссию обычно втягиваются «рядовые» интернет-пользователи (экстремпаранты), соответственно, у экстремистов появляется мощный ресурс коммуникативного воздействия (прежде всего, на сознание и поведение), манипулирования людьми [11].

Проблема информационного экстремизма осложняется еще и тем, что социальные процессы в современном трансформирующемся обществе значительно ускоряются, приобретают интенсивный, а в ряде случаев и экстенсивный характер, что создает условия для генезиса общества риска. Новый облик общества в целом соответствует условиям, в которых актуализируются и инновационные угрозы, одной из которых можно считать информационный экстремизм. Ситуация с информационным экстремизмом осложняется еще и тем, что в настоящее время в научной литературе имеется

крайне незначительное число публикаций, посвященных этому антисоциальному явлению, что осложняет, в свою очередь, проведение социально-управленческих мероприятий по профилактике и противодействию информационному экстремизму.

Литература:

1. Муцалов Ш.Ш., Ганаева Е.Э. Использование массовых информационных технологий экстремистскими организациями // Армия и общество. 2014. №2 (39). С. 41.

2. Жукова О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. С.13.

3. Жукова О.С., Иванченко Р.Б., Трухачев В.В. Информационный экстремизм как угроза безопасности Российской Федерации // Вестник ВИ МВД России . 2007. №1. С.53.

4. Упорников Р.В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 11–13.

5. Глухарев Д.С. Противодействие экстремизму в современном медиапространстве // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. №10 (269). С.137.

6. Димлевич Н.Р. «НЕТ!» Информационному терроризму в Интернете. 2011. URL: <http://www.truenet.info/analitika> (дата обращения: 8.10.2014).

7. Валеев А.Х. Борьба с проявлением экстремизма в сети интернет // Бизнес в законе. 2011. №6. С.125.

8. Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 38-41.

9. Морозов И.Л. Политический экстремизм в современной России – новые тенденции // PolitBook. 2012. №3. С.97-107.

10. Нарыков Н.В. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции // Общество и право. 2003. № 1. С. 32-35.

11. Кубякин Е. О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность: монография. Краснодар, 2014.

**РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И НРАВСТВЕННО-
ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА УЧАЩИХСЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ
ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ
ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЫ¹**

Реформы, проводимые в России в последние годы развития общества, изменили общественное мнение о качестве образования и воспитания молодежи. Современное общество идет по пути поиска многими россиянами своей национальной особенности, культурной идентичности, сопровождающегося надеждами, сомнениями, ожиданиями, связанными со свободой развития человеческих возможностей и способностей. В связи с этим общество требует от образования тесного взаимодействия с другими институтами общественного воспитания, поиска путей улучшения нравов, уважения к менталитету и нормам социальной жизни своего народа, открытости взаимоотношений между представителями разных народов страны. Это требование выражено в официальных документах государства об образовании, в которых одной из основных задач школы определено сохранение, защита и развитие национальных культурных традиций и норм социальной жизни. Известно, что многонациональное, полиэтничное общество играет ключевую роль в воспитании молодежи с использованием вековых нравственных традиций, что является надежным противодействием разрушительным силам национализма и массовой разъединительной культуры. Однако в связи с трудной и противоречивой политической, экономической и культурной обстановкой в стране в эпоху социальных перемен проблема использования духовно-нравственного потенциала народных традиций в общественном воспитании осложняется рядом негативных факторов. В числе основных факторов выступают экономическая и социальная нестабильность общественного развития [1], но более

---

¹ Мустафаева А.Р. Роль образовательного и нравственно-воспитательного процесса учащихся в профилактике идеологии экстремизма и терроризма в условиях полиэтничной среды //Вестник Белгородского института развития образования. 2018. № 1 (7). С. 105-110.

существенное влияние на молодежь имеет социокультурный фактор, связанный с ценностно-нормативной неопределенностью, ухудшением общей культуры и нарушением адаптационных возможностей. Традиционные духовно-нравственные ценности девальвируются и вытесняются групповыми интересами и желаниями, разрушается система нравственных норм социальной жизни, наблюдается хаос мнений по отношению к новым ценностям жизни. В этих условиях молодой человек теряет привычные ориентиры, чувство опоры на свои традиционные корни, утрачивает связи с обществом. Усиливается риск социальной дезориентации, бездуховной жизни, потери духовной связи со своим народом, непонимания культурных различий и норм межэтнического взаимодействия [4].

Эта проблема настолько сложна, что постоянно привлекает внимание исследователей. В известных в педагогической теории исследованиях выявлены сущность и специфика разных аспектов проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи. Эффективной мерой в борьбе с национальным экстремизмом станет республиканская целевая программа по профилактике экстремизма, которая должна содержать комплекс мероприятий, предусматривающих развитие традиционной народной культуры [2]. О важности поддержки института традиционной народной культуры, включая поддержку фольклорного творчества, также сказано в последнем Послании Президента Российской Федерации В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации: «В единстве – наша сила». Только объединив усилия представителей интеллигенции, профессиональных и общественных организаций всех национальностей и конфессий нашей республики при участии правоохранительных органов, расширяя информационно-пропагандистскую работу, можно дискредитировать отдельные экстремистские идеологии и их приверженцев, сформировав у подрастающего поколения чувство нетерпимости к крайним проявлениям политического и национального экстремизма. Человек – существо духовное, он стремится не только к физическому развитию, но и к

духовному становлению. Соединить в себе личное и народное, земное и небесное, телесное и духовное – это естественная потребность человека [5].

Развитие личности не может осуществляться самостоятельно, необходимо целенаправленно воздействовать на нее, создавая для этого психолого-педагогические условия. Поэтому проблема социализации личности воспринимается соискателем как междисциплинарная проблема, принципами исследования которой являются принцип историзма, аналитичности исследования существующих концепций социализации, синергетизма, целостности, системности и динамизма.

Диалог культур, в свою очередь, возможен как по горизонтали, где общение, взаимовлияние происходит в одном временном пространстве, так и по вертикали, где прошлое служит основой для настоящего и ориентиром для будущего.

Выделяется два аспекта нравственного воспитания детей в полиэтничном обществе: сохранять и развивать сущностные черты этнического менталитета, параллельно создавая в образовательных учреждениях концепцию культурного синтеза и интеграции детей в единую российскую нацию.

Проблема нравственно-воспитательного процесса учащихся в профилактике идеологии экстремизма и терроризма в условиях полиэтничной среды будет актуализирована рядом выявленных противоречий между:

- призывами в научной литературе и СМИ к возвращению к народным традициям с одной стороны и интенсивными релятивистскими процессами, делающими этот возврат невозможным, с другой;

- принципами единого образовательного пространства в регионах России и невозможностью реализации в них образовательного процесса без учета специфики народов, населяющих эти регионы;

- актуальностью проблем нравственного воспитания в поликультурном образовательном пространстве и недостаточной разработанностью средств и

методического обеспечения интеграции специфики жизни этносов в общенациональные духовно-нравственные ценности.

Питательной средой экстремизма, паразитирующего на религиозных и национальных чувствах, является недостаток у широкого круга людей религиозных знаний и духовной практики, выдержанной в духе многовековых вероисповедных традиций. Под видом древних учений эмиссары экстремизма обычно проповедуют новые идеи, придуманные для оправдания насилия по отношению к людям другой веры. В то же время опыт религиозной жизни и добрососедства, накопленный верующими, остается невостребованным в национальных системах образования, воспитания и массовой информации [3].

Национально-региональные традиции воспитания позволяют детально разобраться в общности народных педагогических культур, в их нравственных взаимосвязях. Чтобы сформировать культуру межнационального общения, нужно знать традиционную культуру воспитания всех народностей, населяющих регион (обычаи, язык, искусство, историю и т.д.). Именно в контексте всего богатства традиционной педагогики и нравственно-этнической культуры народов представляется возможным демократическим путем регулировать иерархию гуманистических взаимосвязей: национальная политика, межнациональные отношения, общение, национальное воспитание, межнациональное воспитание, межнациональное сотрудничество, национальное согласие, общенациональная гармония. Данная статья является приоритетной и социально значимой в настоящее время, поскольку в ней задействован такой важный аспект, как культурно-нравственная составляющая личности и основные факторы влияния терроризма. В связи с тем, что республика находится в сложной экономической и социальной ситуации, молодежь ежедневно сталкивается с альтернативой и пытается заменить духовно-нравственные традиции на ложные представления.

Данная тема особенно актуальна для людей молодых, подростков, находящихся в учебно-образовательной среде, поскольку достаточно часто террористы используют подростков в своих целях. Молодежный экстремизм, терроризм – это результат недостаточной социальной адаптации молодежи, влекущий асоциальное поведение молодых людей.

Целью исследования является углубленное изучение теоретических работ и практических разработок отечественных и иностранных исследователей, которые занимались данной темой, вследствие чего планируется разработать модель формирования нравственных ценностных ориентаций подростков на основе этнокультурных традиций и определить организационно-педагогические и дидактические условия ее практической реализации на современном этапе с учетом передового педагогического опыта.

Гипотеза исследования: формирование основ нравственных качеств в условиях многонационального региона Дагестана, их практическая реализация в современных социально-экономических и организационно-педагогических условиях будут эффективным средством воспитания, если:

- отечественные и зарубежные теории построения поликультурного и поликонфессионального образования будут заложены в основу формирования нравственных качеств;

- в системе нравственного воспитания педагоги будут использовать особенности традиционной культуры воспитания всех народностей, населяющих регион (обычай, язык, искусство, историю);

- будет разработана и апробирована концептуальная модель формирования нравственных качеств. В соответствии с поставленной целью и гипотезой исследования сформулированы задачи исследования:

- провести теоретический анализ рассматриваемой проблемы в истории, теории, практике педагогики с целью формирования системы реализации нравственных качеств в многонациональном регионе Дагестана;

- определить современные особенности реализации нравственных ценностей народов в учебно-воспитательном процессе;

- выявить необходимые национально-культурологические компоненты образования для изучения их в полиэтнической школе;

- изучить возрастные особенности нравственного воспитания и пути формирования нравственности в подростковом возрасте. Научная новизна исследования:

- основные аспекты этнопедагогики процесса формирования нравственных качеств дагестанских народов проанализированы с точки зрения новых теоретических парадигм развития общества: ориентация на общечеловеческие ценности, демократизация и гуманизация общественных институтов;

- национальные традиции рассматриваются в целостной связи с нравственно-духовными, национально-религиозными ценностями, раскрывается положительная роль религии в духовно-нравственном становлении личности;

- теоретически обоснована необходимость определения путей комплексного использования народных традиций в учебном процессе и внеклассной работе школы, а также в совместной работе школы, семьи и общности.

Подготовка к опытно-экспериментальной работе проводится на базе экспериментальных школ. На основании проведённого мониторинга ценностных предпочтений старшеклассников отобраны экспериментальные (ЭГ) и контрольные (КГ) группы, вместе с учителями-экспериментаторами отобран контингент учеников, чьи ценностные предпочтения вызывали озабоченность, намечена программа и ход опытно-экспериментальной работы.

В ходе подготовки к реализации опытно-экспериментальной работы проведены устные беседы, анкетирование, тестирование обучающихся, их

родителей, учителей на предмет выявления интереса к этнокультурным традициям, ценностного отношения к ним, сформированности морально-нравственных ценностных ориентаций на основе этнокультурных традиций.

Разработана педагогическая модель формирования морально-нравственных ценностных ориентаций профилактики идеологии экстремизма и терроризма среди старшеклассников на основе этнокультурных традиций народов Дагестана, составляющими которой стали целевые, содержательные, технологические, результативно-оценочные компоненты, и согласно которой была организована опытно-экспериментальная работа.

Так же не стоит забывать, что необходимо постоянно проводить занятия с учителями и работниками школы. Для формирования нравственных качеств учеников, в разработанной модели в работе с учителями предлагается проводить следующие мероприятия:

1. Курсы повышения квалификации для учителей языка и литературы, истории.
2. Семинары на уровне республики для обмена опытом повышения нравственности учеников.
3. Предложить учителям и работникам школы разработать программы обучения и составлять конспекты уроков с учетом народных традиций.
4. На базе школ обязательно создать музеи народного творчества и кружки изучения традиций, истории и быта своего народа.

Динамика нравственных качеств полиэтнической среды народов Дагестана на примере учащихся экспериментальной группы выявляет ценности морально-духовных качеств молодежи.

Данные факты позволяют констатировать: интеграция традиционных и нетрадиционных подходов, этнопедагогизация, этнорегионализация и этнокультурологизация всего учебно-воспитательного процесса в ЭГ дала положительные результаты: показатели сформированности ценностных ориентаций на морально-нравственные ценности в ЭГ оказались на

значительно более высоком уровне по сравнению с теми же показателями у учащихся КГ.

Литература

1. Белинская, Е.П., Стефаненко, Т.Г. (2000), Этническая социализация подростка, Издательство НПО «МОДЭК», Воронеж, Россия.
2. Бехтерев, В.М. (1997), Проблемы развития и воспитания человека, НПО «МОДЭК», Воронеж, Россия.
3. Маслоу, А.Х. (1967), Теория мотивации: биологическое ускорение ценности жизни, Журнал гуманистической психологии, № 7, 93-127.
4. Мустафаева, А.Р. (2011), Исторические предпосылки и проблемы формирования нравственных качеств в поликонфессиональных регионах. Научно-теоретический журнал университета Ученые записки университета имени Л.П. Лесгафта, № 55(75), 89-93.
5. Шкатулла, В.И. (2016), Образовательное право России (учебник для вузов), Юстицинформ, Москва, Россия.

САФИН Р.Ш.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ С УГЛУБЛЕННЫМ ЗНАНИЕМ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ИСЛАМА¹

Республика Татарстан является одним из самых многонациональных регионов Российской Федерации, наряду с этим Татарстан имеет статус региона компактного проживания этнических мусульман, доля которых составляет более 50 процентов от всего населения. В связи с этим, вопросы профилактики и противодействия угрозам в сфере религиозного экстремизма очень актуальны для нашей республики.

---

¹ Сафин Р.Ш. Основные направления деятельности Казанского федерального университета в сфере профилактики религиозного экстремизма в рамках реализации Программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама // Образование и духовная безопасность. 2017. № 2. 46-50.

Несмотря на высокий уровень толерантности между представителями различных национальностей и верований, который исторически присущ населению РТ, а также конструктивную религиозно-культурную политику, проводимую на местном уровне, регион продолжает оставаться одним из самых приоритетных объектов устремлений международных экстремистских и террористических структур.

Ежегодно правоохранительными органами Татарстана фиксируются и пресекаются попытки дестабилизировать обстановку членами таких международных террористических организаций, как «Исламское государство», «Хизбут-Тахрир аль-Ислами», экстремистских объединений «Ат-такфир валь-хиджра», «Таблиги Джамаат», «Нурджулар».

Так, в 2016 году в РТ за преступления экстремисткой и террористической направленности к уголовной ответственности привлечены 28 человек. А в 2017 году по указанным составам осуждены уже 49 человек.

Очевидно, что решение проблемы проникновения экстремизма в религиозную сферу заключается в создании эффективных религиозных институтов, становлении системы конкурентоспособного отечественного религиозного образования, подготовки соответствующих высококвалифицированных специалистов для религиозных организаций, преодолении чуждых для народов России религиозных традиций, объединении мусульманского сообщества республики на принципах рационального татарского богословского наследия и государственной гражданской общности.

Ресурсный центр по развитию исламского и исламоведческого образования Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета (далее – Ресурсный центр) принимает во внимание эти обстоятельства и, в рамках реализации Плана подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, осуществляет консолидацию научных сил для организации работы, направленной на прямую деконструкцию экстремистских взглядов,

предупреждение и развенчание идеологии различных международных террористических организаций.

Специалисты центра осуществляют подготовку административно-управленческих и экспертных кадров для мусульманских религиозных организаций и органов государственного управления по работе с религиозными объединениями, организуют проведение курсов повышения квалификации имамов, преподавателей религиозных и светских учебных заведений, сотрудников муниципальных и правоохранительных органов, а также представителей масс-медиа республики.

Среди успешно зарекомендовавших себя проектов, реализуемых Ресурсным центром в сфере профилактики религиозного экстремизма, следует отметить такие курсы повышения квалификации, как: «Подготовка имамов для работы с лицами, отбывшими наказание за преступления террористического характера, в направлении их адаптации и реабилитации», «Контраргументация доводам и идеологии сторонников деструктивных религиозных течений и сект», «Адаптация и ресоциализация лиц, осужденных за участие в деятельности международных террористических организаций и отбывших наказание в исправительных учреждениях ФСИН РФ», «Противодействие вербовке в экстремистские организации», «Повышение эффективности коммуникативных навыков в сети Интернет», «Исламоведение для сотрудников ФСИН России», «Религиозные течения и секты в исламе».

Целевой аудиторией данных курсов, прежде всего, являются сотрудники и руководители местных и централизованных религиозных организаций, в том числе имамы, работающие в местах лишения свободы, преподаватели и студенты религиозных учебных заведений, активная мусульманская молодежь светских ВУЗов Казани, представители органов государственной власти и управления, работники муниципальных органов, а также специалисты межведомственных рабочих групп по профилактике экстремизма и терроризма.

В качестве лекторов и преподавателей центр привлекает высококвалифицированных специалистов из различных сфер, в том числе это исламоведы, религиоведы, психологи, конфликтологи, социологи, видные представители мусульманского духовенства, руководители структурных подразделений органов государственной власти и управления, работающие в сфере профилактики экстремизма и терроризма.

В 2017 году реализован совершенно новый проект - серия семинаров «Теоретические и практические проблемы вывода людей из деструктивных религиозных культов». В рамках данного мероприятия проходила работа с лицами, принявшими бесповоротное решение выйти из различных экстремистских и террористических организаций и нуждающимися в соответствующей помощи, а также с их близкими родственниками. Курс был организован в форме групповой работы с психологом и в ходе указанного мероприятия участникам разъяснялись механизмы психологического насилия, используемые в религиозных сектах и МТО, последствия подобного насилия, рассмотрены механизмы самопомощи, проведена серия супервизий с каждым участником в направлении их адаптации к новым жизненным обстоятельствам.

Но одним из самых приоритетных направлений деятельности Ресурсного центра в 2017 году по линии профилактики экстремизма стал запуск работы Информационно-консультационного центра «Диалог» (сокращенно – ИКЦ «Диалог»), который был создан с целью активизации реабилитационной работы с лицами, отбывшими наказание за преступления экстремистского и террористического характера и осознавшими ошибочность прежних взглядов.

Подготовка к реализации данного проекта была начата во второй половине 2016 года, в рамках исполнения утвержденного Президентом России В.В.Путиным «Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013-2018 годы». Эта работа велась в

тесном взаимодействии с Аппаратом Антитеррористической комиссии в Республике Татарстан.

В течение подготовительной работы были проведены совещания с экспертами из области профилактики и противодействия межрелигиозному и межнациональному экстремизму, специалистами в сфере реабилитации и адаптации бывших осужденных, психологами-практиками, имеющими опыт работы с соответствующей категорией лиц, осуществлялись неоднократные встречи с бывшими членами различных террористических и экстремистских организаций, некоторых из которых удалось привлечь к работе ИКЦ. Итогом данной работы была подготовка предварительной программы деятельности центра, обозначения основных его целей и задач, а также набор основного ядра команды.

Свою работу ИКЦ «Диалог» плотно координирует со следующими структурами: Аппарат Президента РТ, Аппарат Антитеррористической комиссии в РТ, Управление ФСБ РФ по РТ, Управление ФСИН РФ по РТ, Центр по противодействию экстремизму МВД по РТ, АНО «Казанский межрегиональный центр экспертиз», АНО «Центр реабилитации и адаптации бывших осужденных», Центр исламоведческих исследований Академии наук РТ.

У ИКЦ «Диалог» имеются следующие направления деятельности:

- индивидуальное психологическое консультирование бывших и действующих членов различных деструктивных религиозных культов, а также их близких родственников, направленное на вывод их изпод влияния разрушительной идеологии и гармоничное включение в жизнь общества;
- юридическая консультация, индивидуальные беседы по вопросам исламского богословия и научного исламоведения;
- работа по профилактике религиозного экстремизма в социальных сетях (публикация постов, разработка и демонстрация видеороликов);
- адаптационная работа с семьями осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности;

- профилактическая работа среди студентов и школьников (тематические выступления, лекции-беседы);

- разработка, рецензирование и издание специализированной литературы, съемка видеосюжетов;

- подготовка специалистов по данной проблематике.

Разработку и осуществление стратегических задач ИКЦ курирует профессор, доктор философских наук, член Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ Саввин Александр Викторович, психологическое направление сопровождает психолог-эксперт, член рабочей группы по борьбе с псевдорелигиозным экстремизмом Координационного совета по противодействию терроризму Общественной палаты РФ Яковлева Светлана Владимировна, богословское направление возглавляет – проректор Булгарской исламской академии Шагавиев Дамир хазрат, в вопросах взаимодействия ИКЦ с органами государственной власти и управления консультирует руководитель Аппарата АТК в РТ Галиев Ильдар Шамильевич.

Между тем, одна из основных ролей в работе Центра предоставлена бывшим членам запрещенных на территории РФ международных террористических и экстремистских организаций «Хизб-ут Тахрир аль-Ислами» (МТО «ХТ»), «Джамаат Таблиги», которые прошли специализированные курсы по реабилитации и адаптации с участием высококвалифицированных психологов, а также дополнительную переподготовку и повышение квалификации на базе Ресурсного центра. Указанные лица сами в первую очередь замотивированы на устранение ущерба, который они нанесли ранее своими действиями. Их силами готовятся и размещаются публикации и статьи в соцсетях, которые развенчивают деструктивную деятельность и идеологию террористических и экстремистских организаций, ведутся адресные анонимные беседы с действующими членами МТО, сомневающимися в идеологии данных сект и

планирующими выйти из их состава, осуществляется переубеждение мусульман, сочувствующих той или иной экстремистской группе, оказывается содействие родственникам в создании условий, способствующих выходу их близких из под влияния экстремистских религиозных идеологий. При этом, надо отметить, что работа с действующими и бывшими участниками различных экстремистских и террористических организаций ведется на последственном этапе (с условием обеспечения анонимности обращения лица в ИКЦ), этапе следствия или предварительного заключения, а также в период исполнения наказания в системе ФСИН России.

Индивидуальная консультация, которая проводится с действующими членами МТО «ХТ» и их близкими родственниками имеет следующую примерную структуру, включающую такие темы, как:

- доведение основных канонических аргументов официальной мусульманской доктрины, которые направлены против идеологии и призывов МТО «Хизбут Тахрир аль-Ислами»;

- обсуждение наиболее важных противоречий идеологии, а также форм и методов работы МТО «Хизбут Тахрир аль-Ислами» с подлинными постулатами и ценностями ислама;

- обсуждение темы подчинения амиру (руководителю) в интерпретации адептов МТО «Хизбут Тахрир аль-Ислами» и классической шариатской трактовкой этого положения, а также рассмотрение темы халифата;

- разъяснение форм и методов манипулятивного воздействия членов международных террористических и экстремистских организаций;

- обсуждение дозволенности противостоять сектантам, даже если последние считают себя мусульманами;

- обсуждение вопросов связанных с этичностью дачи показаний в отношении мусульман, находящихся в заблуждении (участвующих в деятельности секты);

- обсуждение дальнейших перспектив респондента (после отказа от участия в МТО «Хизбут Тахрир аль-Ислами»);

- проговор по отдельным вопросам исламского вероубеждения, обсуждение некоторых сомнений относительно правильности убеждений респондента.

Схема и содержание беседы может меняться в зависимости от различных условий, в том числе от запроса собеседника, степени его вовлеченности в деятельность МТО, наличии или отсутствии у него сомнений в идеологии МТО и многих других.

Необходимо указать, что такая деятельность носит долгосрочный характер. Ключевым фактором в ней играют не только доктринальные контрубеждающие доводы, а также и перелом навязываемых долгие годы представлений о враждебности окружающего мира. Собственно, данные представления – это одна из основ радикального мировоззрения. Любая экстремистская доктрина постулирует о враждебности окружающего мира, невозможности выстраивания каких-либо партнерских отношений. И действия, которые ломают этот шаблон и позволяют увидеть в сотрудниках государственных органов нормальных, живых людей, которые могут сочувствовать, переживать, оказывать поддержку и сами нуждаться в ней, влияет очень сильно.

Здесь конечно необходимо отметить помощь бывшего руководителя МТО «ХТ» по РТ Хасанова Алмаза Дамировича, бывшую активную участницу женской группы МТО «ХТ» Хасанову Фариду Халимовну и одного из бывших активистов, ныне признанной экстремистской, организации «Джамаат Таблиги» - Шарыпова Закира Ахтамовича.

Надо отметить, что ни для кого не секрет, что на протяжении последних 15 лет в Республике Татарстан активно действует МТО «ХТ». С каждым годом ряды ее членов пополняются большим количеством молодых мусульман, как мужчин, так и женщин. Ежегодно правоохранительными органами республики осуществляются аресты нескольких десятков сторонников данной террористической организации. А учитывая то, что в настоящее время наказание за участие в деятельности МТО «ХТ» серьезно

ужесточилось, мы говорим о многих десятках искалеченных судеб, разрушенных семей и большом количестве психологически-травмированных детей, оставшихся без отцов.

Именно в работе с данной категорией лиц центру оказывают колоссальную помощь упомянутые выше молодые люди, которые осознали ошибочность прежних взглядов и стараются сейчас поменять данную ситуацию. Так, например, Хасанов Алмаз разработал специальную программу по выводу людей из под влияния МТО «ХТ», которая прошла все необходимые рецензии, экспертизу и с успехом применяется на практике.

Через возможности Хасановой Фариды удалось начать психологическую консультационную работу с женами осужденных членов МТО «ХТ», как индивидуально, так и, в дальнейшем, в рамках группы. Стоит отметить то, что они и сами являлись членами данной организации, либо сочувствовали их взглядам. В ходе этой работы многие девушки не только задумались о возможной ошибочности своих убеждений, но некоторые в корне изменили свои взгляды, а затем начали доводить данные идеи до своих мужей, находящихся в местах лишения свободы.

В сентябре 2017 г. на ГТРК «Россия-24» вышел видеосюжет с участием Хасановой Фариды, в котором она подробно повествует о деструктивной и ложной сути деятельности МТО «ХТ».

На сегодняшний день в результате такой работы из-под влияния «Хизб-ут-Тахрир» выведены 17 человек, из которых 6 склонены к явке с повинной, 11 сотрудничают со следствием. Анализ имеющихся сведений позволяет рассчитывать на значительный отток ее членов в дальнейшем.

Здесь же хочу отметить, что вовлечение бывших адептов МТО в работу ИКЦ «Диалог» способствует и их скорейшей реабилитации, а также удерживает их от рецидива, ведь многие из них имеют очень активную жизненную позицию и не могут оставаться в стороне от имеющихся социальных проблем нашего общества.

Аналогичная работа ведется Шарыповым Закиром с членами экстремистской организации «Джамаат Таблиги», как в личных беседах, так и по социальным сетям. В этом году был записан ряд видеороликов с его участием, посвященных обличению отдельных взглядов и установок данной организации.

Освещая результаты работы ИКЦ «Диалог» за 2017 год, необходимо отметить следующие мероприятия:

- более 40 индивидуальных консультаций с членами международных террористических и экстремистских организация в деле склонения их к отказу от участия в преступной деятельности, а также их близкими родственниками, в том числе 2 встречи с одним из действующих лидеров МТО «ХТ» г.Казани и 5 встреч в условиях СИЗО;

- 2 консультационные встречи с родителями лиц, подозреваемых в деятельности в интересах МТО;

- 3 встречи с имамами-мухтасибами районов РТ по вопросам взаимодействия со сторонниками различных нетрадиционных мусульманских течений;

- 4 выездных семинара в районных центрах РТ на базе соборных мечетей и медресе по следующим темам: «Умеренность в исламе», «Ошибочность идеологии запрещенной на территории РФ МТО «Хизб-утТахрир аль-Ислами», «Ошибочность идеологии запрещенной на территории РФ МТО «Джамаат Таблиги», «Ошибочность идеологии запрещенной на территории РФ МТО «Ат-такфируаль-хиджра».

Также разработано 9 учебно-методических пособий, среди которых «Заблуждение партии «Хизб-утТахрир аль-Ислами» «Мусульманский правитель», «О шахаде и шахидах», «Разница в понимании джихада» и др.

Это очень краткий обзор перечня мероприятий Ресурсного центра по развитию исламского и исламоведческого образования, направленных на профилактику религиозного экстремизма.

ПРОФИЛАКТИКА МОЛОДЁЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА ПРОЕКТНЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Экстремизм в молодёжной среде представляет собой серьёзную социально-культурную проблему, стоящую на сегодняшний день перед обществом и требующую целого комплекса действий различных институтов (общественных, государственно-политических, юридических, социальных и других), включающего в себя анализ условий возникновения различных проявлений экстремизма, поиск путей профилактики негативных явлений, вовлечение молодёжи в социально-одобряемую деятельность. Учитывая, что молодёжный экстремизм – явление далеко не однозначное, сформировавшееся не одномоментно, а имеющее глубокие исторические и социально-культурные корни, обусловленное определенным сочетанием объективных и субъективных факторов и обстоятельств, то и профилактика его проявлений должна носить комплексный перманентный характер, быть одной из главнейших направлений деятельности как государства, так и общественно-политических и социальных институтов. И если перед правоохранительными структурами стоит задача пресечения различных экстремистских проявлений вплоть до применения мер уголовной ответственности, то задача социально-культурных институтов заключается, в первую очередь, в ранней профилактике на уровне формирования сознания, социально-ответственного поведения, приобщения к социально-одобряемым формам проведения досуга. Противодействие экстремизму в молодёжной среде необходимо свести к нахождению и устранению порождающих ее причин, так как, по нашему мнению, одними административно-уголовными мерами невозможно обеспечить результативность данной деятельности. И

---

¹ Сингач А.Н. Профилактика молодёжного экстремизма проектными технологиями социально-культурной деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53). С. 170-174.

чем раньше будет организована такая работа, чем более комплексно и систематически она будет осуществляться, тем более перспективным и гарантированным будет ее результат. Так, А. В. Кузмин видит одним из факторов профилактической работы социально-культурное взаимодействие, которое ориентировано на формирование в подростково-молодёжной среде социально-одобряемых норм. При этом исследователь подчёркивает особую роль молодёжных группировок и сообществ экстремистской направленности не только как субъектов социального действия, но и как среды формирования личности и сознания [1, с. 97].

Особенностями профилактики экстремизма средствами социально-культурной деятельности являются многообразие используемых способов воздействия, продолжительность и разноуровневость воздействия; преобладание превентивных мер, т. е. выявление и устранение причин возникновения проявлений экстремизма у молодёжи, наполнение свободного времени молодых людей альтернативными формами досуга, носящими социально-одобряемый характер, дающими возможность личностного роста, формирования ценностных ориентаций, привития навыков социальной коммуникации.

Этимологически сам термин «профилактика» (др.- греч. prophylaktikos – предохранительный) схож с термином предупреждение и определяется в современных словарях как комплекс различного рода мероприятий, направленных на предупреждение какого-либо явления и/или устранение факторов риска. С точки зрения социальной работы профилактика понимается как деятельность, направленная на решение какой-либо социальной проблемы. Таким образом, под профилактикой молодёжного экстремизма следует понимать комплекс мер по предупреждению общественно опасной противоправной деятельности среди молодёжи, попирающей законы демократии, права и свободы личности и гражданина.

Поле профилактической деятельности в рамках нашего исследования является досуговая сфера. Исходя из задач нашего исследования,

важнейшими принципами организации профилактики экстремизма в молодёжной среде определены следующие принципы педагогики досуга: гуманизации, деятельности, личностно-ориентированного подхода, сознательности и активности, культуросообразности, свободы выбора досуговых занятий, развития инициативы и самостоятельности, интереса, единства рекреации и познания [2, с. 15]. Теоретическим обоснованием выбора обозначенных принципов деятельности служат положения, обозначенные в трудах ведущих ученых в области социально-культурной деятельности – В.Г. Мосалев, А.В. Соколова, Э.В. Соколова, А.Ю. Стрельцова, Г.В. Олениной и др. Так, по мнению Г.В. Олениной, досуг включает в себя как рекреационную, так и личностно-развивающую функцию [3], Э.В. Соколов определяет досуг как двуединство свободной и самооценной деятельности, где процесс занятий привлекательнее его результата [4], Б.Г. Мосалев рассматривает досуг и свободное время в качестве равноправных видовых разновидностей, имеющих свои структурные элементы деятельности [5].

Важность досугового времени в становлении личности молодого человека подчеркивает Р.Н. Азарова: «Организация досуга как индивидуально выбираемой сферы становится более субъективной, направленной на развитие скрытых нереализованных потребностей молодёжи, утверждение их статусной роли в современном обществе. Индивидуальный выбор может происходить в рамках профессии, семейной жизни и т.д. Но он может иметь и асоциальную направленность, вести к разрушению личности, усиливая маргинализацию как собственной, так и общественной жизни [6, с. 29].

Исходя из этого положения и в соответствии с обозначенными принципами, нами определены основные направления профилактики молодёжного экстремизма средствами проектных технологий социально-культурной деятельности:

– духовно-нравственное развитие молодёжи;

- формирование ценностного отношения к социально одобряемым формам проведения досуга, здоровому образу жизни;
- развитие добровольческой инициативы.

По мнению Ю.Д. Красильникова, «дезадаптация личности, вследствие которой увеличивается риск возникновения «саморазрушающихся» форм поведения человека, затрагивает не только его психологическую, но и духовную, культурную сферы» [7, с. 13]. В связи с этим духовно-нравственное развитие молодёжи следует считать важнейшим средством профилактики девиантного поведения в молодёжной среде.

Суть духовно-нравственного развития, исходя из определения, данного в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, представляет собой осуществляемое в процессе социализации последовательное расширение и укрепление ценностно-смысловой сферы личности, формирование способности человека оценивать и сознательно выстраивать на основе традиционных моральных норм и нравственных идеалов отношение к себе, другим людям, обществу, государству, Отечеству, миру в целом [8]. Духовно-нравственное развитие молодёжи предполагает преодоление аксиологического диссонанса, формирование ценностно-смысловых ориентиров, развитие эмоционально-образной сферы, последовательное расширение культурно-исторического кругозора, укрепление моральных норм и нравственных установок, воспитание уважения и толерантного отношения к культурным и другим особенностям среди представителей различных национальностей, проживающих в стране, корректного и конструктивного социального поведения, привитие навыков выбора жизненных ориентиров.

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев тесно связывают духовность с нравственностью, понимая под духовностью нравственный строй личности, способность руководствоваться в своем поведении высшими ценностями социальной, общественной жизни, следование идеалам истины, добра и красоты. «Человек духовен в той мере, в какой он действует согласно

высшим нравственным ценностям человеческого сообщества, способен поступать в соответствии с ними. Нравственность есть одно из измерений духовности человека» [9, с. 113-114].

Важнейшими направлениями духовно-нравственного развития мы считаем культурно-историческое (знакомство с наиболее репрезентативными и отечественной истории и культуры), нравственно-этическое (формирование чувства ответственности, гуманности, высокой культуры поведения, стремления к сохранению общечеловеческих ценностей, выработка нравственных убеждений и привычек, и т. д.), этнокультурное (воспитание высокой культуры межнациональных отношений на основе приобщения к национально-культурным традициям народов, населяющих Россию.).

Как отмечает А.В. Суловицкая, отрицательные проявления в области молодёжного досуга во многом определены его неорганизованностью, то возникает острая потребность определения способов регулирования досуговой сферы молодёжи [10]. В связи с этим формирование ценностного отношения к социально-одобряемым формам проведения досуга, здоровому образу жизни было выделено как одно из средств профилактики экстремизма среди молодёжи, привития культуры досуга, под которой, вслед за Н.В. Котельниковой мы понимаем качественную характеристику человеческой деятельности в свободное время во всем многообразии ее видов, форм, способов и результатов; набор ценностных ориентации и форм поведения, а также готовность к участию в социально значимых видах досуговой деятельности, способствующих самореализации творческого потенциала личности [11].

Основу этого направления составляет структурирование свободного времени молодёжи в опоре на многообразие форм и видов досуговой занятости и с учетом потребностей молодёжи: формирование интереса к занятиям творческой деятельностью, активным формам отдыха, занятиям спортом, организация общественно-полезной деятельности и др. Учитывая особенности молодёжи как социально-демографической группы,

обладающей высокой мобильностью, жизненной энергией, важнейшей задачей организации досугового времени молодёжи мы видим вовлечение ее в различные виды и формы досуговой активности, в том числе в творческую деятельность, предполагающую активное включение молодёжи в работу творческих коллективов, участие в различных интеллектуальных конкурсах, фестивалях, концертных мероприятиях, акциях; в спортивно-оздоровительную деятельность, способствующую «внутренней самоорганизации и накопления качественного здоровьесберегающего потенциала для активной жизни в современных условиях» [6, с. 29].

Следующим важнейшим направлением в профилактике молодёжного экстремизма мы видим развитие добровольческой инициативы. Во Всеобщей Декларации Добровольчества, принятой на XVI Всемирной Конференции Международной Ассоциации Добровольческих Усилий – IAVE (Амстердам, январь, 2001 г.) добровольчество определено как фундамент гражданского общества, воплощающий в жизнь устремления человечества к достижению мира, свободы, безопасности, справедливости и реализации возможностей для всех людей. В документе подчеркивается роль добровольчества в поддержании и усилении человеческих ценностей, служении людям, реализации права и ответственности членов общества, познании нового, раскрытии личностного потенциала, установлении между членами общества связей, позволяющих независимо от различий жить в здоровых, устойчивых сообществах, работать вместе над созданием инновационных решений, общих проблем народов Земли [12].

Развитие добровольческой инициативы, вслед за Р.Х. Калимуллиным, мы считаем решающим условием совершенствования у молодёжи внутреннего духовного потенциала, способствующего развитию доброты, милосердия, нравственности, морали, толерантности [13]. Важную роль в развитии добровольческих инициатив играет волонтерство – широкое поле деятельности, осуществляемой сознательно на добровольной основе (от лат. *voluntarius* – добровольно), предполагающее традиционные формы

взаимопомощи и самопомощи, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия в интересах общества, не имеющие коммерческой выгоды. Ю.В. Лужков отмечает, что социальная инициатива является оптимальным способом соотношения процессов социализации (как формы принятия общественных отношений) и ювентизации (форма обновления общества, связанная с включенностью в его жизнь молодёжи) [14, с. 32].

Организация волонтерской работы как форма взаимодействия и способ преобразования социальной действительности, предполагает формирование чувства ответственности, самоуважения, активной гражданской позиции, реализацию стремления к лидерству, развитие творческих способностей, коммуникативных навыков, активного воспроизводства системы общественных отношений, усвоение социального опыта, принятие ценностей различных социальных групп и общества в целом. Участие волонтеров в организации профилактики молодёжного экстремизма позволяет охватить возможно большее количество участников культурно-досуговой деятельности, усилить воспитательных потенциал социально-культурных технологий, поскольку, организовав работу «на равных», на личном примере, позволит повысить степень доверия между участниками социально-культурной деятельности.

Сочетание обозначенных направлений работы позволит молодым участникам культурно-досуговой деятельности наиболее рационально использовать свое свободное время, сформировать позитивный опыт социальных практик.

Критериями эффективности профилактической работы станет уровень сформированности у молодёжи социально-ответственного поведения, стремление к самореализации, адекватность самооценки.

Основными средствами профилактики молодёжного экстремизма мы видим проектные технологии социально-культурной деятельности. В большинстве энциклопедических словарей технология определяется как

совокупность методов, приемов, средств, операций, применяющихся в какой-либо отрасли, промежуточное звено между наукой и практикой. Ведущие ученые с позиций социально-культурной деятельности рассматривают технологии следующим образом. Каждая из технологий, по мнению Ю.Д. Красильникова, «является специально организованным процессом и обеспечивает взаимодействие отдельных лиц и групп в рамках конкретного социально-культурного опыта. В более узком педагогическом смысле эта технология выступает как механизм формирования у ребенка, подростка, взрослого социально значимых качеств, культурных норм и ценностей, передачи опыта социально-культурного поведения и общения» [15, с. 449]. В исследованиях Г.Н. Новиковой социально-культурные технологии представлены как педагогические системы организационно-управленческих действий последовательных и алгоритмических, функционирования личностных, методологических и инструментальных средств, направленных на достижение запланированных результатов [16]. Е.И. Григорьева характеризует социально-культурные технологии как средства, формы и методы социально-культурной деятельности, которые используются в учебном прогрессе, и с помощью которых достигаются планируемые результаты обучения и воспитания [17]. Н.Н. Ярошенко в целом рассматривает социально-культурную деятельность как совокупность педагогических технологий, которые обеспечивают превращение культурных ценностей в регулятив социального взаимодействия, а также технологично определяют социализирующие воспитательные процессы [18]. В ракурсе нашего исследования под социально-культурными технологиями профилактики молодёжного экстремизма мы понимаем направленную на формирование социально-ответственного поведения молодёжи научно-обоснованную и методически выверенную совокупность эффективных методов, принципов и приемов воспитания, образования и рекреации, позволяющую осуществлять эффективное личностное развитие участников социально-культурной деятельности.

Следует отметить, что применение проектных технологий в сфере профилактики молодёжного досуга должно опираться на междисциплинарный подход в анализе социально-культурной ситуации, поиске наиболее эффективных направлений методов, форм реализации проектной деятельности, прогнозировании ее результатов и т.д. Особый интерес для нашего исследования представляют технологии, позволяющие организовать процесс профилактической работы в молодёжной среде воспитания средствами проектного подхода. Результатом реализации социально-культурного проектирования, как процесса, станет конкретный социально-культурный проект, как результат, практическое воплощение проектирования. По определению Л.Е. Судоргиной, проект – «это своеобразный ответ на «социальный заказ» общества, отклик в какой-либо внешней форме на то или иное социальное явление» [19, с. 51]. И.В. Малявкина характеризует социальный проект как «последовательность мероприятий, действий и акций, целью которых является предупреждение, минимизация или разрешение проблем, обусловленных дефицитами социально-культурной интеграции, адаптации, реабилитации, социализма, инкультурации и самореализации личности» [20, с. 249]. Интересным представляется определение О.Н. Белинской, трактующей проектные технологии как педагогически адекватный способ развития социального творчества молодёжи в сфере ее организованного досуга [21].

По мнению О.Ю. Колосовой, проектные технологии, «обладают ярко выраженным общественным характером духовно-нравственного воспитания и применяются с целью реализации различных социальных проектов» [22, с. 35]. Преимуществами таких технологий исследователь видит индивидуализацию процесса духовно-нравственного воспитания за счет концентрации усилий на фиксированных целевых группах, связь воспитания с повседневной жизнедеятельностью участников проекта; возможность включения каждого из них в практическую деятельность по преобразованию своего социального окружения, возможность обеспечить самореализацию

потенциала конкретной личности. Т.Г. Киселева и Ю.Д. Красильников выделяют следующие разновидности проектных технологий: проекты формирования социально-культурной (развлекательной, развивающей, оздоровительной) среды; проекты досуговых программ; проекты создания новых или развития существующих досуговых центров, комплексов, экспозиционных залов, рекреационных зон; проекты малых и совместных предприятий социально-культурной сферы. Особое значение исследователи отводят обусловленности проекта конкретными социально-экономическими, демографическими, культурными особенностями региона, образом жизни и традициями его населения [15, с. 490]. Важными с позиций нашего исследования особенностями социально-культурных проектных технологий исследователи видят следующие:

1) технологии имеют в качестве объекта массу сложных и динамичных по своей природе социальных объектов, процессов и явлений;

2) вариативны, не ограничены системой заранее заданных жестких нормативных, экономических или чисто технических требований;

3) предполагают участие в качестве инициаторов и реализаторов не только специалистов, но и представителей общественности, непрофессионалов, членов самых разных социально-возрастных групп: дети, молодёжь, домохозяйки, студенты, пенсионеры и др. [15, с. 488].

Проектные технологии, учитывая их пролонгированный характер, позволяют обеспечить эффективное воздействие на целевую группу в тех или иных социальных ситуациях, интегрировать усилия различных субъектов социально-культурной деятельности, создать среду для саморазвития молодёжи. Выражая солидарность с мнением Л.Е. Судоргиной, считаем проектную деятельность эффективным способом формирования у молодёжи активной жизненной позиции, интереса к творческому преобразованию действительности, привития социально-значимых ценностей, навыков социального партнерства [19, с. 61].

Учитывая особенность социально-культурных технологий, как сложной системы педагогического влияния на личность, к важнейшим методологическим требованиям, которым должны соответствовать проектные технологии, направленные на профилактику молодёжного экстремизма в условия культурно-досуговой деятельности, следует отнести, согласно положениям, разработанным Г. Селевко в области педагогических технологий, следующие:

- концептуальность, т.е. иметь опору на определенную научную концепцию, включающую философское, психологическое, социологическое и социально-педагогическое обоснование достижения воспитательных целей;

- системность, т.е. обладать всеми признаками системы, а именно логикой процесса, целостностью, взаимосвязью его элементов, к которым относятся цель, принципы, содержание, методы, средства и формы процесса формирования социально-ответственного поведения молодёжи;

- управляемость, под которой подразумевается планирование, организация, стимулирование, текущий контроль, регулирование деятельности и анализ ее результатов;

- эффективность, подразумевающую зависимость от степени соответствия заданной цели и полученного результата при оптимальных затратах;

- воспроизводимость, т. е. возможность применения, повторения, другими субъектами в других однотипных социально-культурных условиях [23].

Таким образом, сущность применения проектных технологий в профилактике молодёжного экстремизма можно представить в виде следующих уровней:

- в разноуровневом педагогическом моделировании культурно-досуговой деятельности молодёжи;

- в диагностике причин возникновения экстремизма, определении потребностей и интересов молодёжи как социально-демографической

группы, поиске оптимальных форм и методов профилактики экстремизма в условиях педагогически целесообразно организованного досуга молодёжи;

– в создании проектного модуля, включающего комплекс проектов, обеспечивающих реализацию основных направлений профилактики молодёжного экстремизма в условиях культурно-досуговой деятельности, учитывающих потребности молодёжи в саморазвитии, социализации, самоидентификации, включающий художественный, педагогический, просветительский, рекреационный и другие компоненты, направленный на воспитание социально-ответственного поведения молодёжи.

Библиографический список

1. Кузьмин А.В. Профилактика экстремизма в молодёжной среде в процессе взаимодействия субъектов социально-культурной деятельности. Социально-культурная деятельность: поиски, проблемы, перспективы: Труды лаборатории социально-культурного проектирования кафедры социально-культурной деятельности МГУКИ. Москва: МГУКИ, 2011: 91-98.

2. Айкина Л.П. Социально-культурные условия развития музыкально-творческих способностей детей младшего школьного возраста. Автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук. Барнаул, 2011.

3. Оленина Г.В. Социально-культурные технологии оптимизации добровольческой деятельности студенческой молодёжи в сфере досуга. Автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук. Барнаул, 2004.

4. Соколов Э.В. Свободное время и культура досуга. Ленинград: Лениздат, 1977.

5. Мосалев Б.Г. Досуг. Методология и методика социологических исследований. Москва: МГУКИ, 1995.

6. Азарова Р.Н. Педагогическая модель организации досуга обучающейся молодёжи. Педагогика. 2005; 1: 27 – 32.

7. Красильников Ю.Д. Формирование нравственного иммунитета личности как проблема и результат проектирования. Социально-культурная деятельность: поиски, проблемы, перспективы: Труды лаборатории социально-культурного проектирования кафедры социально-культурной деятельности МГУКИ. Москва: МГУКИ, 2011: 10 – 23.

8. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Москва: Просвещение, 2009.

9. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Москва: Канон, 1996.

10. Суловицкая А.В. Социальная организация досуга молодёжи. Автореферат диссертации ... кандидата социологических наук. Саранск, 2010.
11. Котельникова Н.В. Инновационные тенденции в сфере молодёжного досуга в современной России. Автореферат диссертации ... кандидата социологических наук. Ставрополь, 2003.
12. Всеобщая Декларация Добровольчества, принятая на XVI Всемирной Конференции Международной Ассоциации Добровольческих Усилий – IAVE. Амстердам, январь, 2001 г. Available at: <http://volonte.ru/2008/12/19/>
13. Калимуллин Р.Х. Духовно-нравственное воспитание молодёжи – путь к развитию толерантности. Фундаментальные исследования. 2013; 11–5: 1035-1039.
14. Лужков Ю.В. Добровольческие инициативы студентов как средство формирования корпоративной культуры вуза. Педагогическое образование и наука. 2010; 3: 30 – 34.
15. Киселева Т.Г., Красильников Ю.Д. Социально-культурная деятельность. Москва: МГУКИ, 2004.
16. Новикова Г.Н. Технологические основы социально-культурной деятельности. Москва: МГУКИ, 2004.
17. Григорьева Е.И. Сущность социально-культурных технологий. Современные технологии социально-культурной деятельности. Тамбов, 2004: 33–38.
18. Ярошенко Н.Н. Социально-культурная деятельность в контексте формирования новых качеств социального взаимодействия. Вестник Московского университета культуры и искусства. Москва. 2001; Выпуск 23: 39-47.
19. Судоргина Л.Е. Развитие межкультурного взаимодействия студенческой молодёжи средствами проектных технологий социально-культурной деятельности. Диссертация ... кандидата педагогических наук. Орёл, 2014.
20. Малявкина И.В. PR-технология как средство продвижения социально-культурного проекта Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013; Выпуск 195: 248 – 251.
21. Белинская О.Н. Развитие социального творчества студенческой молодёжи в сфере досуга на основе проектных технологий. Автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук. Тамбов, 2009.
22. Колосова О.Ю. Использование социально-педагогических технологий в духовно-нравственном воспитании и развитии личности. Фундаментальные исследования. 2011; 8: 32 – 35.
23. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. Москва: Народное образование, 1998.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА, ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ¹

С начала 90-х годов минувшего столетия в России наблюдается заметное возрастание роли ислама. Его влияние на общество и государство усиливается и идет по нескольким направлениям, принося неодинаковые и противоречивые результаты. В частности, в духовно-культурной сфере итоги «пробуждения» ислама в нашей стране пока остаются скромными. Здесь ислам еще не раскрыл своих возможностей, не стал органической частью нравственно-интеллектуального обновления России, не играет заметной роли в формировании культурного и идейного потенциала российского общества.

В этой области процесс восстановления традиций и их соединения с достижениями современной исламской мысли идет крайне медленно. Более того, активная издательская и просветительская деятельность часто не только не ведет к распространению объективных глубоких знаний об исламе, но и дискредитирует его. В результате ислам как система духовно-нравственных ценностей и важная часть мировой интеллектуальной культуры до сих пор не является достижением российского общества.

Противоречивые результаты «пробуждения» ислама объясняются многими причинами и не в последнюю очередь спецификой осмысления мусульманскими лидерами и центрами форм и целей своего участия в культурно-духовной жизни России. Подробный анализ этой проблемы – предмет самостоятельного исследования. В данной работе достаточно констатировать, что идейные установки российского ислама при всем их разнообразии отличаются одной общей чертой – слабой разработанностью именно исламских основ его участия в культурной и духовной жизни страны, отсутствием четкой программы действий, которая была бы нацелена на

---

¹ Сюкияйнен Л.Р. Мусульманская правовая культура, духовный потенциал и национальная безопасность России // Вестник Евразии. 2007. № 3. С. 22-30.

включение нравственно-культурного потенциала ислама в российское духовное пространство. Это относится как к тесно сотрудничающим с властями мусульманским деятелям и структурам, так и к тем лидерам и движениям, которые противопоставляют себя государству.

В частности, официальные Духовные управления мусульман, как правило, ограничиваются провозглашением необходимости учитывать достижения исламской цивилизации и потенциала традиционного российского ислама при формировании нового духовного пространства нашей страны. Но одних, пусть и правильных, деклараций недостаточно для исламского обоснования позиции российского ислама по отношению к духовно-нравственному обновлению России. В итоге участие официальных мусульманских лидеров в этом процессе пока не привело к заметному обогащению российской духовной жизни исламскими ценностями и реализации нравственно-культурных достижений ислама путем конструктивного взаимодействия со светским государством.

Правда, в последнее время некоторые Духовные управления мусульман предпринимают попытки сформулировать свою позицию по этим вопросам. Однако ее конкретное содержание не раскрывается, что лишний раз подтверждает недостаточную разработку официальными мусульманскими структурами собственно исламских основ своего участия в формировании духовного пространства России.

Вместе с тем следует отметить, что установки тех, кого у нас принято называть исламскими экстремистами, фундаменталистами, салафитами, «ваххабитами», насквозь пронизаны исламской аргументацией и, по сути, представляют собой достаточно детальные программы практического претворения исламских норм и принципов, как правило, насильственным путем.

В отличие от них, лояльные властям мусульманские центры по разным причинам пока не предложили своей развернутой, убедительной и ориентирующей на исламские критерии позиции по актуальным

общественно-политическим проблемам. В итоге позитивный созидательный потенциал ислама в культурной, нравственно-духовной, образовательной областях да и в политической жизни страны реализуется пока слабо и не оказывает достаточного влияния на процесс общественного развития и формирование духовного пространства современной России.

Проблема осложняется тем, что в духовно-культурной области, как представляется, государство не определило своей четкой позиции, ограничиваясь общими заявлениями о признании ислама в качестве носителя позитивных нравственных гуманных ценностей. Официальные структуры в сфере образования и культуры в целом пассивны в практической реализации этих абстрактных призывов. Более того, они очень настороженно воспринимают любые инициативы, связанные с исламским просвещением, а часто их просто отвергают.

Конечно, вывод об отсутствии у российского государства определенной линии по отношению к исламу в духовно-нравственных, интеллектуально-культурных вопросах был бы излишне категоричным. Но если такая позиция и прослеживается, то не отличается четкостью, последовательностью и ориентацией на выверенные стратегические критерии. В ней преобладает узкий взгляд на ислам как на идеологию, политическую силу и практику, угрожающие стабильности, целостности и конституционным основам власти. Если для мусульман и их духовных центров толерантность, высокая духовность, нравственность, гуманизм ислама являются аксиомой, которую они зачастую не считают нужным доказывать и подтверждать реальными делами, то для большей части российского общества и власти аксиомой считается противоположное — агрессивность ислама, его ограниченность, фанатизм и внутренне присущий ему радикализм. Иными словами, одни исходят из презумпции не виновности ислама, а другие — из презумпции его виновности.

Очевидно, что в решении исламского вопроса в России не все зависит от государства. Но оно может сделать многое (прежде всего — в собственных

интересах) при условии разработки и проведении продуманной принципиальной политики в отношении ислама, которая должна быть не уделом одних силовых структур, а находиться в центре внимания всех уровней российской власти – как центральной, так и региональной.

Пока такой политики, как представляется, нет. Взамен ее в последнее время некоторые религиозные лидеры и политические деятели предлагают провозгласить государственный курс на поддержку так называемого традиционного ислама, который на Северном Кавказе представлен тарикатизмом, основанном на суфийской практике, а в Татарстане джадидизмом. Именно эти варианты ислама называют альтернативой идейным позициям исламских экстремистов и панацеей от «ваххабизма».

На наш взгляд, оба отмеченных варианта традиционного для России ислама могут приниматься во внимание при определении государственной исламской политики, но в целом их потенциал достаточно ограничен. В частности, как показывает практика, они не в состоянии эффективно соперничать с позициями радикалов не только по политическим, но и по духовно-нравственным вопросам.

Новый этап развития, в который вступила Россия, требует адекватной ему стратегической линии, разработки целостной государственной политики по отношению к исламу. А это нельзя сделать без определения целей указанной политики, общая задача которой – включение позитивного интеллектуального, культурного и духовно-нравственного потенциала ислама в процесс демократических преобразований в России.

В духовно-культурной сфере власть не может ограничиваться подчеркиванием своего уважения к позитивному исламскому наследию. Тезис о большом духовно-нравственном потенциале ислама и его отчетливой социальной направленности, который постоянно звучит из уст мусульманских лидеров и находит отклик у власти, должен быть наполнен реальным содержанием и детально обоснован исламскими аргументами применительно к светскому государству. Конечно, это задача в первую

очередь самих мусульман, их идеологов и центров. Но государственная политика в состоянии стимулировать этот процесс, направить его для удовлетворения потребностей не одних только мусульман, но всего общества. В результате будут созданы благоприятные условия для решения еще одной актуальной проблемы, имеющей без преувеличения политическое значение, – лучшего понимания ислама российским обществом, преодоления настороженности и недоверия ко всему исламскому.

Достижение этой цели, на наш взгляд, невозможно без обращения к потенциалу мусульманско-правовой мысли – как традиционной, так и современной. Ознакомление с ним, в частности, наглядно демонстрирует, с одной стороны, насколько поверхностным является восприятие ислама массовым общественным сознанием в России, а с другой – насколько неграмотным и противоречащим его идеалам может быть использование ислама как средства достижения целей, не имеющих с ним ничего общего.

Например, российское общественное мнение привычно ассоциирует ислам с экстремизмом, фанатизмом, ограниченностью, жестокостью и насилием, а мусульманско-правовая мысль не только особо выделяет такую черту ислама, как умеренность и нацеленность на поиск компромиссов и избежание крайностей, но и приводит тому убедительные доказательства.

Очень часто в общественном сознании ислам оценивается как синоним бескультурья и невежества. Но исследователи хорошо знают, что ислам традиционно поощряет знание: одна из исламских мудростей гласит, что даже малая толика знания предпочтительнее самой неистовой, но не основанной на знании набожности. Известно также, что ислам не признает социальных различий, но проводит принципиальную грань между не обладающими знаниями и теми, кто к ним приобщен, высоко чтя последних и признавая за ними особые права и привилегии, в том числе и в управлении государством.

Кроме того, ислам у нас обычно ассоциируется с ограниченностью, жесткой определенностью, со слепым следованием однозначным уходящим

своими корнями в прошлые решения. Да и в деятельности ряда исламских организаций и движений, а также их лидеров преобладает слепое отстаивание подходов, годившихся для средневековья, но игнорирующих требования постоянно изменяющегося мира. Между тем мусульманско-правовая наука вообще не могла бы существовать без иджихада – творческого рационального начала, предполагающего возможность выбора, самостоятельного решения, отвергающего слепую зависимость от чужого мнения, не только допускающего разнообразие подходов, но и поощряющего многовариантность школ и направлений.

Стало привычным упрекать ислам в консерватизме, приверженности прошлому, стремлении вернуться в средневековье. Однако даже беглого знакомства с исламским идейным наследием и опытом современных мусульманских стран достаточно для понимания того, что мусульманское право способно динамично развиваться, поспевая за ходом истории, вписываясь в различные национальные, политические и социальные рамки.

Одновременно знания мусульманско-правовой культуры помогают разобраться в идейных истоках так называемого исламского терроризма, нетерпимости, насилия и неуступчивости, которые не только угрожают социальной, национальной, конфессиональной и политической стабильности, но и наносят вред престижу самого ислама.

Одной из самых важных сторон борьбы с исламским экстремизмом и терроризмом является идейно-теоретический аспект. Ведь прочность позиций исламского экстремизма и терроризма заключается не только в нерешенности политических, социально-экономических, национальных проблем, но и в его идейной базе, ориентирующей на исламские концепции. Причем если по другим направлениям противодействия исламскому экстремизму (военному, финансовому, организационному, информационному) уже предприняты достаточно эффективные меры, в том числе при опоре на широкое международное сотрудничество, то идейно-теоретическая сторона явления пока остается вне внимания российских

властей – как на уровне ее общего осмысления, так и в плане принятия практических шагов. В итоге сегодня исламские концепции стоят на вооружении не у российского государства, а у сепаратистов, экстремистов и террористов.

Между тем без включения позитивного потенциала мусульманской политической и правовой культуры в арсенал государственных средств борьбы с терроризмом окончательно подорвать влияние исламских радикалов невозможно. Дело в том, что исламские политические концепции порой используются как для определения отдельных целей и ближайших мишеней терактов, оправдания используемых при их совершении средств, так и ради мобилизации отрядов экстремистов, привлечения на их сторону новых союзников из числа мусульман.

Возникает принципиальный вопрос: действительно ли в идейном багаже ислама можно обнаружить оправдание терроризма? Ответ зависит от того, кто и в каких целях берется за толкование этого арсенала. На протяжении веков исламская политическая и правовая мысль накопила огромный набор внешне противоречивых идей и представлений по всем ключевым вопросам, имеющим прямое отношение к современному терроризму. Они, в частности, касаются трактовки основ власти и права, взаимосвязей государства и индивида, статуса иноверцев и отношений с немусульманскими странами, понятия допустимых методов политической борьбы.

К этому надо добавить, что немногочисленные имеющиеся в Коране и сунне правила ведения войны или отношения к иноверцам сложились в начальный период становления ислама как религии и государства, его острого соперничества с политическими и идейными противниками. В результате многие из этих предписаний отражают реалии, оставшиеся в далеком прошлом, но не могут игнорироваться современной исламской мыслью. Некоторые из них, чаще всего вырванные из исторического контекста своего формирования, в наши дни нередко используются для

оправдания политического экстремизма и терроризма, нетерпимости и жестокости.

Заметное место в политической и правовой мысли ислама занимают противоположные указанным конкретным правилам начала: умеренность, поиск компромиссов, лояльность властям, постепенность, избежание крайностей и риска, необременение человека, непричинение вреда и др. Этим отвергающим радикализм ценностям, большинство из которых не привязано к конкретным историческим ситуациям и носит универсальный характер, в исламском учении можно найти не менее, а, скорее, даже более убедительное обоснование, нежели экстремистским взглядам. Поэтому тезис об «эндогенном радикализме» ислама (А.А.Игнатенко) должен быть обязательно дополнен указанием на присущие исламу умеренность, терпимость и способность к позитивному взаимодействию с другими культурами.

Наконец, без обращения к мусульманской политической и правовой культуре трудно добиться культурного, цивилизованного и достойного самого ислама влияния последнего на политику. К сожалению, говорить о вкладе ислама в наполнение российской политической жизни нравственно-духовными ценностями, началами умеренности, взвешенности и терпимости пока не приходится. Между прочим, исламская мысль и опыт ряда мусульманских стран дают позитивные примеры использования достижений исламской культуры для ответа на самые актуальные вопросы современного мира.

В современной политической и правовой исламской мысли имеется немало течений, среди которых еще недавно выделялись три основных. Одно из них, **традиционное**, обосновывает консервацию нынешнего состояния мусульманского общества. Другое, **фундаменталистское**, отстаивает необходимость радикального преобразования всех общественных и властных структур в соответствии с буквально понимаемым шариатом. Наконец,

модернистский подход использует внешне исламскую интерпретацию для оправдания либеральных реформ по западному образцу.

На этом фоне до последнего времени явно терялось еще одно, возможно, самое востребованное – течение в исламском осмыслении нынешнего мира. Речь идет об обращении к внутреннему потенциалу самого ислама, подходе к современным реалиям с позиций не узко трактуемых конкретных, мелочных предписаний традиционного шариата, а его краеугольных основ, ценностей и общих принципов.

Сейчас ситуация заметно меняется. Отмеченное направление исламской мысли начинает восприниматься как наиболее перспективное для обоснования стратегии современного ислама и мусульманского мира в целом. Главное в том, что оно кладется в основу официальной политики ряда стран по отношению к исламу, становится ключевым в разработке ими своего рода национальной исламской идеи, включая ее концептуальные основы, ориентиры и механизм проведения в жизнь.

Особенно энергично в этом направлении работают государственные структуры Кувейта. Министерство вакфов и исламских дел этой страны разработало целую концепцию «Усредненность – образ жизни», основу которой составляет отмеченное выше понимание шариата. Согласно такому подходу, усредненность (срединность) понимается как взвешенность, умеренность, равноудаленность от любых крайностей – например, уход как от приземленного прагматизма, так и от оторванного от реальности идеализма, неприятие как слепого отстаивания давно устаревшего, так и стремления к постоянным переменам.

Усредненность позволяет воспринимать шариат не как застывшую форму и свод давно известных и непоколебимых частных предписаний, сковывающих человека, а как ориентирующий на определенные ценности путь решения проблем, который в несовпадающих социальных, культурных и политических условиях применяется по разному в рамках общих целей и принципов.

Такой подход предполагает особую ответственность государства за использование исламских политических и правовых ценностей для укрепления национального единства, недопущения сепаратизма, радикализма и раскола внутри мусульманской общины, координации и сближения позиций различных центров исламского знания и мусульманских мыслителей по актуальным вопросам общенационального значения.

Одновременно концепция усредненности как образа жизни подтверждает традиционную для исламской мысли свободу иджтихада и приемлемость расхождений во мнениях в общих рамках исламских ценностей, а также знаменитый принцип исламской юриспруденции (фикха), допускающий изменение конкретных мусульманско-правовых правил вслед за изменениями времени, условий и обстоятельств. Причем данный принцип увязывается с необходимостью бережного отношения к обычаям и традициям мусульман.

На наш взгляд, целый ряд положений указанной концепции отвечает интересам мусульман, составляющих конфессиональное меньшинство в неисламских странах. В частности, ключевые позиции концепции усредненности как стратегического выбора ислама могут быть востребованы и в России, особенно после предоставления ей статуса наблюдателя в Организации Исламская конференция (ОИК). К ним можно, в частности, отнести предлагаемые основы внутриисламского диалога, безусловное уважение всеми исламскими движениями и организациями конституции, особую заботу государства о выработке исламских позиций по принципиальным общенациональным вопросам, в том числе и относительно роли мусульманской политической и правовой культуры в формировании духовного пространства нашей страны.

**ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОРГАНАМИ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ
ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА¹**

Основные направления работы органов местного самоуправления по профилактике терроризма и экстремизма определены Федеральным законом от 23 июня 2016 года №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»; «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года №131-ФЗ в которых к числу вопросов местного значения отнесены вопросы по профилактике терроризма и экстремизма, минимизации и ликвидации последствий проявления терроризма, а также созданию условий для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение и развития языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории поселения, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов.

Вступивший в силу Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» конкретизировал участие органов местного самоуправления в профилактической работе [1]. В соответствии с принятым Законом, органы местного самоуправления в пределах своей компетенции обладают рядом основополагающих прав в данной категории и решают следующие вопросы: принимают муниципальные правовые акты в сфере профилактики правонарушений; создают координационные органы в сфере профилактики правонарушений; принимают меры по устранению причин и условий,

---

¹ Турский И.И., Лысяков О.А. Применение инновационных технологий органами местного самоуправления по профилактике терроризма и экстремизма // Лучшая научная статья 2018. Сборник статей XV Международного научно-исследовательского конкурса. 2018. С. 307-310.

способствующих совершению правонарушений; обеспечивают взаимодействие лиц, участвующих в профилактике правонарушений, на территории муниципального образования; осуществляют профилактику правонарушений в следующих формах профилактического воздействия, а именно такие ключевые позиции как правовое просвещение и правовое информирование; социальная адаптация; ресоциализация; социальная реабилитация и помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми и в своей основе реализуют иные права в сфере профилактики правонарушений.

Применяя нормы действующего законодательства к анализу профилактической работы органов местного самоуправления в рамках противодействия экстремизму, стоит отметить, что целый ряд правовых аспектов профилактической работы должного отражения не получили. Как правило, большинство муниципальных органов принимают муниципальные правовые акты в сфере профилактики правонарушений. В значительном количестве случаев речь идет о муниципальных программах профилактики экстремизма и терроризма, а также о нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность территориальных антитеррористических комиссий при муниципальных образованиях. И здесь нельзя не отметить тот факт, что из числа форм осуществления профилактики правонарушений, предусмотренных Федеральным законом от 23 июня 2016 года 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», свое достаточное отражение применительно к профилактике экстремизма находит в достаточном объеме только правовое просвещение и правовое информирование. Иные формы используются мало или не используются вообще [1].

Еще одна основная проблема профилактики экстремизма в деятельности органов местного самоуправления заключается преимущественно в недостаточном финансировании данной деятельности или в неэффективном распределении финансовых средств и экономических

ресурсов в рамках профилактики терроризма и экстремизма. Конечно, проблемы экономического плана тесно связаны и во многом порождены общими сложностями, которые испытывают органы местного самоуправления при формировании бюджета муниципального образования. При всех объективно присутствующих сложностях недопустимыми при применении являются в рамках профилактики терроризма и экстремизма следующие ключевые моменты данной категории это принятие в муниципальных образованиях субъектов РФ программ профилактики терроризма и экстремизма, мероприятий которые не предусматривают финансирования; такой фактор как приостановление финансирования региональных программ противодействия и профилактики терроризма и экстремизма либо их финансирование не в полном объеме; позиции по несоблюдению условий софинансирования, недофинансирование по социально значимым государственным программам, направленным на социальную защищенность граждан, повышение уровня жизни населения, укрепление общественной безопасности.

Следует признать тот факт, что сегодня осознание значимости предупредительных мер в области экстремизма и терроризма, а также мер ответственности должностных лиц органов местного самоуправления за ненадлежащее осуществление данного рода деятельности приводит к тому, что определенные финансовые и ресурсные резервы изыскиваются и экономическая составляющая профилактики экстремизма предстает более сформированной, чем несколькими годами ранее. Однако даже выделяемые средства расходуются, как правило, достаточно типичным, однообразным образом, что не позволяет в полной мере обеспечить эффективность проводимых профилактических мероприятий. Отдельной строкой финансирования идет техническое обеспечение деятельности муниципальной антитеррористической комиссии. Оно выражается в приобретении или использовании необходимой вычислительной и оргтехники, приобретении бумаги и иных расходных материалов [2].

При этом нельзя не заметить того, что финансирование профилактики экстремизма идет в рамках преимущественно информационно-пропагандистского направления, а профилактика терроризма – в рамках информационно-пропагандистского и организационно-технического. Иначе говоря, экономическое обеспечение профилактики экстремизма ограничивается финансированием подготовки информационных материалов, организацией научно-исследовательских, культурных и представительских мероприятий, а профилактика терроризма предполагает еще и выделение значительных средств в рамках организационно-технического оснащения объектов, функционирование которых предусматривает создание паспортов антитеррористической защищенности.

Основываясь на всем вышесказанном, можно сформулировать инновационные подходы к осуществлению профилактики экстремизма, позволяющие диверсифицировать направления экономического обеспечения профилактики экстремистской деятельности. Прежде всего программы должны предусматривать профилактические мероприятия, направленные на ресоциализацию, социальную реабилитацию и помощь лицам, пострадавшим от экстремистских правонарушений или подверженным риску стать таковыми [2].

На сегодняшний день экстремизм как в форме уголовного преступления, выражающегося, например, в возбуждении ненависти или вражды по национальным, расовым, этническим и иным признакам, так и в форме административного правонарушения, например публичной демонстрации нацистской атрибутики или символики, распространения экстремистских материалов и т.п., достаточно широко представлен в сети Интернет в целом и в социальных сетях в частности. Это обстоятельство не позволяет игнорировать осуществление такой формы работы, как предоставление помощи лицам, пострадавшим от экстремистских правонарушений или подверженным риску стать таковыми, причем на плановой основе. Представляется необходимым предусмотреть в

муниципальных программах мероприятия с выделением на их проведение необходимого финансового обеспечения, направленные на разъяснение алгоритма действий лиц, в случае, когда они в ходе пользования информационными сетями подвергаются экстремистскому воздействию. Эти мероприятия могут иметь такие основные направленности как: правовую – разъясняется алгоритм действий лица, подвергающегося воздействию материалов экстремистского характера в сети, проводится разъяснительная работа по ознакомлению с особенностями распространения экстремистских материалов и привитию минимальных стандартов законопослушного поведения в сети в части, касающейся соблюдения требований антиэкстремистского законодательства (особенно в среде несовершеннолетних); психологическую – здесь речь должна идти о мероприятиях виктимологической профилактики, иначе говоря, работе психологов с потенциальными жертвами экстремистских правонарушений, работе психологов с лицами, подвергшимися экстремистскому воздействию; социальную - организация и поддержка деятельности социальных сообществ, в том числе и в Интернете. Особый интерес в последнее время представляет использование современных социальных практик, имеющих широкое распространение и привлекательность в молодежной среде, таких, как организация флешмобов, квестов и т.п., с целью не только формирования толерантности, но и помощи лицам, пострадавшим от экстремистских правонарушений или подверженным риску стать таковыми [4].

Под ресоциализацией понимается комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы или подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера [3]. К сожалению, реалии наших дней таковы, что число лиц, подвергнутых уголовному или административному наказанию за

осуществление экстремистской деятельности, стремительно растет. Причем особое внимание следует, на уровне органов местного самоуправления уделить ресоциализации лиц, привлекавшихся к административной ответственности.

Особое значение ресоциализация имеет применительно к несовершеннолетним. Таким образом, мероприятия по ресоциализации должны быть предусмотрены в муниципальных программах, причем с обязательным экономическим обеспечением планируемых мероприятий.

Наконец, важной и инновационной для органов местного самоуправления формой профилактики экстремизма можно считать и социальную реабилитацию, которая представляет собой совокупность мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей лицами, в той или иной мере причастными к экстремистской деятельности. Здесь особое внимание следует уделить несовершеннолетним, в отношении которых у правоохранительных органов имеется информация об их вовлеченности в экстремизм, но основания для привлечения их к ответственности пока отсутствуют. Безусловно, все вышеупомянутые мероприятия органы местного самоуправления не способны осуществлять самостоятельно. Программа должна предусматривать развернутую координацию и взаимодействие с иными субъектами профилактики экстремизма на уровне муниципального образования. Это, в свою очередь, повысит уровень результативности профилактической работы.

Список литературы

1. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (в ред. 09.04.2018) – Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/federalnyizakon-ot-23062016-n-182-fz-ob/> (дата обращения: 12.04.2018)

2. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) Режим доступа:

http://www.consultant.ru/law/podborki/pasport_antiterroristicheskoy_zaschischennosti/ (дата обращения: 12.04.2018)

3. Доморников А.Н. Правовые факторы при расследовании преступлений в юрисдикции экстремистской составляющей // Правовое регулирование современного общества: теория, методология, практика Материалы II Международной научно-практической конференции. 2017. С. 377-383.

4. Сальников Е.В., Сальникова И.Н. Инновационные направления деятельности органов местного самоуправления по профилактике экстремизма (экономический и правовой аспекты) – Режим доступа: <http://отрасли-права.рф/article/28311> (дата обращения: 12.04.2018).

ЧЕКАЛИНА А.А.

ПРЕВЕНЦИЯ ЭКСТРЕМИЗМА МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ¹

Современный экстремизм и его радикальные формы – это далеко не локальная или региональная проблема. Это явление мирового масштаба, имеющее общие для различных государственных систем предпосылки и условия возникновения и развития, цели и задачи, сопоставимый характер организационной структуры и мероприятий, формы психологических и социальных проявлений. Обобщенность проблематики не исключает, разумеется, специфику и уникальность экстремистских проявлений в зависимости от политической, экономической и социальной структуры государства и общества, исторических и культурных процессов, однако допускает возможность сопоставления опыта профилактики и противодействия экстремизму.

Настоящая статья представляет собой обзор британской научной прессы, освещающей вопросы профилактики и противодействия экстремизму в его различных вариантах. Ее написание обусловлено также личным опытом знакомства с инновациями в социальной работе Великобритании, особенностями организации работы с молодежью,

---

¹ Чекалина А.А. Превенция экстремизма молодежи: опыт Великобритании // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-11. С. 2556-2560.

мигрантами, женщинами, людьми с особыми потребностями, практикой социального предпринимательства [5]. Социальная работа играет важную роль в жизни британского общества, традиционно является сферой интересов государства, предметом его пристального внимания и активного вмешательства, одновременно – составной частью превенции девиантного и экстремистского поведения. Анализ работы и посещение социально ориентированных организаций, среди которых центр по оказанию помощи бездомным Crises Skylight, центр по социальной реабилитации алко- и наркозависимых Ley Community, позволили осмыслить опыт работы подобных социальных структур, инновационные методы работы с клиентами и высокий уровень их эффективности. Подобные негосударственные некоммерческие организации показывают пример социальной активности и ответственности общественных структур, производит глубокое впечатление профессиональный уровень сотрудников.

Работа с молодежью в Великобритании представляет налаженный механизм взаимодействия общественных и государственных структур в области решения общих задач и одну из успешных и передовых зарубежных технологий и методов работы. Молодежная работа ориентирована на персональное и социальное развитие молодых людей (отличное от академического и профессионального развития), привитие и поддержание установленных ценностей. Общациональная концепция молодежной общественной деятельности Великобритании открывает перед молодежью широкий спектр возможностей – от участия в акциях по охране природы на местном уровне (в масштабах города, поселка и т.д.) до добровольческой деятельности за рубежом; от активного участия в спортивных и общественных мероприятиях местного сообщества до наиболее эффективного использования возможностей школьного образования (занятия в компьютерных классах, посещение внешкольных кружков и клубов, работа со сверстниками, наставничество). Решаются задачи включения молодежи любого социального или этнического происхождения в добровольческую

деятельность; расширение возможностей волонтерства, доступ к информации о добровольчестве, консультирование, широкие возможности для развития навыков, поддержка и увеличение числа молодых добровольцев. Подобный подход рассматривается как комплекс достаточно эффективных и перспективных профилактических мероприятий, призванных противодействовать развитию экстремистских убеждений и форм поведения.

Превентивные возможности общества, государства, отдельных граждан в противодействии экстремизму среди молодежи обсуждаются в массовых периодических изданиях и в научной литературе Великобритании. Из перспективных идей превенции и противодействия молодежному экстремизму, высказываемых экспертно-научным сообществом, можно выделить несколько ключевых направлений.

Проводится комплексная оценка сущности феномена экстремизма: содержание явления, функции, разновидности, этнопсихологические, гендерные, территориальные и прочие особенности.

В частности, в работе S. Rippl, Ch. Seipel (1999) анализируются гендерные различия праворадикального экстремистского поведения молодежи. Ссылаясь на предыдущие исследования (Boehnke, Hagan, and Merkens, 1999, Eiler and Loye, 1983, Hagan et al, 1999, Heitmeier, 1995, Rippl and Boehnke, 1995, Sidanius, Pratto, and Brief, 1995, Watts, 1997), авторы приходят к заключению, что гендерные различия в отношении праворадикального экстремизма часто объяснены различиями состава организационных структур (партий, группировок), а также способами выражения экстремистской активности. Анализ изучаемых аттитюдов, которые представляют сплошь спектр мужской активности, а также отсутствие дифференцированных инструментов, позволяющих уточнить нюансы женского и мужского поведения, показал, что женский праворадикальный экстремизм возможно недооценен, эта возможность не тестирована эмпирически в современных исследованиях. Собственное исследование авторов позволило сделать заключения о том, что гендерных

различий на аттитюдном уровне меньше, чем на организационном или поведенческом, гендерные различия в способах выражения экстремистских убеждений определяют поведенческие и организационные различия [10].

Анализируются подходы к типологиям участников экстремистских групп [3]. Для ее построения N. Vjorgo (2011) отобрал следующие ценностные ориентации: идеологическая / политическая мотивация – безыдеологичность / аполитичность; лидерство/высокий статус в группе – следование / сильная потребность в принадлежности к группе; хорошая социальная адаптированность / потенциальность; маргинализация / слабые социальные ресурсы; высокий – низкий уровень поиска острых ощущений. Анализ экстремистского поведения и ценностных ориентаций позволил автору выделить следующие типы молодых экстремистов и наметил пути превентивной работы с ними. Это идеологические активисты (*ideological activists*), бродяги (*drifters*) среди которых отдельная группа неофитов (*converts*), последователи (*followers*), социально фрустрированная молодежь (*socially frustrated youths*).

По мнению автора, индивидуальности обыкновенно присоединяются к экстремистским группам не потому, что имеют экстремистское мировоззрение, они его приобретают, будучи вовлеченными в экстремистские группировки по другим причинам. Личности могут начинать как относительно маргинализованные и становиться лучше социально адаптированными и интегрированными в общество, или наоборот, потерять прочную позицию в обществе, либо быть вовлеченными в воинственный экстремизм, претерпев криминальное или наркотическое надругательство. Кроме того, люди присоединяются к экстремистским группировкам в поисках активности, и душевный порыв может «вознестись» с возрастом или выгореть под постоянным давлением и истощением.

Типологии могут быть использованы как помощь в развитии специфических и целенаправленных стратегий превенции интенсивной

радикализации, принимая во внимание разнообразие движений внутри различных типов экстремальной активности.

В британской научной прессе осуществляется дифференцированный анализ причин возникновения и утверждения молодежного экстремизма. Экстремизм в Великобритании объясняется прежде всего социальным неравенством, внутривнутриполитической линией государства, связан с экологической угрозой.

Анализируется влияние гражданского общества на осуществление государством конструктивных действий (Н. Shaftoe, Т. Umut, 2007-2010, J. Skoczylis, 2014, Т. Abbas, А. Siddique, 2012). Осмысляются принципы межличностных и межгрупповых отношений в современном гражданском обществе, идут дискуссии по проблемам глобализации, отмечая ее спорный эффект на стабильность культурного дифференцирования этнических и религиозных групп, которые составляют человечество [11].

Проводится сравнительная характеристика параметров политической маргинализации безработной и занятой молодежи, рассматриваются разные аспекты – политические убеждения, политические интересы и политический экстремизм [2]. Результаты неожиданно не дают оснований говорить о том, что безработные маргинализуются более активно, в отличие от занятых, хотя подобные более ранние исследования показывают наличие у безработных более радикальных политических аттитюдов. В исследовании А.-Н. Вау, М. Влекесауне показано, что некоторые революционные идеи высказывают и те, и другие группы.

Были обнаружены довольно большие социокультурные различия между занятой и безработной молодежью. Занятые имеют большую предрасположенность быть удовлетворенными тем, как работают демократические механизмы, чем незанятые в Великобритании. Напротив, в Италии сложилась оппозиционная ситуация. Здесь безработные вполне удовлетворены устройством государства, несмотря на то, что уровень безработицы в этой стране – один из самых высоких.

Авторы находят объяснение этому феномену в культурных составляющих сравниваемых стран. По убеждениям британской молодежи, безработица – это проявления лузерства, неудачливости, осуждаемой в обществе, наличие безработицы усиливает ощущение маргинальности. В Италии, в другой социальной и культурной среде, безработный – не аутсайдер, маргиналом себя не ощущает.

Обсуждается влияние СМИ на экстремистские настроения молодежи, указывается его как превентивный, так и пропагандистский потенциал (N. Schils, L. Pauwels, 2013, J. Skoczyliis, 2014). Обнаружены статистические значительные эффекты воздействия радикального содержания СМИ на политические вандализм и насилие в тех случаях, когда люди активно ищут экстремистское содержание в Интернете, в противоположность пассивным и случайным находкам [12]. Это предполагает, что уже существующий, сформированный интерес к экстремизму является предпосылкой для поиска молодыми людьми определенной информации, которая, в свою очередь, далее их направляет.

Вырабатываются разноуровневые подходы для полномасштабной борьбы с этим явлением. В уже упомянутой работе N. Vjorgo [3] автор доказывает, что поскольку природа экстремизма динамична и разнообразна, бесполезно ориентировать единую стратегию превенции для всех типов экстремистского поведения, гораздо эффективнее подобрать специфические инструменты, подходящие к каждому отдельному типу или аспекту. Некоторые из типов восприимчивы к социально-экономическим воздействиям, другие – к психо-социальным факторам и другие – к идеологическим и политическим результатам. Таким образом, превентивная стратегия должна быть приспособлена к специфическим движущим силам активности каждого основного типа и специфики различных групп.

N. Vjorgo убежден в том, что в течение своей экстремистской «карьеры» индивидуальности сходных типов на начальной стадии приобретают характеристики других типов к конечной стадии. Кроме того, типологии,

которые работают для одного типа групп или движений, не работают равно хорошо применительно к другим движениям. В превентивных и противодействующих мерах один подход ко всем типам не функционален. Те иллюзии, которые привлекли в движение – а это либо политические задачи, либо поиски дружбы или ощущения принадлежности или цели – являются значимыми факторами освобождения человека от экстремистской идеологии. В процессе своей экстремистской карьеры активисты имеют тенденции менять ценности и мотивацию, позиции и роли в группировках. Однако лучшее понимание процесса развенчания иллюзий для разных типов экстремистской активности может предлагать возможности для ускорения этого процесса.

Психологические подходы к проблеме позволяют собирать и анализировать информацию об отношении молодежи к эффективности стратегий профилактики экстремизма. В работе Т. Abbas, А. Siddique (2012) представлены результаты восприятия направлений радикализации и путей дерадикализации общества, основанные на исчерпывающем интервью для репрезентативной выборки молодых мусульман постиндустриальных городов Британии. Респонденты высказались по поводу общих перспектив социальных исключений, исламофобии, неудач в политическом руководстве, регрессивных антитеррористических законов и геополитических событий как принципиальных факторов радикализации и дерадикализации британских мусульман [1].

Негативные последствия локальных и глобальных событий несут потенциал для привлечения молодежи в экстремистские организации, которые оказывают интернальное и экстернальное давление. Молодые мусульмане отмечали в лице экстремистских организаций наличие альтернативы традиционному духовному лидерству, негибкому, не способному прислушаться к требованиям молодых. Экстремистские рекрутеры нередко способны более оперативно и легче оказать помощь молодежи и заполнить возникающие экзистенциальные лакуны, чем мечети и

имама, играя на актуальных познавательных потребностях молодежи (например, используя прогрессивные технологии обучения всем аспектам джихада, включая борьбу за ислам).

Исследование показало, что определенные группы молодых мусульман используют физические атрибуты (хиджаб, бороды, капы) только для выражения сопротивления против антимусульманской риторики, находя более эзотерические, чем идеологические выходы сдвигу культурной идентичности. Себя они считают британцами, но более определенно – британскими мусульманами.

Из ответов респондентов авторы сделали заключение о важности их включения в политический мейнстрим; определенные социальные проблемы молодежи возникают вследствие националистических монокультурных ориентаций общин.

Школьное образование и воспитание в семье является мощным идеологическим антиэкстремистским фактором в сфере молодежной политики. Каждая школа снабжена инструкциями местных органов власти, применительно к насилию и экстремизму. В прессе упоминаются курсы повышения компетентности учителей в формировании толерантности к представителям разных культур. Превентивные мероприятия включены в учебные планы школ и программы внеурочной деятельности школ, в программы учебных предметов [8, 9]. В работе А. Clinch обсуждается модель Supply and Demand (Meah и Mellis, 2006), базирующаяся на «когнитивных открытиях», которые учащиеся школ и колледжей могут сделать в размышлениях, дебатах, дискуссиях [6]. Экстремальное поведение нередко возникает как следствие фрустрированности молодежи, наблюдающей или получающей опыт дискриминации, безнравственности, безнаказанности, унижений, отчужденности в обществе. Такой деструктивный опыт лишает молодого человека чувства принадлежности к социуму, в частности школе, что в свою очередь является питательной средой для враждебности, агрессивного и экстремального отношения к окружающей действительности.

Периодические издания нередко обращаются к характеру и анализу действенности превентивных антиэкстремистских мер. В частности программа «Muslim Youth Development Partnership» среди своих задач выделяет работу с молодежью через обучение, привлечение к волонтерской деятельности мусульманской молодежи (нередко из числа футбольных фанатов) [4]. Пресса пишет о программах школ лидерства для молодежи в местных сообществах, ориентирующих на профилактическое образование и развитие внутрисемейного общения [13].

Программа «Competent for Democracy – counselling networks against right-wing extremism», реализованная в Германии (2007-2010), в частности регионе Нижняя Саксония, представляет собой сеть профессионального консультирования для помощи людям, находящимся в проблемных ситуациях, что расширяет возможности противостояния экстремальному поведению молодежи [7]. Задачами настоящей сети являются помощь посредников (Mobile Intervention Teams), которые могли бы стать фильтром для проникновения местной молодежи в праворадикальные группировки; организация взаимодействия гражданских структур; расширение общественных «запретных зон»; соответствующие гражданские инициативы; решение жилищных вопросов; организованные для молодежи культурные мероприятия (концерты, стендовая информация, демонстрация примеров насилия, имущественного ущерба, провокаций и т.д.).

При анализе опыта Великобритании в превенции молодежного экстремизма мы рассмотрели несколько перспективных направлений в практике работы и научных исследованиях. Можем констатировать, что профилактика молодежного экстремизма – актуальная тема для британской научной и публицистической прессы, где отмечается, что как не существует одного фактора, катализирующего экстремистские установки, так нет, не может быть одного, универсального «рецепта» борьбы с этим негативным социальным явлением. В Великобритании залогом успешной работы с молодежью признается государственная и общественная поддержка

структур, занимающихся проблемами молодых людей и содействующих их интеграции в общество, ориентация на принципы мультикультурного и толерантного общества, активная социально-педагогическая работа и психологическое сопровождение, формирование у молодежи позитивной идентичности и ощущения единства с британским обществом.

Публикация осуществлена при поддержке Гранта Международного конкурса РГНФ – Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований 2013–2014 «Гендерные особенности проявления экстремизма в молодежной среде» (№13-23-01014).

Список литературы / References

1. Abbas T., Siddique A. Perception of the processes of radicalisation and de-radicalisation among British South Asian Muslims in a post-industrial city / *Social Identities*. – 01.2012. – Vol. 18, №1. – P. 119–134.

2. Bay A.-H., Blekesaune M. Youth, unemployment and political marginalization / *International Journal of Social Welfare*. – 2002. – №11. – P. 132–139.

3. Bjorgo N., n.d. Dreams and disillusionment: engagement in and disengagement from militant extremist groups / *Crime Law Soc Change*. – 2011. – №55. – P. 277–285.

4. Cash boost for work on anti-extremism // *Children & Young People Now*. 6/18/2008, p. 6.

5. Innovative technologies of social work: professional and personal effectiveness / *International Spring School // Program Ivanovo Center for Gender Studies–Ruskin College, Oxford (April 14–24 2014)*.

6. Clinch A. A community psychology approach to preventing violent extremism. – *Archive University of Birmingham*, 2011. Available at: <http://etheses.bham.ac.uk/3197>.

7. Coester M. Prevention of Hate Crimes and Rightwing Extremism in the State of Lower Saxony and Germany // *Conference Papers / American Society of Criminology (Annual Meeting)*. – 2008, p1.

8. Maryland Governor's Task Force on Violence and Extremism. Policies & Programs of Maryland's School Systems Relating to the Prevention & Control of Violence & Extremism – *Report of the Governor's Task Force on Violence & Extremism*. 1985. 31 p.

9. Maryland Governor's Task Force on Violence and Extremism. Final Report of the Governor's Task Force on Violence & Extremism. 1987. 168 p.

10. Rippl S., Seipel Ch. Gender Differences in Right Wing Extremism: Intergroup Validity of a Second-Order Construct / *Social Psychology Quarterly*. – Dec 1999, Vol. 62. Issue 4. pp. 381–393.
11. Sloterdijk P. What happened in the twentieth century? / *Cultural politics*. – 2007. – Vol. 3, is.4. P. 327–356.
12. Schils N., Pauwels L. Explaining violent extremism: the role of new social media // *Conference European Society of Criminology*. – Budapest, Hungary, 2013.
13. Your speed-read round-up of the week / *Children & Young People Now*. 2/26/2009, P. 6–7. Venue – Oxford, United Kingdom.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Хрестоматия

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 02.03.2018.

Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times.

Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 1,8. Уч.-изд. л. – 1,6.

Тираж 100 экз. Заказ №

ИПК БГПУ 450000, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, За